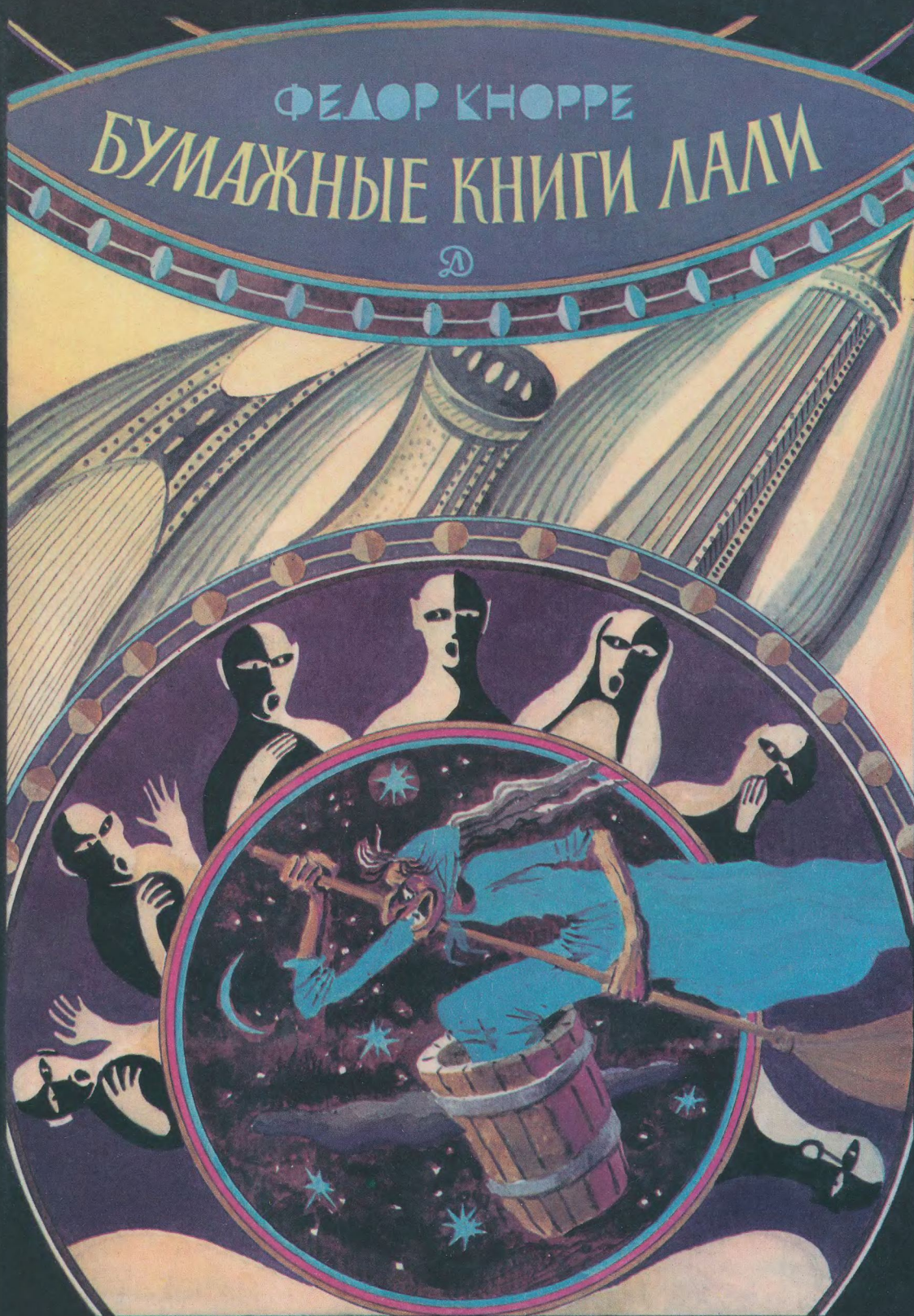

ФЕДОР КНОРРЕ
БУМАЖНЫЕ КНИГИ ЛАЛИ

Д

БУМАЖНЫЕ КНИГИ ДАДИ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

P2
K53

4803010102—581
K М101(03)83 268—83

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

ГЛАВА I ВИЗАНТИЙСКИЙ ТОРТ

Приближался день рождения Лали, они вытащили календарь, стали свечать цифры, и тут обнаружилось, что им обоим на днях стукнет ровно сто лет. Тогда они решили торжественно отпраздновать день своего столетия.

До того им понравилась эта мысль, что Лали с увлечением принялась копаться в старых ящиках и альбомах, отыскивая подходящую картинку для пригласительного билета.

— Вот эта, я думаю, подойдет! — объявила Лали.

— А что на ней нарисовано?

— Она разноцветная. Тут какие-то крошечные человечки тащат что-то похожее на колбаску. Гномы, наверное. Сгибаются от тяжести, надуваются с натуги, но вид у них очень самодовольный. Ими командует Фея с дирижерской палочкой, наверное, волшебной... Все прекрасно, вот я сейчас немножко замажу золотой краской колбаску... Вот так... А сверху пишу: «100» — получается, как будто человечки тащат громадные, тяжелые буквы. А внизу подпись: «Просьба гостям являться без опоздания, ровно в четверг». Ну как?

Прат сидел в своем глубоком кресле у камина и тихонько смеялся, закинув голову, не оборачиваясь.

— По твоему описанию это лучший пригласительный билет, какой я видел в жизни. Но ведь он только один, а гостей будет несколько!

— Ну и что? Ведь мы их приглашаем в четверг. А по четвергам они и так приходят каждый раз. Я наклею приглашение на дверь снаружи. Они явятся, как всегда, и вдруг увидят, что приглашены. Ведь им будет приятно, правда?

Они вместе вышли на крыльцо, наклеили приглашение на дверь и уселись на ступеньках подышать свежим воздухом.

— Я вот о чем подумала, — задумчиво заговорила Лали. — Что, если все у нас было бы наоборот? Мне было столько лет, сколько тебе, а тебе сколько мне? Ты бы не стал относиться ко мне по-другому? Может быть, тебе стало бы неинтересно со мной?

— Какие глупости. Неужели ты думаешь, что из-за таких пустяков могла бы испортиться наша дружба?.. Но по правде говоря, мне очень не хотелось бы опять стать мальчишкой. Очень!

— Мне тоже кажется, так, как сейчас, лучше.

Они сидели, держась за руки, на крылечке маленького домика. Прямо от нижней ступеньки начиналась зеленая лужайка, густо заросшая травами. Узенькая тропинка была протоптана к серебристому возвышению лифта.

— Как хорошо и как по-разному пахнут травы,— проговорил, глубоко вздохнув, Прат.

— Да, и подумать только, что когда-то их называли сорными только за то, что их нельзя съесть. Ведь ты помнишь это время?

— Конечно.

Края лужайки были огорожены прозрачной матовой стеной. Она пропускала свет, но сквозь нее ничего не было видно: ни громадных зеркальных шаров энергоудержателей, ни других шестидесятиэтажных и стоэтажных зданий города, потому что сама хижина с ее красной черепичной крышей, старинной каминной трубой и заросшей лужайкой стояли на плоской крыше двадцатизэтажного комплекса Центра Связи «Земля — Космос».

— Они удивятся, когда увидят, что явились по приглашению. Правда?

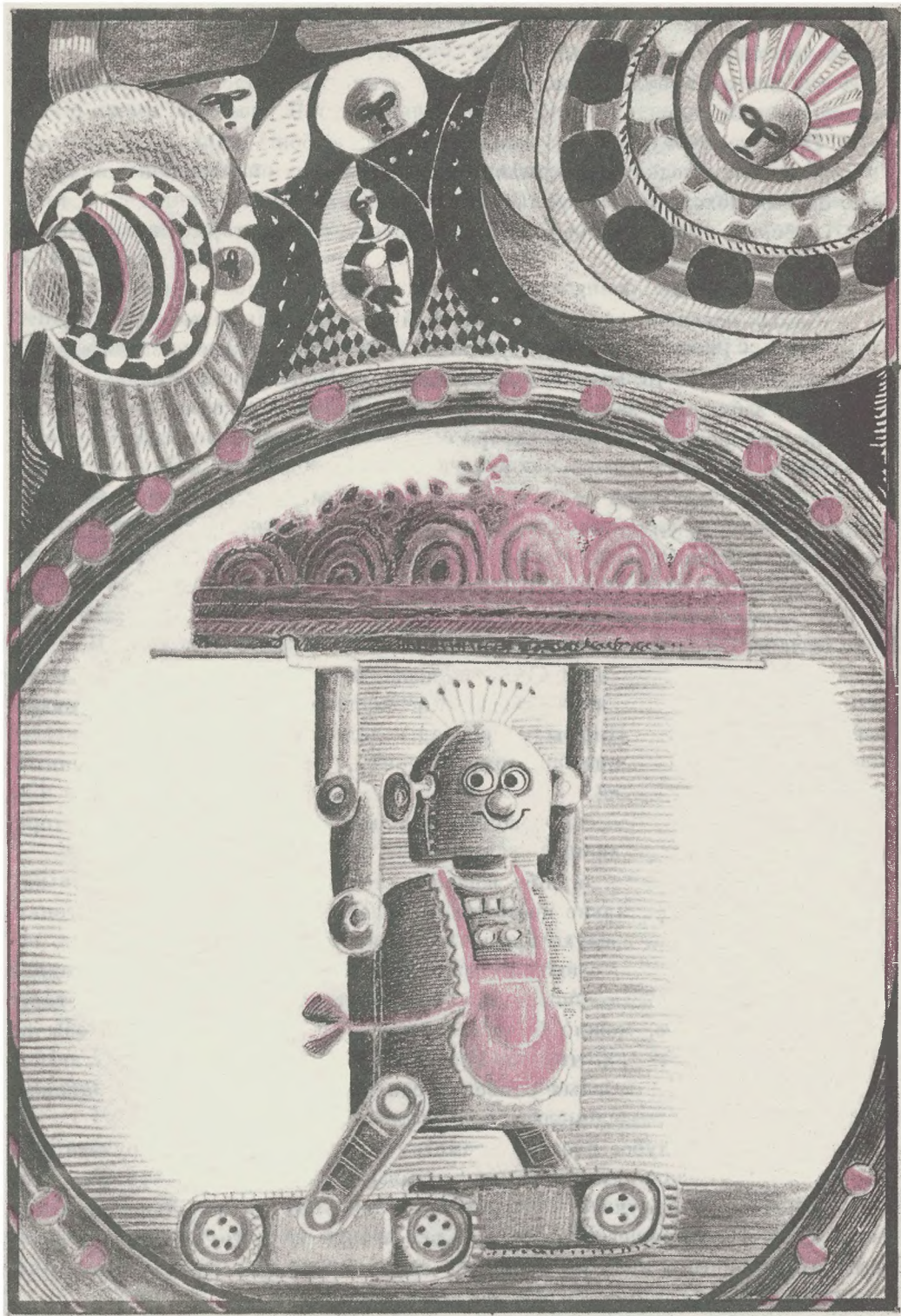
— Вероятно. Но что же делать. Тут нет никакого жульничества, все правда... Ну может быть, самая малость, несколько недель, чтобы все совпало в точности, к четвергу.

— В конце концов это наше личное дело, когда мы хотим отпраздновать наше столетие. Разве нам не исполняется сто лет?

— Но ведь нам надо заказать торт! — хлопнула себя по лбу Лали и, оглянувшись, позвала: — Робби!

Робби, маленький кухонный робот, самообучающегося типа, по обыкновению прикативший следом за Лали, бездельничал, обмениваясь информацией с единственным слугой Прата, неуклюжим Старым Роботом. По обыкновению, тот был занят самопочинкой. На это у него уходило больше времени, чем на работу, но идти в капитальный ремонт он упрямо отказывался.

— Нет-нет,— ворчливо похрипывал он навестившему его Робби.— Они мне уже предлагали заменить левую ногу. «А зачем?» — спрашиваю я их. «Она у тебя поскрипывает». — «Ах, поскрипывает? — говорю я им.— Так замените мне прокладки!» — «Теперь таких уже не выпускают!» — «А ноги выпускают?» — «Нет, мы тебе поставим новые, гораздо лучшие!» — «Ах вот оно что!.. А руки?» — «Руки мы тебе тоже заменим». Ну, тут я все понял... Они доберутся до меня, присобачат мне руки-ноги новомодной модели, а потом отключат, доберутся до моих запоминающих устройств, поставят новые пустые кассеты, и я позабуду все, что запомнил за те годы, что ухаживаю за хозяином: его привычки, наши разговоры, шуточки, и как он болел, и я один ухаживал за ним, и то, как он совсем ослеп, и я один это знал, и как я ему читал газеты и книги!.. Нет, новый шарнир, прокладка, это куда ни шло, даже нога! Я все-таки остаюсь я! А дай им добраться до запоминающих узлов, и я уже буду не я. Нет уж. Большое спасибо. Не позволю я копаться в моих кассетах, которые всю жизнь понемногу записываю... Когда меня отправят в переплавку, лучшие кассеты я оставляю на память о себе хозяину. И он будет меня вспоминать, проигрывать наши общие воспоминания...

— Да, кассеты памяти — это все богатство нашего брата-робота, — сочувственно поддакнул Робби.

И тут его окликнула Лали. Он с облегчением помчался, избавившись от брюзжания старика.

— Готов к приему! — бодро выпалил малыш Робби.

Стремительно подкатив к крыльцу на своем бесшумном каучуковом вездеходе, он был похож на мальчишку, скользящего на коньках.

— Робби, — сказала Лали, — нам к четвергу нужен торт. Самый торжественный, парадный торт.

— Праздничный?

— Самый большой, самый праздничный! Столетний юбилей!

— Ясно. — Робби полсекунды жужжал, прорабатывая задачу, затем взлетел на крыльцо, зачем-то занялся измерением дверного проема наискосок по диагонали, забулькал, записывая цифры или свои соображения, это было похоже на подавленный смешок, заиграл где-то подхваченную мазурку, умчался к лифту.

Только на следующий день, в четверг, все объяснилось, когда Робби притащил заказанный ему торт. Его пришлось протаскивать через входную дверь наискосок, наклонив набок, точно крышку круглого стола, купленного на мебельном складе, не подумав, влезет ли он в тесную квартиру.

Как только Робби установил торт посреди комнаты, запахло праздником и стало торжественно.

— Торт «Византийский». Тесто образца «Мечта», слегка подсушенная, лимонно-ананасно-апельсино-ореховая прокладка, крем клубнично-банановый на тертых орехах. Цифры — шоколад, — доложил Робби.

— Отлично! Настоящий «Византийский», пышный, величественный, юбилейный торт. Спасибо!

— Хорошо сказано! — самодовольно мурлыкнул Робби и укатил, не торопясь, то и дело оглядываясь.

Старый Робот, громко скрипя, вошел в столовую и включил камин — так как было лето, он правильно поставил на «слабое тепло» и «веселый огонь».

По всей комнате в воздухе плыли волны ароматов клубники, ананаса, ванильного крема, тертых орехов и бананово-шоколадной смеси. Шоколадная цифра «100» красовалась посередине, вся в завитушках из разноцветного крема, глядя на нее, можно было себе легко представить, как это обычно и получается на юбилеях, что вся прожитая юбилярами жизнь была легкой прогулкой по волнам взбитых сливок среди клубничных островов и ананасных берегов, поросших мармеладными кустиками.

— Ты надела голубое платье! — заметил Прат, коснувшись ее рукава.

— Голубое с золотыми пчелками. Бывает сто разных голубых... Этот цвет очень легко получить, если знать правильный рецепт краски. Стоит взять кусочек настоящего голубого льда, вылить на него кувшинчик горячего синего чистого неба и, когда все закипит, окунуть туда платье. Пчелокшивают уже потом. Теперь ты его видишь?

— Так ясно, как будто я его сам красил.

— Я люблю это платье. Вероятно, оно очень модное. Во всяком случае нарядные дамы на картинках в старых рыцарских сказках носили такие.

Во время разговора Прат доставал из коробки маленькие свечи и передавал их в руки Лали. Она осторожно втыкала их в мягкую поверхность торта. Сначала выстроила из них частокол по самому краю, потом повела по спирали к середине. Надо было очень аккуратно рассчитывать, чтоб уместились все сто штук и расстояния между свечками выходили ровные. Но это не очень-то у нее получалось.

— Ну как? — спросил Прат, подавая последнюю свечку. — Он не стал теперь похож на ежа?

— Нисколько. Скорее похож на остров, вольно поросший белыми деревцами с хохолками на макушке. Когда придет пора, на них расцветут и поднимутся язычками вверх спелые, сине-красные огоньки.

Теперь оставалось только подождать прихода гостей...

— Что-нибудь забавное было на вчерашнем сеансе связи с Космосом? — легкомысленно спросила Лали.

— О нет, все то же. Почти пятьдесят лет прошло с тех пор, как я сорокалетним мальчишкой начал работать в нашем Центре Связи с Космосом — мы посылали сигналы во все стороны, мы прослушивали все излучения и шорохи, и все напрасно.

— Почему же напрасно? Ведь давно уже, кажется, связь установлена. Они разговаривают со всеми нашими пунктами, и мы их так же хорошо понимаем, как они нас, и они слушают, что мы отвечаем, через все наши Центры Связи и Координации.

— Да... Связь у нас есть. Но установили ее не мы. Это они нашли нас, они с нами заговорили.

— Какая же разница?

— Очень большая... Ну, ты ведь читала, скажем, как некий Колумб открыл Америку.

— Ну, еще бы!

— Так вот, с нами произошло нечто вроде того, что сама Америка прилетела и открыла нас, бедных Колумбов. Понимаешь, их цивилизация опередила нашу на десять—двенадцать тысячелетий. А это довольно много.

Лали обрадованно засмеялась:

— Да, да, я представляю себе этого бедного Колумба. Но ведь наши эти Центры и Пункты Связи уже давно переговариваются с Космосом?

— Уже одиннадцать лет. Тебе было два годика, когда произошел первый контакт.

— А теперь?

— Они почти совсем замолчали... Потеряли почти всякий интерес... Ну, ты ведь, вероятно, знаешь то, что все знают?

— Что они нас предупредили? А это правда?

— Десять лет назад мы еще могли сомневаться, но теперь мы уже и

сами можем установить своими наблюдениями: все вполне точно. Да, все так и произойдет, как они нас любезно предупредили.

— И действительно, наша планета тогда погибнет?

— Нет-нет... Она отклонится от своей орбиты, произойдут кое-какие изменения, но... как бы тебе объяснить. Тонкий слой кислорода, окутывающий нашу Землю, улетит в Космос, как легкая вуаль. И органическая жизнь прекратится. Вероятно, на время, скажем на три-четыре миллиарда лет.

— И они это нам преспокойно выложили и не предложили как-нибудь помочь? Или они не могут ничего сделать?

— Мы запрашивали их много раз, они отвечают: «Нет заинтересованности», и выключаются.

— Значит, они могли бы что-нибудь сделать, но не желают? Тогда они просто космические свиньи, так им и надо сказать.

— Боюсь, что они даже не обидятся.

— Они злые?

— Хуже. Они никакие.

— Но они хоть чуточку похожи на людей? Или это осьминоги, зеленые чертенята?

— О нет, они очень похожи на нас, хотя они не очень-то много о своей планете рассказывают. Мы даже не знаем, одна у них планета или две... четыре? Удивительно только, что одна их планета несомненно называлась когда-то в древности (в их древности) ЗЕМЛЯ ВТОРАЯ. Теперь название очень искажено, но оно как бы просвечивает, и это очень удивительно, правда?

— По-моему, это все равно. Главное, что они такие противные, дураки.

— Меньше всего дураки. Все их действия удивительно целесообразны, рассчитаны, они великолепно систематизируют материалы исследования нашей планеты, безошибочно анализируют...

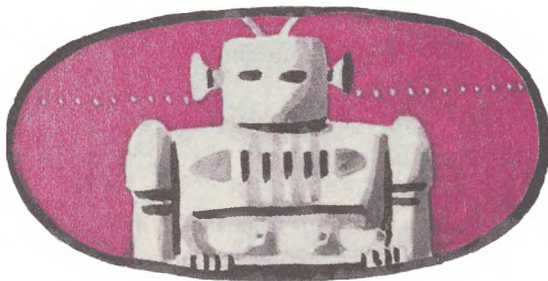
— Пускай, пускай, пускай! — затыкая уши, закричала Лали. — Они как человек, который предупредил другого, что тот провалится в яму, и после садится поудобнее, чтоб наблюдать, как тот дойдет до края и свалится! Неужели у них не шевельнется ни капли сочувствия к нам?

— Никаких «со» у них нет. Сочувствия, содружества, сострадания и тому подобное. Нас они даже не презирают. Просто однажды сделали вывод: у нашей цивилизации было достаточно времени, чтоб подготовиться к ожидающей нас катастрофе, но у землян слишком много сил и времени ушло на войны, религиозную и расовую борьбу, и вот мы опоздали.

— Раз они такие сухари и бесчувственные чурбаны, пусть их планета тоже треснет лбом о другую. Так им и надо!

— Нет, девочка, с ними-то этого, по-видимому, не случится: они надежно управляются в своей частичке Космоса, и, когда возникает опасность, они ее предупреждают и принимают вовремя необходимые меры, как на корабле в ожидании урагана. Я же сказал тебе, что на двенадцать — пятнадцать тысячелетий их наука обогнала нашу.

— Зазнайки! — сказала Лали. — А вот и наши гости!

ГЛАВА 2

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

Приближающиеся шаги затихли на крыльце.

Гости читали объявление, потом стучались в дверь. Гости не желали пользоваться ни звонками, ни предупредительными сигналами. Они держались старых обычаев и не признавали этих новшеств. Конечно, прилетали они на своих стареньких пневматических ракетах, но дальше шли пешком. Счет времени они вели не на декады: дни называли их старыми добрыми именами и неизменно собирались по четвергам в уединенной хижине Прата.

Слепой хозяин радушно встречал гостей у входа, узнавал каждого, прежде чем тот успевал заговорить.

— Добро пожаловать! Заходите, рассказывайте, что там у вас слышно старенького!

И все гости смеялись шутке.

Все они были очень старые и не любили спешить. Они приветливо улыбались, встречаясь, и пожимали друг другу руки, а единственной своей Прекрасной Даме они по очереди осторожно целовали ручку и наперебой спешили пододвинуть ей кресло.

Старый Робот, стараясь держаться молодцом, но все-таки слегка жужжа и поскрипывая, разносил гостям пахучий чай.

В комнате было тихо, сюда не доносился шум городского движения и свист пролетающих домашних ракет: окна были закрыты звуконепроницаемыми шторами, великолепно изображавшими ночное небо с мерцающими звездами.

— Вот неожиданность! — сказала Прекрасная Даме. — Надо было нас предупредить, мы бы приготовили подарки.

— Да, да, конечно. Подарки! — подхватили гости.

— Мы сами обнаружили это как-то случайно, — извинился хозяин. — Стали подсчитывать, и вот вдруг оказалось... Зажигай, зажигай свечи, Лали!.. И скажи, когда загорятся все. Тогда я объявлю... Все? Отлично... Так вот, многоуважаемые гости, сегодня нам исполнилось ровно сто лет: тринадцать Лали и восемьдесят семь — мне!

— Ура! — пропели гости. — Ура! Ура!

Дама нежно поцеловала Лали, а остальные, задумчиво улыбаясь, с какой-то грустной радостью смотрели на большой круг жарко пылающих маленьких свечек.

— Ах, как хорошо! Пахнет совсем как в старину на елке, — мечтательно произнес старичок и так сильно потянул в себя воздух, что могло показаться, будто у него даже нос порозовел. Но нос у него всегда был необыкновенно розовый. — До чего же славно и беззаботно все шло у нас на планете в прежние времена! — И опять засопел, как небольшой насос.

— Все шло прекрасно, за исключением тех мест, где все шло из рук вон скверно! — вскользь заметила Дама.

— Нет, все-таки было весело! Например, была карусель! Да, карусель несется вокруг своей оси, и сердце замирает от страха, не то что теперешние ракеты: сидишь зеваешь и ничего решительно не чувствуешь. Тишина, скука... А там? Визжат от восторга ребятишки, оседлав лошадок, козлов и львов, разноцветные флаги трещат на ветру, и посреди медных труб, в оркестре, бухает большой турецкий барабан!

— Никогда ничего подобного не слышала, — удивилась Дама. — Это ваша фантазия. Придумали козлов, барабаны и ребятишек? Откуда вам-то это знать?

Розовый Нос с достоинством выпятил грудь:

— Откуда я знаю, мадам? Да на одной из таких каруселей я сам визжал от восторга и от страха верхом на одном из этих козлов собственной персоной, мадам!

При этом нос у старичка удивительным образом еще немного порозовел. Дама хотела было спросить, сколько же ему лет, что он может все это помнить, но это был запрещенный вопрос в этом обществе, и она только улыбнулась:

— Как это все интересно, что вы описываете.

— Ха-ха! — вспетушился очень польщенный похвалой Розовый Нос. — Да я помню денек поинтересней, чем ярмарка с каруселью. А? — Он обвел всех вопрошающим взглядом.

Все одобрительно кивали и улыбались.

Старичок весь просиял. Нос перестал быть розовым, казалось, он вот-вот засветится, как приставной клоунский нос, где бывает спрятана маленькая электрическая лампочка.

— Вот был денек! Какие несметные толпы людей из города нахлынули на заброшенный пустырь! Как они, изнывая от нетерпения и жары, с раннего утра и до вечера все ждали, ждали, когда же наконец там что-нибудь получится, и все никак не получалось, но наконец они дождались! Ах, какое вспыхнуло ликование! Невозмутимые, солидные господа, надменно подпертые под подбородок твердыми, крахмальными воротничками, размахивали изо всех сил в воздухе черными котелками и цилиндрами и вопили «ура!»; томные, напудренные дамы, подхватив кружевные юбки, вскакивали на сиденья своих лакированных экипажей, прыгали и самозабвенно визжали от восторга

Розовый Кос, Чейтмон, Лали, Крайт,
Неполкик, Прекрасная Вала.

вместе с мальчишками, облепившими заборы! Ведь чудо только что свершилось у них на глазах! С самого утра по пустырю катались на велосипедных колесах, подпрыгивая на кочках, обтянутые полотном рамы, подпертые деревянными стоечками. Крест-накрест они были перетянуты множеством проволочек, мешавших всему этому сооружению развалиться от первого толчка.

А в самой середке, запутавшись во всей этой неразберихе, уместился на жердочке человек в картузе с лицом сосредоточенным и исполненным недобрых предчувствий. Все это трещало винтом и уже раз десять прокатилось взад-вперед по полю, как вдруг все заметили, что колеса повисли, продолжая крутиться в воздухе в полуметре над землей. Пяти минут не прошло, как все вместе — рамки, колеса, трескучий винт с человеком на жердочке — уже взвилось на высоту третьего этажа!

Аэроплан наконец оторвался от земли! Ух до чего ликовала восторженная толпа! «Покоритель воздуха!», «Укротитель воздушной стихии!», «Властелин голубого океана!». Так (с обычной человеческой скромностью) окрестили вскоре авиатора газеты. А «покоритель воздуха», как сейчас помню, все опасливо поглядывая вниз и осторожно стянув с головы картузик, помахал публике, пролетая над морем запрокинутых, сияющих восторгом лиц с глазами, полными светлых надежд и устремленными в это самое «покоренное» небо, которое, впрочем, по правде говоря, кажется, вовсе и не заметило своего покорения.

— Да, да, зато люди заметили! Мы-то знаем, что было дальше, когда эти славные полотняные птички оперились и научились возить такие славные полновесные бомбочки, от которых целые города разваливались, как карточные домики.

Лали обошла вокруг стола и, дуя изо всех сил, погасила свечи. По ее знаку Старый Робот начал с геометрической точностью нарезать идеально ровными ломтями громадный торт.

Первой Лали поднесла угощение Даме. Некогда та была знаменитой кино-и телеактрисой с самым прекрасным в мире лицом, поэтому ее и называли Прекрасной Дамой. В этом доме. И еще в некоторых других, а в остальном мире ее просто никто больше не помнил.

Потом свою порцию получил старик громадного роста. Его в кругу друзей называли просто — Чемпион.

Третий, в ту минуту, когда Лали подошла к нему с тарелкой, вскочил, вежливо поклонился и старательно шаркнул ножкой.

Когда-то давным-давно ему пришлось принять участие в одной небольшой войне, после чего он совсем потерял память. Скорее всего, ему самому до того не хотелось ничего вспоминать, что люди стали называть его Непомником. Сам он объяснял это так: «Я отлично знаю, что был когда-то мальчиком, просто прекрасно помню, как я был мальчиком, потом была масса каких-то неприятностей, я их, к счастью, совершенно позабыл, а теперь мне опять хорошо, я чувствую себя опять мальчиком, правда, кажется, очень некрасивым и неуклюжим, по-моему, раньше я был гораздо приятнее на

вид, но для меня-то самого ведь это ничего не меняет, я хорошо знаю, кто я есть!»

Розовый Нос еще каким-то образом порозовел от удовольствия, втягивая аромат пышного ломтя, который он теперь мог поднести себе к самому носу.

Несколько минут в комнате слышно было только постукивание ложечек о тарелки.

Лали рассеяннo улыбалась, доедая свою порцию торта.

— О чем ты так задумалась? — ласково спросила Прекрасная Дама.

Лали слегка вздрогнула.

— Ах, извините!.. Действительно... Я подумала о том, о чем не надо думать.

Дело в том, что на четверговых собраниях решено было не упоминать о Сроке, когда Земля неизбежно должна столкнуться с кометой. Если уж необходимо было назвать эту комету, ее насмешливо называли «Козликом» за ее непреодолимое стремление столкнуться лоб в лоб с Землей.

— Ты подумала о Сроке? — строго спросила Дама. — Ты же знаешь, что мы раз навсегда приняли решение не обращать на него никакого внимания. Мы его знать не знаем. Мы презираем его, этот ничтожный Срок.

— Нет, нет... Но я подумала о Колумбе. Прат мне сказал, что как будто у нас все получилось наоборот, чем у того старинного Колумба.

— Колумб — это старина! Я думаю, мы с удовольствием послушаем?

— Я лично всегда верю всему, что нам рассказывает Лали. Это так похоже на небылицы! — радостно объявил Непомник.

— Правда! — по-прежнему рассеяннo улыбаясь, тонким голосом проговорила Лали. — Мы оказались немножко похожими на Колумба-наоборот. Я так и вижу его храбрый маленький кораблик с горделивыми флагами и какими-то деревянными домиками, нагроможденными друг на друга на корме; отчаянно храбрый кораблик, отправившийся в бескрайний, неведомый океан наобум и наугад искать какую-то Индию, которой там и быть не могло... И вот наконец матрос с верхушки мачты завопил: «Земля!» Навстречу ему приближалась неведомая, долгожданная, желанная земля! Каравелла Колумба с надутыми парусами вошла в залив неведомой земли. Мушкеты и бомбарды туго заряжены, в трюмах заготовлены бочки стеклянных бус и железных топоришков для обменной торговли с туземцами. Сам адмирал, в сверкающих латах, в стальном шлеме, с парой грозных пистолетов за поясом, гремя шпорами, вышел на палубу. Над его головой с оглушающим громом пронесся самолет, оставляя в небе кудрявый снежный след, и вместо голых туземцев, пугливо выглядывающих из зарослей, он увидел бесконечные ряды домов, громоздившихся подобно высокой горной цепи, и каких-то странных людей, с сочувственным недоумением старавшихся разглядеть гордую каравеллу, точно маленькое раскрашенное корытце, плескавшуюся у подножия двадцатипятиэтажного стального борта гигантского корабля.

Лали смущенно, полуйсуганно замолчала. Она как будто сама была немного удивлена картиной, которую нарисовала или которая ей представилась.

— Да,— коротко брякнул Чемпион.— Похоже. Так встретились мы с Космосом, как боксер наилегчайшего веса с тяжеловесом. Нокаут.

Розовый Нос, обиженно отвернувшись, стал смотреть в угол:

— Все-таки мы же не каравелла. Есть же у нас свои технические чудеса, которыми мы им можем утереть нос... Или хоть удивить?

Все ждали ответа от Прата, и он это почувствовал. Он усмехнулся, прихлебывая чай:

— К сожалению, фантастическая картинка, которую для нас изобразила Лали, слишком оптимистична. Какие-то жалкие столетия отделяли Колумба от эпохи реактивных двигателей. Нас от наших партнеров по Космосу отделяют тысячелетия. Удивить их мы можем, ну... скажем, как изобретатель первого на Земле колеса, который пришел бы предлагать свое изобретение на современный автозавод.

— Всем налили снова чаю? — вдруг громко спросила Лали.— Так вот, я предлагаю тост за Колумба, за его смельчаков-матросов, за их мужество, которого в деревянном кораблике с холщовыми парусами у них было больше, чем вы найдете в каком-нибудь танкере в пятьсот тысяч тонн водоизмещения!

Все с воодушевлением подхватили тост.

ГЛАВА 3

ЭТА НЕМНОЖКО СТРАННАЯ ЛАЛИ...

Если повернуть переключатель на несколько делений, пропустив «дождливый день», «закат солнца», «жаркий экваториальный день», «восход над коралловым островом», «лунный вечер» и тому подобное, то стоявшая за окнами «звездная ночь» исчезала, и на отметке «0» открывалось чистое стекло, и в окрестностях старинной хижины становились видны громадные башни космических антенн Центра Связи, шаровидные силовые установки и унылые, однообразные гаражи для роботов и городских ракет, а вдалеке маячило стоэтажное здание Старого Центра, давно уже прекратившего работу. В этом доме жили многие специалисты и сам директор Центра, профессор Ив, дедушка Лали. Сама Лали тоже там жила. Дедушка был ее самым близким по возрасту родственником. Следующим был Прат, хозяин одинокой хижины на крыше.

Когда родители Лали погибли в полете на одной из небольших космических ракет, ей было всего несколько месяцев. Не научившись еще выговаривать «мама», она заплетающимся языком, смеясь, болтала: «Пра...пра...пра...» А когда подросла, решила называть его Прат.

Облака над городом; снежные вершины гор, залитые багряным светом восхода; капля, сорвавшаяся с весла; глубина звездного неба; плавный взлет прыжка газели; радостно протянутые тебе навстречу руки и сияющее лицо; лица, лица, бесконечный поток за всю жизнь встреченных тобою лиц, усталых, тупых, равнодушных, злобных и добрых, веселых и робких, насмешливых и милых, приветливых, дружеских и одно или два самых прекрасных; черные буквы и строчки лучшего, что создал человеческий ум, — книг. Все это дано тому, кто, не замечая, какое это чудо, обладает величайшим даром — видит. К сожалению, человеку свойственно всю ослепительную прелесть, безграничную ценность того, чем он обладает, оценить, только когда ее у него отнимают. Тогда он говорит: «Ах, каким счастьем я обладал!»

Солнечный свет погас для Прата уже давно. Исчезли горы и облака, числа и буквы.

Когда он еще не совсем ослеп, из уважения к его научным заслугам, для него построили хижину на крыше двадцатиэтажного дома и приставили

к нему работа, специально запрограммированного для обслуживания тех, кто не видит.

Хижина была снаружи похожа на ту, где когда-то жил много-много лет назад его собственный дедушка. Прат еще успел полюбоваться ее смутными очертаниями, прежде чем и эти очертания растаяли и вокруг него сомкнулся мрак.

Робот быстро с ним сработался: подавал кушанья на стол, стелил постель, читал вслух газеты и книги, записывал на пленку все, что нужно было хозяину. Провожал его на прогулках, предупреждая обо всех препятствиях на пути. Наружный мрак скоро совсем перестал мешать жизни Прата. Но на душе у него было безрадостно, сумеречно и слишком уж тихо.

И тут в зимнюю стужу его уснувшей жизни к нему протянулась крошечная живая и теплая ручонка девочки. Это была Лали. Однажды она отпихнула свою няньку-робота, влезла на колени к старику, растопырила ему веки мягонькими пальчиками и строго сказала:

— Ну-ка, теперь смотри как следует! Я уж заметила, ты совсем не умеешь смотреть. Я тебя научу! Ну! Что ты теперь видишь?

— Розовую мартышку у себя на коленях! — сказал Прат и засмеялся впервые за много месяцев.

С этого дня она упорно продолжала учить его смотреть: притаскивала игрушки, картинки и кукольных человечков, держала их прямо у него перед носом и с бесконечной настойчивостью допрашивала:

— Ну, а это что? Нечего смеяться. Ты нутужься, старайся как следует. Ну, кто? Видишь, какие длинные уши? Ну?

— Кролик! — называл он наугад.

— Заяц! Это называется заяц. Ага, когда ты стараешься, ты вот можешь же совсем правильно видеть!

Со временем Лали перестала учить его видеть. Она просто стала его глазами. Из всех сил старалась описать, передать, нарисовать перед ним картину всего, что видела сама, пыталась помочь увидеть ему ее глазами многоцветный, пестрый мир, скрытый от него мраком.

Год за годом окружающая Прата непроглядная темнота понемногу наполнилась образами воображения Лали. Описывая ему то, что видела, Лали неутомимо фантазировала, чтоб позабавить старика, а может быть, по врожденному стремлению все по-своему додумывать, менять, воображать, как могло бы быть лучше, чем в действительности.

Долгие годы, кроме дедушки Ива, которого она видела только за обедом, ее окружали одни первоклассные роботы дошкольного обучения, и единственным постоянным, терпеливым, внимательным ее собеседником был Прат. Он знал все на свете и рассказывал все, что знал. Чем больше она узнавала, тем ярче и забавнее делались ее фантазии, которыми она делилась со стариком.

Рассеянно дослушав и пропустив мимо ушей очередную ученую лекцию Дошкольного Робота, она бежала к Прату и могла три часа слушать затаив

дыхание его вполне научный доклад по Истории Человечества, Географии, Музыке.

Она его любила и впитывала каждое слово, может быть, потому, что дети безошибочно чувствуют разницу между тем, когда их просто правильно учат, и тем, когда их к тому же любят.

За эти годы ему поневоле приходилось выслушивать давным-давно забытые им старинные детские сказки. Потом, по мере того, как Лали росла, легенды, стихи, детские книжки по ее собственному выбору. Когда няня-робот, правильно запрограммированная, не позволяла читать неподходящие для возраста Лали рыцарские романы или легенды, Прат шептал на ухо девочке, как ее выключить.

Лали очень ловко, незаметно подобравшись, отключала няню. И тогда девятилетняя девочка и старый человек с упоением погружались в совместное чтение какой-нибудь истории: «1001 ночи», «Рыцарей Круглого стола» или «Сказа о Добрыне Никитиче». Одну странность только подметил Прат, Лали тогда уже было около десяти лет. Однажды ночью, лежа без сна, он припоминал события предыдущего дня. Почему-то в воспоминании этот день выглядел приятным днем. Хотя не много приятного встречалось теперь в его жизни...

Вдруг, неожиданно для самого себя, он рассмеялся. Лежал один в своей хижине высоко над городом, в своей темноте и в темноте ночи, и смеялся детским веселым смехом: до того вдруг смешно вспомнился ему тот взъерошенный, затравленный зайчонок... Боже мой, с каким ужасом он мчался по полю, спасаясь от погони. Из последних, уже на разрыв заячьего сердечиска сил мчался он, забросив за спину уши, слыша прямо за собой свирепый вой зубастых собак. Нет ему нигде спасения. И вдруг видит прямо перед собой лазейку в лисью нору. Все равно пропадать! Нырнул очертя голову и замер, зажмурясь от страха. Теперь все! Малыши-лисенята так и шарахнулись от запыхавшегося, распаленного, усамого зверя, с разгону ворвавшегося в укромную их норку.

— Лиса дома? — обреченно пробормотал Заяц.

— Мамы нету... Ушла... — испуганно запищали лисенята.

— Ушла?.. — И что тут сделалось с Зайцем! Весь взмокший, взъерошенный, собаками рваный, он приосанился, молодецки лапками расправил усенки, нахально прикрикнул: — Жаль-жаль, от меня ушла! Не то задал бы я ей перцу!

Вот именно этот момент мгновенного преображения униженного и затравленного рваного Зайца в самоуверенного, развязного наглеца и хвастунишку и заставил старого слепого человека вдруг рассмеяться среди ночи.

Он стал припоминать весь текст этой коротенькой, всего в несколько строк, сказочки и обнаружил, не в первый уже раз он подмечает, когда Лали ему читает-рассказывает, перед ним открывается яркая картина того, что она не всегда произносит вслух, но только, по-видимому, сама себе очень живо представляет. Какие-то вспышки ее воображения по временам стали

передаваться ему самому. Далеко не в точности и не так, как рассказывается в сказке, но примерно так, как видит это Лали.

В сказке о чуде спасшемся Зайце ни слова не говорилось ни об ушах, ни об отчаянии Зайца, но Прат почему-то живо представил себе и норку, и писк жавшихся друг к другу лисят, и невероятные изменения заячьей морды.

«Странно,— говорил он себе,— странно. Откуда у девочки такая способность? И действительно ли она у нее есть? Может быть, какая-то ненормальность? Болезнь?.. Гм... Моцарт, сочинявший серьезную музыку в семилетнем возрасте, был, конечно, не совсем нормальным, то есть «средним» ребенком. Хорошо только, что его не принялись лечить, чтоб сделать «нормальным».

В следующий четверг, когда к нему, по обыкновению, пришли его старые друзья, он с опаской, осторожно решил кое-что проверить из своих наблюдений.

ГЛАВА 4

ЛАЛИ ЧИТАЕТ СВОЮ БУМАЖНУЮ КНИЖКУ

Все они были спаяны одним: твердо решили не обращать внимания. Ни на что. И сохранять невозмутимое спокойствие.

Срок, когда на Земле прекратится жизнь, был вычислен вполне безошибочно, и разные люди по-разному переживали, думали и вели себя, зная краткость этого срока. Друзья Прата были из тех, кто жил, не обращая внимания на то, долго ли, коротко ли продлится их жизнь. И действительно, сохраняли невозмутимое спокойствие. Ведь прожитые ими долгие жизни никто не мог у них отнять. А это и было их богатство, имущество, их неотъемлемая собственность, и они жили в цветущих садах и тенистых парках, среди друзей.

...Пылал, потрескивая, камин. За окнами была включена тихая, звездная ночь. Поболтали, припоминая кое о чем, что случилось шестьдесят лет назад, поспорили о событиях, произошедших всего пятьдесят девять лет тому назад, попивая чай с пирожными, и вот примолкли на минутку. И тогда Прат, вскользь, шутя, предложил послушать, как Лали читает сказку. Сказка — это было прошлое, и потому все охотно согласилось, оживленно переглядываясь и добродушно посмеиваясь.

Позвали Лали, она вошла, держа в руках раскрытую большую книгу, и приветливо со всеми поздоровалась.

— О-о! Ты, я вижу, читаешь старые бумажные книги! — приятно удивленная, улыбнулась Прекрасная Дама.

Лали застенчиво кивнула и уселась в кресло, прикрыв лицо раскрытой книгой в старом кожаном переплете.

— Не считаешь ли ты нашим гостям какую-нибудь старинную сказочку или историю? — как-то вскользь попросил Прат. — Ну, что-нибудь, что мы уже читали. Наверное, нашим гостям забавно будет послушать, не правда ли?

— Да, да, конечно! Пожалуйста! — вежливо и ласково, как говорят взрослые с детьми, откликнулись гости.

— Разве вы тоже любите сказки? — обрадованно удивилась Лали, выглядывая из-за переплета, служившего ей ширмой. — Сказок же очень много. Какую вы хотите?

— Ну... — протянул Розовый Нос, — давненько я не слышал сказок, мне всякая будет хороша.

— Я помню, — сказал, вдруг заулыбавшись, Непомник, — честное слово, помню, была такая сказка «Спящая царевна», или «Уснувшая красавица», или «Белоснежка», или еще как-то... Смотрите-ка, я хорошо помню все, что мне хочется помнить. Конечно, это было давно. Задолго до всяких неприятностей, которые я совсем забыл.

— Она чаще всего называлась «Спящая красавица». Ты читала ее, детка?

— О-о! — снисходительно отозвалась Лали. — Я тоже очень давно ее читала, еще в детстве.

— Я тоже читала ее в детстве, — сдержала усмешку Дама. — А ты теперь, очевидно, совсем взрослая?

— Нет-нет, я прекрасно знаю, что нет. Я хочу сказать, что бывает совсем детское, настоящее, маленькое детство, но оно постепенно проходит. У меня оно уже прошло.

— Вот как у меня! — радостно объявил Непомник. — Меня, к сожалению, выпихнули из детства. Прямо взяли и выпихнули. Хотя я совсем не хотел. И до чего же трудно бывает потом вернуться назад! Если можно, пожалуйста, помоги мне немножко туда окупнуться, хоть ненадолго. Так скучно быть все взрослым да взрослым. Ну их!

— В этой книжке у меня все средневековые хроники. Тут нет этой сказки.

— Но ведь ты ее помнишь? — мягко спросил Прат...

— Конечно. Ведь я ее тебе читала... Что? Просто рассказать? Ну хорошо, я попробую. — Лали, слегка наморщив лоб, задумалась. Потом рассеянно улыбнулась и пробормотала: — А-а, да, да... — Рот у нее приоткрылся, лицо приняло совсем детское, даже глуповатое выражение, и она начала рассказывать сказку, всем известную старинную сказку, которая из поколения в поколение, из народа в народ тысячи лет кочевала, родившись неизвестно где и когда. Простая и понятная, как азбука, сказка, в которой менялись костюмы, века и подробности, но основа человеческих чувств всегда оставалась все та же.

Рассказывала она немного странно: как привыкла рассказывать слепому старику Прату. Так, произнеся две-три фразы о том, как принц поднялся по мраморным ступеням, вошел в заколдованный уснувший дворец, Лали, запнувшись, замолкла, точно это не принц, а она сама остановилась на пороге и в изумлении оглядывала дворцовую залу.

Гости сидели не шевелясь, и только Прат чутко прислушивался к их дыханию, легким, удивленным, встревоженным, облегченным возгласам: «Ох!.. Ай!..»

Сказка, это вольное творение человеческих сердец, текла в воздухе по комнате, как разноцветный ручеек, в который каждый новый рассказчик волен пустить свой собственный, новый бумажный кораблик.

И вот она тихонько протекла и благополучно закончилась. Лали вздохнула, встала, подошла к столу и положила себе в рот уголок пирожного.

— Спасибо, ты хорошо рассказала,— сказал Прат.— Теперь можешь бежать в свою комнату.

После того как Лали ушла, кивнув всем на прощание, в комнате долго стояла тишина.

— Вам, вероятно, наскучила ее детская болтовня? — насторожившись, спросил самым небрежным тоном Прат.

— Разве это была болтовня? — пробубнил Чемпион.— Ах да, конечно, конечно. Это ведь просто сказка и больше ничего. Но у меня до сих пор руки чешутся, до того мне хотелось схватить за шиворот эту ведьму, когда она подсовывала принцессе отравленное яблоко...

Непомник вдруг радостно расхохотался:

— А у того гнома был нос порозовей, чем твой. Ты очень на него похож! Очень!

Прекрасная Дама тихонько рассмеялась:

— Это правда, я тоже заметила!

— Ничего подобного! Никакого сходства. Просто отдаленное совпадение оригинальных оттенков окраски носов, и притом у него это выглядело гораздо грубее,— порозовел от возмущения Розовый Нос.

— Нельзя обижаться на сказку,— укорила Дама.— Кроме этого гнома, там были вещи поинтереснее. Фонтан в заколдованном дворце, который взметнулся вверх и замер на сто лет, как хрустальный букет с брызгами в воздухе.

— Да, да, да!..— обрадовался Непомник.— И еще этот заснувший яркий огонь в камине! Наверное, он совсем не жжется. Я бы хотел отломить кусочек от одного язычка и подержать на ладони.

— Все это чепуха и мелочи,— грубовато отрезал Чемпион.— Вот когда эти славные ребятишки в колпачках стояли и рыдали у хрустального гроба, куда им, беднягам, пришлось уложить Белоснежку, я чувствовал, что вот-вот разревусь. А этого со мной не бывало давно. Лет сорок или пятьдесят пять, не помню. Но зато как легко и радостно на душе, когда все так хорошо кончилось. А то просто сердце разрывалось на них глядеть, в особенности на твоего тезку с розовым носом.

— Да! — с достоинством сказал Розовый Нос.— Действительно, он горевал больше других. Просто у него более чуткое сердце!

Внимательный Робот бесшумно наполнил чашки свежим, душистым чаем и добавил в вазу пирожных.

Непомник положил себе на тарелку пирожное и застенчиво хихикнул. Розовый Нос заспорил с Чемпионом.

Прекрасная Дама, которая, кроме того, была и умной дамой, сидела задумавшись.

— Забавно! — вполголоса обратилась она к Прату.— Вы слышите? Эти двое спорят о том, какие были во дворце колонны: мраморные или серебряные!

— А я тебе говорю, что серебряные! — азартно доказывал в это время

Сказка о Лунной Лодке

Розовый Нос — Ступеньки? Ступеньки были просто мраморные, а колонны?.. Конечно, серебряные... Вообще серебряные это как-то роскошнее!

— Правда, забавно? — снисходительно заметила Дама. — В особенности потому, что там, собственно, не было никаких колонн. Там были арки.

— Вероятно, так же, как в жизни, каждый видит все происходящее по-своему, — только усмехнулся Прат. — Прошлый раз колонны ей самой представлялись красными.

— Она видела их?

— Да. Правда, я замечал, что обстановка иногда меняется, но все происходящее, что Лали видит, повторяется вполне точно.

— Постойте, вы сказали: видит?

— Да, я так сказал. Вы не обратили внимания, что она вообще ни слова не говорила ни о каких колоннах. Лали их просто видела, а вы видели то, что она воображала. Причем каждый видит подробности по-своему, разумеется. Она произносит: «Великолепный, заколдованный дворец», и в ее фантазии мало-помалу возникает этот дворец, и вам кажется, что вы его видите.

— Вы хотите сказать, — с легким испугом откинулась на спинку кресла Дама, — что все это было только ее фантазия, а мы-то, как дети, замирали, пугались, изнывали от ожидания?.. Да я и сейчас чувствую, будто с меня свалили свинцовую тяжесть. Мне легко и радостно, как на майском зеленом лужке... И мне хочется смеяться... Неужто это все оттого, что во мне играет и кипит ликование этих выдуманных человечков, плясавших от восторга, когда их Спящая Царевна пробудилась от смертного сна и встала из своего хрустального гроба?.. Ведь эту сказку я читала и видела, когда мне было меньше лет, чем сейчас Лали. И все, что мы сейчас видели, только фантазия?

— Вы были замечательной актрисой и можете так пренебрежительно произносить это слово: фантазия!.. Воображение! Изобретательная сила ума! Надо вставать и снимать шапки, произнося эти великие слова! Ими обозначается творческая сила художника, вся самобытная сила созидания!.. Туповатые людишки любят над этим подсмеиваться. Для них фантазия — это избыточная чепуха! Воздушные замки! Иллюзия! Фата-моргана!

— Фантазию любили изображать в виде прекрасной феи в длинном белом платье, со звездочкой во лбу... в тот момент, когда она, улыбаясь, парит в воздухе!

— Ну что ж? Тоже неплохо. Но можно бы явление фантазии изобразить на тысячу ладов. Например: перед нашим взором возникает эдакая лохматая рожа первобытного человека... Страшноватая физиономия: нос приплюснут... зубки... можете себе представить... глубоко вдавленные глаза... Да-с... И вот мы замечаем вдруг, что в этих маленьких полузвериных глазках вспыхнул и загорелся волшебный огонь фантазии! В эту самую минуту его, одного из всех людей племени, вдруг озарил ослепительный свет фантазии. Тысячи тысяч лет все племя швыряло на охоте камни и палки, пока вдруг его одного не осенило: он соединил дырявый камень с кривой палкой и со-

здал первый каменный топор — могучее оружие человека в борьбе с окружающим его чудовищным миром джунглей.

— Да, да, да! Но как?..

— Что как? Как эта девочка?.. Не знаю. Просто у нее определенного рода способность — сильнее, чем у других. Это довольно обычная способность как-то передавать другим свои чувства, образы. Разве не к этому стремятся все писатели, актеры и художники всех времен?

— Но откуда у Лали?

— Вот вопрос, на который я не могу ответить.

— Знаете что? Можете не отвечать. Только дайте нам послушать ее еще раз. Вы думаете, все повторится?

— Мы это увидим!

ГЛАВА 5

ЭПОХА КОНТАКТА

Лет шестьдесят тому назад в разных точках земного шара стали происходить некоторые странноватые явления. То там, то тут возникали на большой высоте какие-то неправильной формы и явно бессмысленного назначения предметы. С научной точки зрения, они определенно не были пригодны для полетов. Но так как они все-таки летали, ученые установили, что это вполне антинаучное явление, на которое не стоит обращать внимание.

В народе их скоро метко окрестили «кастрюльками», поскольку они были похожи на кастрюльку ничуть не меньше, чем на решето или тыкву.

Их появление совершенно явственно заметило 10177 человек, из которых 10126 соврали, 22 были введены в заблуждение, но остальные действительно что-то видели.

Однажды вдруг исчезло громадное здание Политехнического музея со всеми экспонатами: древними паровозами, автомобилями, двигателями и приборами. Стояло тяжелое, громоздкое здание со своими боковыми корпусами, зрительным залом, подвалами и чердаком. И вдруг тихо и плавно среди белого дня исчезло. Были замечены четыре «кастрюльки», которые на минуточку повисли неподвижно, как бы по углам квадрата, и скрылись.

Осталось только удивительно глянцеvито-ровное поле посреди города.

Это событие вызвало определенный прилив интереса не только среди горожан, в изумлении глазевших на пустое место, оставшееся от старого музея, но даже среди некоторых ученых.

Тут же со всех сторон стали поступать сообщения о том, что ненаучные «кастрюльки» опускались на Землю и из них высывались и вылезали наружу какие-то существа.

Видевшие их на очень далеком расстоянии утверждали, что они точь-в-точь маленькие человечки, только зеленые.

Если прежде люди, заметившие в вечернем небе кое-что странное, восклицали: «Э-э, да это всего-навсего еще одна «кастрюлька!», то теперь известие о «зеленых человечках», утачивших музей, произвело самое яркое впечатление! Наконец-то вместо чего-то расплывчатого, бесформенного можно было представить себе нечто, пускай самое нелепое, зеленое, фиолетовое, только бы

определенное, пускай хоть с мордочками, выглядывающими из-под мышек, и с глазами на кончике хвоста.

С этого момента «зеленые человечки» запрыгали, заплясали во всех бале-тах, на все голоса запели во всех мюзиклах и стереофильмах. Они устраива-ли на своей планете ужасные сражения между бледно-зелеными и ярко-зеле-ными, и их верховный жрец салатного цвета просил помощи у храбрых зем-лян, чтоб победить свирепых густо-зеленых, причем нежно-зеленоватая краса-вица влюблялась в смуглого и мужественного командира межпланетной ракеты, прибывшей с Земли. То попросту зеленые, как огурцы, человечки набрасывались и загрызали весь экипаж прибывшего с Земли корабля, за исключением одного неустрашимого капитана, которого спасала красавица с зеленоватыми волосами... ну и так далее.

К тому времени на всей Земле насчитывалось всего пять-шесть Центров Поиска Контакта с Космосом. Только после нелепого эпизода с Политехни-ческим музеем по всему земному шару с лихорадочной быстротой стали возникать Пункты и Центры, назначение которых было: принимать из Кос-моса любые сигналы и отправлять разного рода позывные неведомым инопла-нетным братьям по разуму.

Скоро Центры возникли повсюду, на всех высочайших горных цепях, в пустынях и около крупных городов. Все они шарили своими приборами в чер-ных глубинах Вселенной, сигналили всевозможными волнами и лучами, по-сылали зонды и станции на ближайшие планеты. Год за годом напрасно ты-сячи самых чутких приборов прослушивали шуршание Космоса, не получая никакого разумного ответа, пока не наступил знаменательный день 22 мая, когда вдруг как будто щелкнул выключатель и Космос заговорил сам. В пер-вый момент казалось, что он заговорил на ста двадцати языках — его поняли разом на всех Пунктах Связи, но очень скоро стало ясно, что Космос не го-ворит ни на каком языке. Похоже было, что он, минуя языковые формы, обращается прямо к разуму людей, делая понятным все, что ему нужно было передать.

Так или иначе, Контакт произошел. Космос явился и сам постучал в дверь.

Встретились две цивилизации. Завязалась связь. Начался диалог, и тут все стало на свои места: гипотезы, догадки, иллюзии землян погасли, как фо-нарики карнавальная иллюминация на холодном рассвете.

В эти-то дни родилась и получила распространение невеселая шутка насчет Колумба, которого неожиданно сама открыла некая космическая Америка, потому что очень скоро ученые Центров Связи с Космосом почув-ствовали себя отважными мореплавателями на борту прекрасной, но несколько устарелой каравеллы. Не очень уж намного, всего на дюжину тысячелетий, вероятно. Они предлагали Космосу обмен обоюдополезной научной инфор-мацией, они выкладывали, сначала со многими предосторожностями и умол-чиваниями, чтоб не выдать своих научных секретов, кое-какие величайшие технические достижения, начиная с обыкновенных ядерных реакторов, лазе-

ров, мазеров и новейших квазеров, и ждали ответа. Ответ был короткий: «Устарело на многие тысячелетия вашего исчисления».

После долгих колебаний было решено выложить самые новейшие разработки космических ракет и кораблей — все выглядело именно так, как будто они раскладывали на прибрежном песке разноцветные бусы, железные топики, зеркальца и мушкеты со свинцовыми палочками для откусывания от них пуль.

Ответ был всегда один и тот же: «Устарело на несколько тысячелетий».

Наконец, когда Земля выложила все сокровища науки и техники, не вызвав ни малейшего интереса, решено было оставить мысль о взаимовыгодном обмене. Центр Координации задал вопрос:

— Можете ли предоставить нам полезную информацию?

— Лишено смысла, — любезно отозвался Космос и выключился начисто, надолго, почти на целый год.

Целый год все позывные сигналы с Земли оставались безответными, и вдруг Космос снова начал передачи. На этот раз он стал гораздо разговорчивее, хотя многим потом казалось, что было бы гораздо лучше, если бы он помолчал.

Центры Связи зарегистрировали с точностью все, что было передано: математические расчеты, астрономические карты. Все это было понятно только ученым, но выводы мог бы усвоить имышленный десятилетний ребенок.

Неизвестная планета, которую для ясности называли просто «Космос», бесстрастно и с абсолютной точностью предупреждала, что через одиннадцать солнечных лет земного исчисления планету Земля постигнет некая космическая катастрофа: столкновение с приближающимся из глубин Вселенной астероидом, вследствие чего всякая органическая жизнь на Земле прекратится.

В утешение Космос добавил, что всего 165 миллионов лет назад Землю уже постигла подобная катастрофа. Впрочем, это была совсем небольшая, миникастрофа, в результате которой погибли все громадные ящеры, заселявшие Землю, что пошло даже на пользу человечеству. Нельзя сказать, чтоб ученые специалисты были очень успокоены сообщением, что подобные неприятности угрожают не только их собственной Земле, но и другим космическим телам. Расшифровав все карты и таблицы, ученые обнаружили: то, что они называли до сих пор «Космос», — это планета Ипсилон Бета созвездия РА. Сами инопланетяне называли ее, конечно, по-своему и очень странно. Звучало похоже на очень искаженное: ЗЕМЛЯ НОВАЯ.

— Существует ли способ избежать катастрофы? — вопрошал Центр Координации.

— Теоретически — безусловно. Практически, на уровне вашей цивилизации, — нет.

— Можете ли вы нам оказать помощь?

— Теоретически — да. Практически: нет заинтересованности. Мы более 200 лет изучаем Землю. Вы не успели справиться с задачей овладения космической техникой...

— А вы овладели?

— Наша древняя планета также некогда попала в катастрофу. Наши дальние предки тогда тоже еще не владели средствами ее предотвращения, но они предвидели ее заранее и все ценное смогли на космическом корабле переправить на заранее подготовленную планету Новая.

— Не прекращайте связи. Братья по разуму, помогите нам! Вас может постигнуть на Новой такая же участь!

— Нет. Мы имеем все средства предотвратить любую катастрофу. Мы не так беспомощны, как наши древние предки. А вы беспомощнее их на три тысячи лет гармонического развития.

— Является катастрофа неизбежной?

— Безусловно. Через три года доступные вам средства наблюдения подтвердят точность срока.

— Разумная цивилизация планеты Земля обращается с просьбой помочь средствами вашей техники. Помогите. Помогите!

— Нет заинтересованности.

— Помогите!

— Нет заинтересованности.

— Обладаете ли вы средствами нам помочь!

— Теоретически — безусловно. Практически: нет заинтересованности.

— SOS! Земля подает сигнал бедствия! Помогите спасти нашу разумную цивилизацию! Братья!

— Нет заинтересованности. Повторения бессмысленны. Конец контакта. Все!

Тишина. Космос замолк. Молчал, как миллионы, миллиарды лет до этого. Все позывные Земли тонули и гасли в беспредельных пространствах черной тишины.

Участники последнего сеанса связи — ведущие астрофизики, математики, астрономы Земли, словом, весь состав Центра Координации Связи «Земля — Космос» — некоторое время, как оглушенные, продолжали сидеть в своих кабинетах.

Они сидели, расположившись полукругом, как привыкли рассаживаться на общих сеансах. Конечно, они не теряли времени, слетаясь со всех точек земного шара, где были разбросаны Пункты и Центры Связи «Земля — Космос». Просто каждый, оставаясь на своем месте, включался на одном из экранов стереовизоров, расставленных вокруг овального стола в каждом Центре. Наконец очередной Председатель откашлялся и устало проговорил, обращаясь к заочно присутствующим:

— Ну что ж, я полагаю, мы все пришли к одному выводу. Все наши попытки безрезультатны. Можно считать заседание выключенным?

Широкий полукруг сидящих перед ним ученых, членов Объединенного Центра Контакта, зашевелился. Послышалось:

— До приятного включения!

И, один за другим, все стали исчезать с полукруглых экранов.

Позже других задержался 136-летний тибетский астрофизик Сью-Сиу, задумчиво рисовавший в блокноте драку двух мартышек. Но и он, рассеянно улыбнувшись, тронул рычажок и исчез с экрана, продолжая со стоическим упорством растушевывать мартышкин хвост, сидя в своей лаборатории на Аннапурне.

Вице-председатель Ив, выключившись, встал, потирая поясницу, со своего кресла в то же самое время, когда все участники совещания, тоже потягиваясь, вставали из кресел в своих кабинетах, в башнях земных Центров Контакта во всех частях света: на Джомолунгме, Эльбрусе, Попокатепетле, Кордильерах и Килиманджаро...

ГЛАВА 6

КРУПНАЯ СЕМЕЙНАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

В столовой его уже ждали, как всегда, к обеду Лали и ее Мачеха. Лали сидела, молча уставясь в свою тарелку, не поднимая глаз, с надутыми губами.

Дедушка Ив очень любил Лали, и всегда во время обеда, когда у него было свободное время, он заботливо расспрашивал и неуверенно давал ей полезные советы, почерпнутые им из воспоминаний давно позабытого детства. Собственно говоря, он советовал ей поступать так, как ему самому советовали в детстве его воспитатели. Однако его не покидало чувство глубокого сомнения в истинной ценности этих наставлений. Потому-то так неуверенно давал советы он сам.

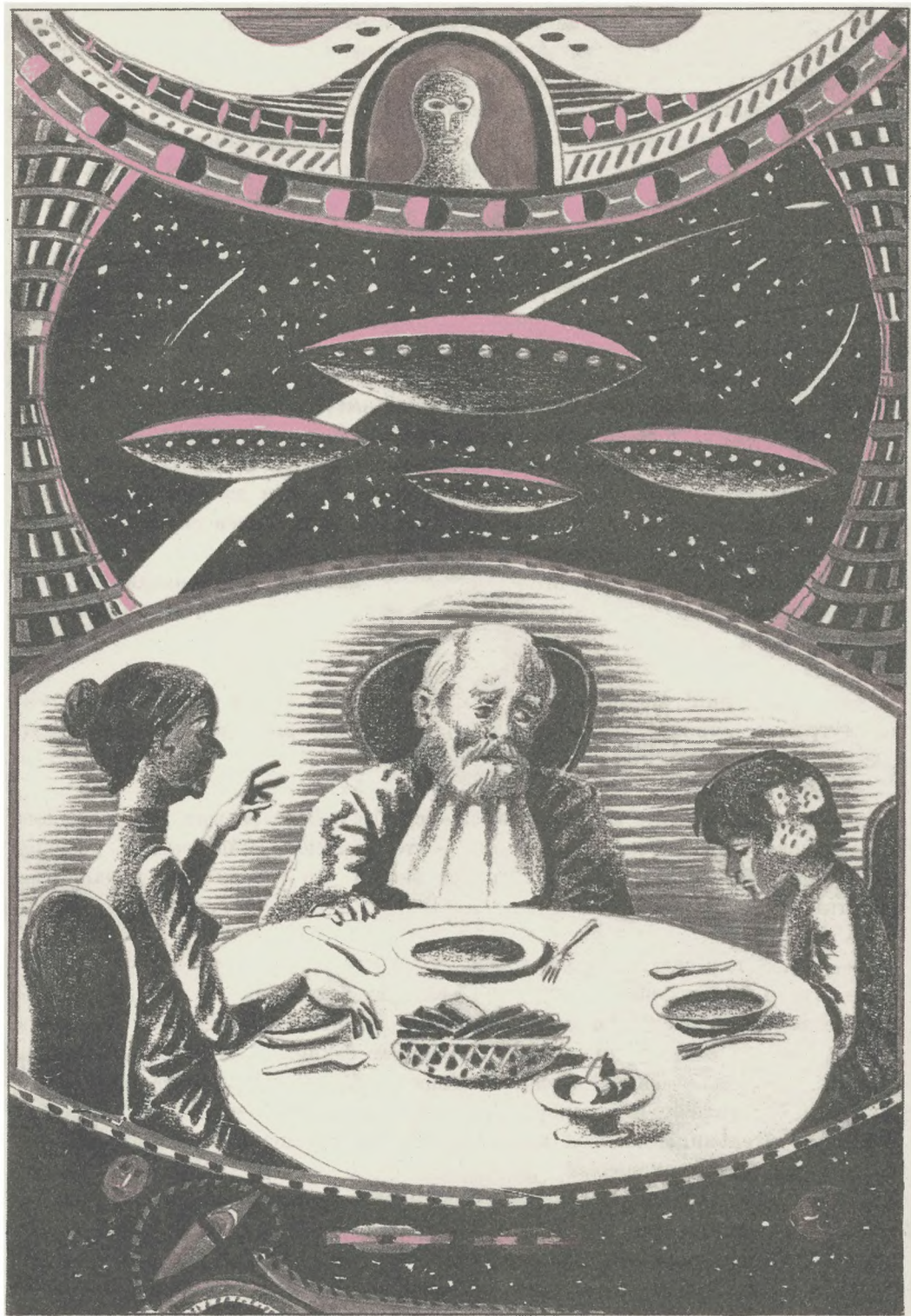
Как это ни покажется странным на первый взгляд, несмотря на все ослепительные достижения науки и космической техники, несмотря на все перевероты жизни на Земле, — мачехи, тещи и зятя как были, так и сохранились в неприкосновенности, и даже названия их не изменились с древнейших времен и до последних дней.

Кухонный Робик бесшумно наполнил тарелки супом. Начался обед и одновременно суд. Профессор Ив посмотрел на Лали, на свою жену и устало вздохнул. Долгое время он пытался убедить Лали называть свою жену мамой, но пока что из этого решительно ничего не вышло. Лали непоколебимо была убеждена, что правильной и справедливей называть ее мачехой. И, очень возможно, была права.

Трудно было профессору сосредоточиться на мелких домашних делах после того, что происходило на космическом заседании. Он почти не слушал прокурорской речи Мачехи и только вяло поддакивал:

— Вот, Лали, ты слышала, что тебе говорит мама?.. Ты поняла, что она тебе сказала?

Сам он не очень-то слушал и почти не понимал, так что не очень убедительно звучали его унылые реплики, поддерживавшие обвинительную речь Мачехи, которую профессор Ив упорно и безуспешно называл мамой, а Лали с поразительной изобретательностью строила фразы так, чтоб в них не было необходимости произносить ни «мама», ни «мачеха».

— Посмотри на других детей! Взгляни на всех знакомых девочек. Они так хорошо играют на крышах в бассейнах, раскрашивают свои ракеты, прыгают с парашютами, катаются на своих детских подводных лодочках, по целым дням не отрываются от своих стереовизоров! Разве ты видела, чтоб кто-нибудь из твоих подруг так зачитывался старинными бумажными книжками? Отвечай!

— Да-да! — опомнившись, что пропустил почти всю речь, встряхнулся профессор. — Вот, отвечай! Ты... это... гм... Видела? Ты слышала, что у тебя спрашивает мама? — сам-то он решительно ничего не слышал.

— Не ви-идела... — нудно протянула Лали, ковыряя ложкой в тарелке.

— Разве у тебя нет своего собственного прекрасного нового стереовизора для девочек?

Лали кротко вздохнула:

— Он довольно скучный дурак.

— Ах, да, ведь ты совсем особенная! Ты умнее!

— Вовсе нет... Просто когда он все мне показывает и объясняет, мне нечего делать... Смотришь на все готовое, а самой нечего делать. Он умеет просто показать какое-нибудь дерево, или корабль, или дворец, куда входит человек. Я и вижу дерево или дворец, и мне скоро делается скучно.

— Но ведь так оно и есть на самом деле!

— Ах, вовсе нет. Когда читаю, что какой-нибудь принц входит во дворец, я представляю себя в этом дворце, и мне страшно. Или восхитительно. Или таинственно, или...

— Ах, принц?

— Да-а, принц! Не по своему чину принц, он может быть свинопасом, но внутри он — принц!.. Ведь есть много людей, которые снаружи свинопасы, а внутри прекрасные принцы. И наоборот!

— Свино... Что?

— Ах! — болезненно морщась, вмешался Ив. — Этот термин она выкопала из средневековой сказки. Свино...пас — это сельскохозяйственный рабочий низкой квалификации, специализировавшийся по уходу за домашними животными.

— Он робот?

— Нет, нет, в сказках это человек.

— Ах, я просто не выношу эту нелепую болтовню. Не желаю ничего больше слушать. Неужели ты не можешь понять: если человек назначен принцем — он и есть принц, а если он назначен свино... не помню чем, то он и есть свино... вот это самое! Иначе в обществе будет полная путаница, как у тебя самой в голове. Вот теперь расскажи-ка дедушке, что ты натворила в классе! Учительница на тебя жалуется. Она возмущена. И она права! Мне краснеть за тебя приходится!

— Да, да, — сказал профессор. — И мне тоже приходится... это делать за тебя... Что она сделала?

— Она промочила ноги учительнице.

Лали заморгала и заняла не очень искренним пискливым голосом:

— Я не хоте-ла... Я вовсе не ду-умала... Ей только показалось.

— Ей показалось? Но у нее насморк из-за тебя.

— На-асморк? — Лали изумилась и вдруг расхохоталась. — Но там же не было воды!

— Вот как? Значит, учительница лжет?!

— Нет... — вздохнула Лали. — Конечно, это я виновата. Я просто нечаянно немножко распустилась, как-то перестала следить за собой. И вот...

Профессор вдруг заинтересовался:

— А ну-ка, Лали, чистосердечно признавайся, как это ты устроила насморк учительнице. Это было на уроке?

— Да. На уроке. Это вчера.

И Лали, похныкивая в знак раскаяния, которого она совершенно не испытывала, очень вяло, то и дело отвлекаясь, рассказала все происшедшее так, как было записано в ее дневнике строгой учительницей.

Получилось все очень скучно и, пожалуй, глупо.

На самом деле в классе на лекции по Древней Культуре вот что произошло.

ГЛАВА 7

ЛАЛИ УСТРАИВАЕТ УЧИТЕЛЬНИЦЕ НАСМОРК

Шел урок. Учительница уже проверила, хорошо ли дети запомнили имена героев, царей и городов, упоминаемых в «Иллиаде» и «Одиссее», когда заметила, что индикатор внимания на 144-й парте упал до нуля.

Учительница строго щелкнула кнопкой позывного сигнала, перед глазами Лали зажглись и запрыгали красные огоньки. Она вздрогнула и растерянно заморгала.

— Очень признательна, что ты включилась, — с иронической вежливостью слегка поклонилась учительница.

И весь класс захихикал точно так, как хихикали при таких обстоятельствах дети двести лет и две тысячи лет назад.

— Ты, может быть, обратила внимание, что мы уже закончили разбор «Иллиады» и перешли к «Одиссее»? Не будешь ли ты столь добра поделиться с нами своими познаниями об Улиссе? Ты что-нибудь знаешь о нем? Кем он был?

— Улисс?.. — запинаясь, сказала Лали. — Это был... Да ведь это был Одиссей!.. — Хихиканье в классе стало заметно громче. Лали вызывающе вздернула подбородок. — По правде говоря, он мне совершенно не нравится.

— Вот как? Это очень ново и оригинально. Мы-то считали до сих пор его замечательным героем.

Реплика учительницы имела большой успех.

Лали стояла одна среди многолюдного класса. Она была очень похожа на жалкий островок, встопорщившийся среди шумного моря смеха.

— Он был, конечно, ловкий тип, хотя ради приличия его и называли «хитроумным», — звонко отчеканила она, перекрывая общий смех. — Он довольно ловко всех надувал и выпутывался из разных историй, в которые вечно попадал. Я не вижу ничего прекрасного в том, что всех то и дело по очереди убивают, а потом этот довольно низкий трюк с деревянной лошадкой, когда одурачивают бедных троянцев, и опять всех убивают, грабят и разрушают красивый город. И после этого ловкач Улисс все плавает и плавает, и все до одного его верные спутники погибают, а он выкручивается и обманывает всех. Ради чего? А только ради того, чтоб добраться до дому. Добрался и упо-

коился, засадил жену за прялку, рабы опять стали пасти для него свиней, а он стал пировать, пить вино, наедаться свининой и хвастаться своими до-вольно скучными приключениями...

— О, бедный Улисс. Подумать только, все его знаменитые подвиги, все приключения наша Лали объявляет просто скучными!

— Н-нет...— неуверенно протянула Лали, задумчиво выпячивая нижнюю губу (скверная привычка, от которой она никак не могла отучиться).— Я не очень задумывалась... Хотя да! Одно у него, пожалуй, было. Но вот как раз там-то он и струсил.

Весь класс слушал посмеиваясь: чудачка была эта Лали, но слушать ее болтовню иногда было забавно. Как-то незаметно она понемногу завладела вниманием. Голос ее потеплел, она оживилась, глаза заблестели.

— Знаете?.. В конце концов, я, кажется, начинаю ему сочувствовать! — Видно было, она и сама удивилась тому, что сказала.— Правда... когда после всех странствий он вернулся домой... Ведь, наверное, ему скоро опротивела его царская сытая жизнь. И тут-то он стал вспоминать, вспоминать и, наконец, понял. Ведь только один раз в жизни с ним случилось действительно чудесное: он один-единственный из всех людей на Земле слышал знаменитое, сказочное, вдохновенное пение сирен! Конечно, благоразумные люди его предупреждали, что хотя это пение прекраснее всего, что можно услышать на Земле, его почему-то нельзя безнаказанно слушать людям. Вот он и приказал всем своим спутникам на корабле позатыкать воском уши, а себя самого велел покрепче привязать веревками к мачте и ни за что не отпускать. Услышав пение сирен, он в ту же минуту понял, какая, в общем, чепуха все его кровавые подвиги по сравнению с прелестью неземного этого пения, и стал рваться из веревок, но те, у кого благоразумно были заткнуты уши, не развязали его до тех пор, пока корабль не отплыл так далеко от этих мест, что и след потеряли, и не слышно стало ничего, кроме свиста ветра, скрипа весел и крика чаек... И Улисс скис, сдался и успокоился. А после того как все было упущено, у него в ушах снова и снова возникали замирающие вдали последние отголоски. И он проклинал себя, что не мог откликнуться на призывные голоса, звавшие его освободиться, переступить через свой страх туда, где ждет, может быть, вовсе не гибель, а небывалое счастье?..

Лали замолчала и вдруг соболезнующе и жалобно спросила:

— Бедный ты человек, хитроумный Улисс, как же это ты дал себя так перехитрить и одурачить?

Странно прозвучал и повис в воздухе этот вопрос, как будто сам Улисс стоял прямо перед ней, где-то рядом.

Еле заметно вздрагивая от волнения, голос Лали зазвенел и заставил весь класс встрепенуться. В напевной отрешенности ее полудетского голоса слышалось великое удивление и растерянность.

— Вот так он уходил на берег моря и стоял... наедине со своей великой тоской... Шумели темные деревья от ветра на берегу, и волны, шурша, набегали к самым его ногам, и древние созвездия ярко горели над его головой...

Альциона... Плеяды... Кассиопея! А душа у него рвалась, только бы снова услышать дивный зов сирен. Все свои подвиги, рабов, и царство, и всю свинину он отдал бы, чтоб снова оказаться посреди ослепительного фиолетового моря свободным, без веревок, у мачты голубого паруса, на палубе, над потными, жилистыми гребцами с заткнутыми ушами... Но поздно! Бедный Улисс, ты прозевал единственно подлинное чудо, какое встретил в своих бесконечных, бесплодных странствиях!..

— Лали! Лали! Прекрати это немедленно, сейчас же убери все отсюда! — испуганно взвизгнула учительница. — Не смей напускать в класс эти волны, все промочат себе ноги!

Лали медленно пробормотала:

— Мне нечаянно... просто представилось, как ему грустно...

— Не смей больше ничего себе представлять. Не смей устраивать нам тут никаких созвездий в помещении школы! Немедленно возьми себя в руки и не распускайся!

— Я не буду... — тихо сказала Лали.

— Что значит — не буду? А этот надутый парус! Разве ему тут место?

— Ах да, извините... — Лали помотала головой, и полоскавший на ветру парус растаял.

— Э-э! Куда же все девалось?.. — с досадой прозвучало сразу несколько голосов.

— Умница, Лали! — одобрительно сказала учительница. — Теперь все в порядке. Дети! Конечно, вы все поняли, что ничего не произошло. Даже если кому-нибудь показалось что-то, чего не могло быть!

— А мне ничего и не казалось! — радостно объявил толстый мальчик. — Только поговорили что-то про свинину!

Задумчивая девочка Оффи всхлипнула и вдруг мечтательно улыбнулась:

— Лали! Отчего он так уж горевал? Оттого, что звуки сирен заменить не могли... ему скучные песни Земли? Да?

— А что обозначал большой красный круг на парусе? — спросил мальчишка Фрукти.

— Ничего решительно! — твердо отрезала учительница. — Лали хорошая девочка и обещает нам, что она больше не будет. Мы уже установили, что решительно ничего не случилось. Просто ничего не было. А теперь мы сделаем маленькую зарядку, чтобы согреться!.. Туфли у меня, кажется, насквозь промокли, пока мы топтались на этом противном берегу вместе с э-э-э... Не желаю больше называть его имени!

Лали на довольно унылой ноте закончила свой рассказ о происшествии на уроке.

Мачеха с торжеством скрестила руки на груди и посмотрела на профессора, как бы спрашивая: «Ну что вы на это скажете?» И он сказал:

— Нда-с!.. — Ему, собственно, очень понравилась вся эта история, но он знал, что не может высказывать ни малейшего сочувствия Лали. Поэтому он

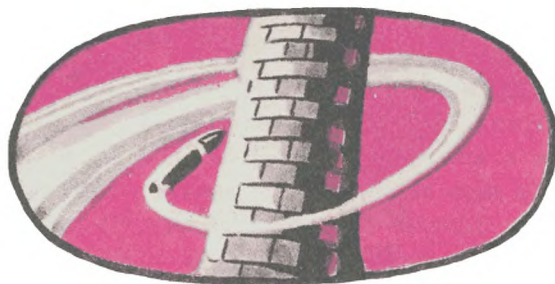
нахмурился и еще раз сказал: — Нда-а-с!.. Вот, понимаешь ты, братец, то есть Лали... ты ведь сама сознаешь, что не следила за собой и распустилась. А ты подумала, к чему это тебя приведет, если будешь продолжать не следить за собой... Сегодня из-за тебя был ужасный беспорядок в классе, а завтра... ты представляешь, что ты можешь устроить завтра?

— Не-ет,— тоскливо протянула Лали,— не представляю.

— Вот видишь! — как можно назидательнее сказал профессор Ив.— Ты не знаешь! И я не знаю. Может это так продолжаться? Ты постарайся теперь следить за собой?

— Постараюсь, постараюсь! — Лали соскочила со стула, на лету чмокнула дедушку в щеку и умчалась из комнаты.

ГЛАВА 8

ФРУКТИ И ЕГО ЗАБАВНАЯ КАРУСЕЛЬ

Старики держались стойко. Каждый четверг они постукивали в дверь заброшенной на стодвадцатый этаж хижины Прата.

На этот раз, совершенно неожиданно, на аварийной скорости на крышу совершила посадку маленькая, ярко раскрашенная одноместная ракета с вмятыми боками. Из нее выбрался и с ленивой усмешкой огляделся вокруг мальчуган лет четырнадцати. Он глубоко засунул руки в карманы и, раскачиваясь, в развалку двинулся к двери такой походкой, что, казалось, он руками передвигает свои негнувшиеся деревянные ноги. Зацепившись за порог, он вылетел чуть ли не на самую середину комнаты и, не обращая на это никакого внимания, лениво помахал в воздухе рукой:

— Приветик!.. Вы, кажется, меня не звали?.. Отвяжись, старая жестянка! — Последнее было обращено к Старому Роботу, который подкатился, собираясь его схватить.

Робот не обиделся, потому что понимал только голос своего хозяина, а Прат в эту минуту сказал:

— погоди, не трогай его, старина. — По голосу он сразу понял, что незваный гость мальчишка. — Что привело тебя в мой дом, молодой человек?

— Привезла в ваш дом меня моя вонючая красавица ракета. А явился затем, чтоб разобраться, в чем тут фокус, черт его побери! Лопну, а разберусь!

— Если вы собираетесь лопнуть, — холодно сказала Прекрасная Дама, — я надеюсь, вы не станете этого делать в этом доме. Кроме того, вы ведь еще даже не представились.

Мальчишка широко ухмыльнулся и поклонился так, что чуть не стукнулся лбом об пол:

— Будем знакомы: Фруктик с вашего позволения! Мы в одном классе с Лали. Она устроила у нас такую петрушку, что даже я обалдел. Не успокойсь, пока не разберусь, что за аппаратура или фокус... Вообще как она это устраивает? Ну как? Училка и та совсем обалдела. Подохнуть можно!

— Вы хотели бы повидать Лали, если я вас правильно понял? Ее здесь нет. Боюсь, что она может сегодня совсем не прийти. У нее неприятности дома

с Мачехой, как раз из-за этого происшествия в школе, от которого вы, по вашему выражению, опасаетесь подохнуть.

Фруктик дружелюбно подмигнул:

— И вы бы опасались, если бы видели, что за заварушку она там устроила на берегу моря с этим Улиссом!.. Что ж, значит, ничего тут не будет. А сегодня четверг, я ведь выследил, как вы тут собираетесь.

— Он выследил! — грустно произнес Розовый Нос. — Его вынырчил стереовизор на детективах. Не скомандуете ли вы своему Роботу, милый Прат?.. Чтоб он принял, так сказать, меры?.. — И он сделал ладонью движение, как бы начисто сметая крошки со стола.

— Напротив, очень интересно поговорить с одноклассником Лали. Вы, кажется, назвали себя Фруктиком?

— Так точно, старина!.. Было, конечно, еще какое-то имя, но это я себе сам заработал на карусели. Не знаете, что такое карусель? Где же вы были до сих пор! Ну, скажем, в старом, заброшенном городе осталось множество таких длинных высоких штук... Они назывались фабричные трубы, слышали? Ну вот! Вокруг трубы мы на ракетах и устраиваем карусель, носимся на большой скорости. И кто ближе подлетит к трубе и чиркнет бортом ракетки так, что след останется, тот и выиграл. Я три раза выигрывал. Вот и заработал среди ребят почетное звание: «Ну и Фруктик!» Но я люблю, чтоб меня попросту звали Фрукти! Кстати, сегодня занял второе место... Да, я еще забыл сказать: когда чиркнешь по трубе, надо высунуть язык, чтоб всем было видно, какой ты молодец.

— Почему же у вас второе место сегодня? Вы позабыли про язык?

— Ну, уж я не забуду! Просто первое место занял один парень, он так треснулся об трубу, что у него ракетка пополам. Думали, конец, а ничего.

— Все обошлось?

— Ну да. Ракету восстановили.

— А этого мальчика?

— Его? Ну, нет!

— Какая веселая игра, — тихо сказала Дама.

— Ничего. Но тоже надоедает.

— Поэтому вы теперь заинтересовались историей... Улиссом?

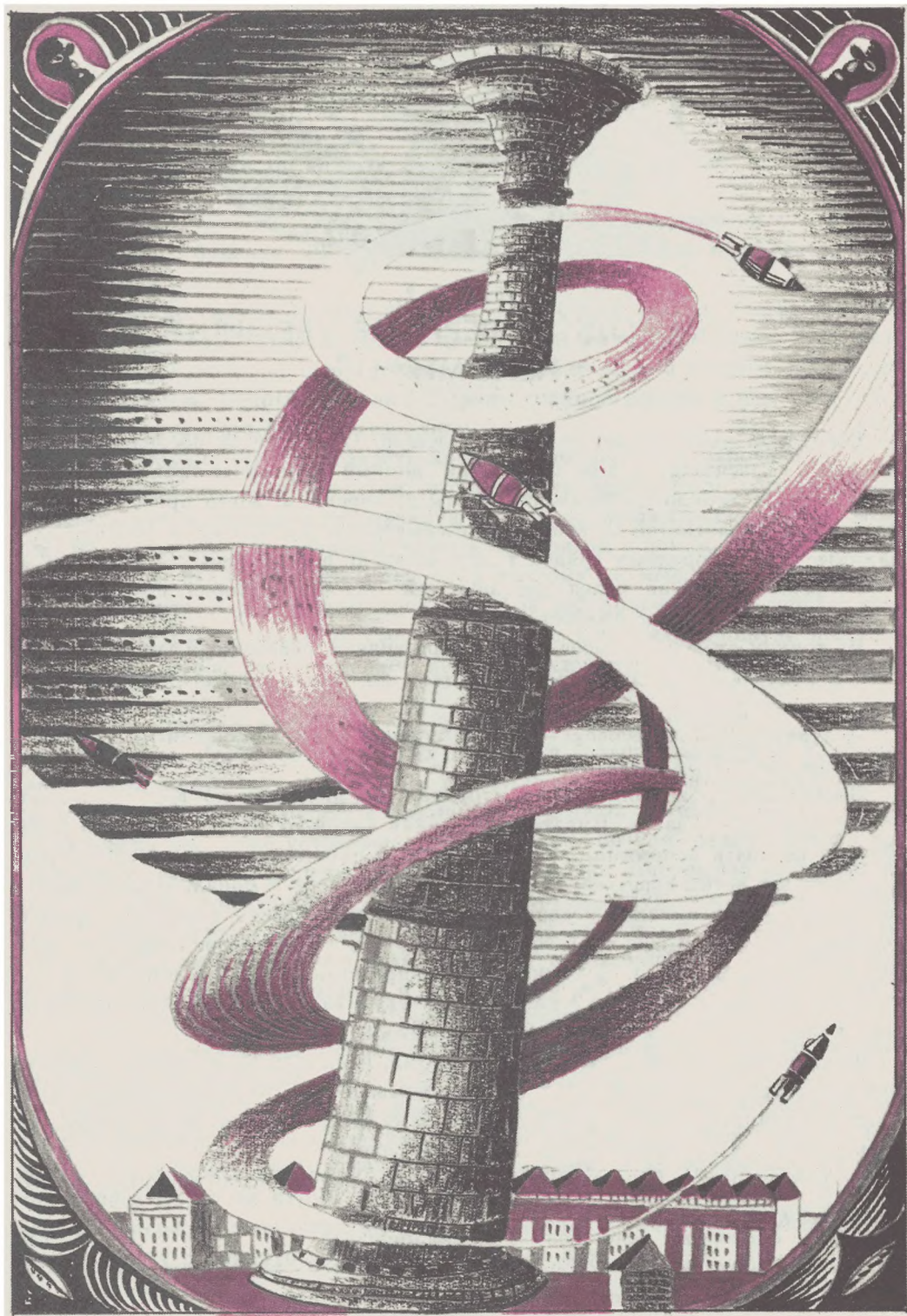
— Ни капельки! Что такое история? Чепуха, все это было давно и вообще неправда.

— Но почему же неправда?

— Да ведь я-то ничего этого не видел! А чего я сам не видел, все ерунда и занудливая брехня.

— Но если это все-таки было на самом деле?..

— А хоть бы и было, мне-то что за дело? С кем эти все истории происходили. пускай ими занимаются. Проехало, и начхать мне на это дело. Мне фокус ее интересно посмотреть. А без Лали, я вижу, вы тут ничего не можете? А где она сейчас? Я все равно ее отыщу!

ГЛАВА 9

ОГОРОДНО-ЗВЕРИНОЕ УБЕЖИЩЕ НЕПОМНИКА

Город был высокий, но не очень большой. Сразу же за последними приземистыми десяти-двенадцатизэтажными домами пригорода начинались зеленые луга с лениво пасущимися толстыми коровами, ветер пробегал волнами по полям золотистой пшеницы, березовые рощи шелестели на пригорках, и длинные ряды огородных грядок тянулись вдоль берега реки.

Небрежно помахав вслед отъезжавшей машине, которая его подвезла, Фрукти сошел с шумной автострады.

На тонком столбике красовался голубой значок, обведенный красным ободком, с птичкой посередине. Все было так, как ему подробно объяснил Чемпион.

— Ничего себе адресочек! — сказал Фрукти. — Птичка какая-то дурацкая, а дальше дорожка и кусты! Вот чушь!

Посвистывая и поглядывая по сторонам, он двинулся по тропинке. Шум автострады совсем затих. Вместо него возник какой-то новый, неровный звук. Фрукти не сразу вспомнил: «Э-э, да ведь это просто-напросто ветер! Шумит и покачивает ветки деревьев! Ясно, деревня, вот куда я попал. Пахнет чем-то зеленым, и попискивают, посвистывают птички. И долго это будет продолжаться?.. Ага, вот и еще один значок: буква «Н» со стрелкой. Правильно, так мне и говорил Чемпион. Тут уж придется прямо через кусты ломиться!»

Едва заметная тропинка, на которую указывала стрелка, действительно вела куда-то в глубь зеленых, пышно разросшихся кустов.

Фрукти презрительно фыркнул и зашагал, цепляясь за кусты. Он шел минут пять, продолжая пофыркивать и оглядываясь по сторонам, так что чуть было не ткнулся носом в сетчатую калитку. Вправо и влево тянулась довольно высокая ограда из тонкой стальной сетки.

— Вот черрт! — буркнул Фрукти и лягнул ногой плотно запертую калитку, у которой даже и ручки не было видно.

Чей-то спокойный голос совсем рядом произнес:

— Кто бы это мог быть? Если это человек, почему же он лягается? А если жеребенок или осленок, почему он чертыхается? Лали, взгляни!

После минутного молчания смеющийся голос Лали воскликнул прямо у самой калитки:

— Э-э! Да это Фрукти! Как ты тут очутился? Входи, входи!

Калитка бесшумно открылась, пропустила Фрукти и тотчас закрылась снова.

— Иди все время по этой розовой дорожке, она приведет тебя прямо к дому.

Голос Лали теперь слышался у него за спиной, по-прежнему у калитки.

— Ладно! — буркнул Фрукти и зашагал по шуршащей мелкими ракушками розовой дорожке.

Дорожка повернула вправо; по одну ее сторону пошли подстриженные кустики, усыпанные мелкими алыми цветочками, по другую — ровные огородные грядки морковки и цветной капусты. Сделав крутой поворот влево, дорожка кончилась. Открылась залитая ярким солнцем поляна и обычный сельский дом, одноэтажный, но с мезонином.

Все это трудно было разглядеть из-за листвы деревьев, окружавших дом. Они так сливались друг с другом, что не сразу можно было разобрать, где кончается конек крыши и где начинаются далеко протянувшиеся ветки акации. Известно, что когда деревья долго живут рядом с домом, они привыкают друг к другу, как будто стараются один другому не мешать: туда, где есть свободное место, дерево протягивает ветку, за ней другую, а где мешает стена дома — старается обогнуть стороной. Только когда какая-нибудь недогадливая ветка порой заслонит окно, ее приходится поправлять и отводить в сторону.

Фрукти, конечно, ничего этого не заметил.

Лали сидела боком на ступеньках террасы и большой ложкой из глубокой тарелки ела малину со сливками. На ней была мальчишечья рубашка с короткими рукавами, заправленная в мятые брючата цвета хаки.

Напротив нее, тоже устроившись на ступеньке бочком, сидел желтолицый старичок и, стараясь подражать Лали, внимательно зачерпывал из своей тарелки малину, не без труда засовывая себе в рот большую ложку. Перепачканные сливками уголки губ выглядели у обоих совсем как маленькие белые усики. Самое забавное, что у старичка были и настоящие усики, очень жиденькие, точно редкие перышки, и тоже перепачканные белым.

— Смотрите-ка кто явился! Привет! — воскликнула Лали.

С террасы залаяла на Фрукти собака. Он поискал ее глазами. На террасе никакой собаки не было.

Только вдалеке бело-рыжий фокстерьер носился по залитой солнцем поляне, увертываясь от изящной маленькой антилопы, делавшей вид, что старается его забодать своими волнистыми рожками, в то время, как он ловился поймать ее за куцей хвостик. Услышав лай с террасы, они бросили игру и наперегонки помчались к дому. Собачонка взлетела по ступенькам и, задрав голову вверх, отрывисто и громко пролаяла:

«Аф!.. Аф!.. Аф!..»

Нагнувшись со своей жердочки, большой попугай в ответ ее же голосом ответил:

«Аф!.. Аф!.. Аф!.. Аф!..»

Минуту они упрямо перелаивались, как две собачонки из подворотни.

— Прекратите безобразие! — сердито махнул на них рукой Непомник. Он сидел за столом в глубине террасы, беседуя с каким-то человеком в громадных голубых очках, делавших его похожим на очень удивленную сову.

— Ми-и-яу!.. — притворно взвыл попугай голосом кота, которому прищипали хвост, и, закатив глаза, медленно перевернулся вверх ногами и остался висеть неподвижно, застыв, как груша на ветке.

Антилопа, постукивая маленькими копытцами, поднялась по ступенькам и с интересом заглянула в тарелку, которую Лали держала на коленях. Лали вынула ложку, пододвинула ей тарелку и встала.

Терьер придирчиво обнюхал Фрукти и, не найдя ничего интересного, дружелюбно поскреб лапкой туфлю Лали, зевнул, отошел в тень и там повалялся на бок.

Попугай встрепенулся, принял нормальное положение на жердочке, скандальным голосом во всю глотку заорал:

— Кукареку-у! — После чего простуженным старческим голосом сварливо проскрипел: — Что тут смешного?

— С таким не соскучишься! — фыркнул Фрукти. — А ведь он у вас не привязан. Он не может улететь?

— Конечно, может. Но он ни за что не улетит. Он побаивается ворон. Конечно, не всех. У него есть две-три, с которыми он в хороших отношениях. Они навещают его на террасе. В особенности когда на столе остается что-нибудь съестное. Но самое главное, он привык к дому и больше всего любит тишину. Он часами может дожидаться, пока не наступит полная тишина, и вот тогда-то закатывает скандал. Понимаешь? Он не терпит шума вокруг себя. Он любит шуметь сам.

— А как зовут этого псенка? Забавный.

— Это Рока, — сказала Лали, и терьерчик, услышав свое имя, скосил на нее один глаз.

— Очень хорошая и красивая собака...

Рока прислушался.

— ...хорошая и благородная!

Лежа на боку и, конечно, понимая, что Лали говорит про него очень приятные вещи, Рока от удовольствия потянулся, даже как-то скрипнул весь от натуги, выгибая дугой спину, точно какая-то сила туго натягивала его, как лук.

— Я думаю, скорее всего, это просто небольшой заколдованный человек, который должен притворяться собачкой. Но иногда он об этом забывает, и тогда сразу видно, кто он такой на самом деле.

— Похоже, Рока и верно чертовски симпатичный парень! — Фрукти хлопнул себя по коленке. — А это кто?

Невдалеке от дома, у бассейна, маленький зверек деловито, как старательная прачка, растирал, окуная в воду, морковку.

— Тю, да это ведь енот, верно? Ты его кормишь?

— Да нет, мы только сажаем весной морковку, а с грядок они сами достают. Тут их целое семейство. Пойдем, можешь его погладить. Он не боится.

Они сошли в сад. Антилопа и Рока побежали впереди них по дорожке.

— Теперь я понял, зачем тут кругом все огорожено стальной сеткой. Чтоб звери не разбегались, да?

— Пальцем в небо! Все наоборот. Когда-то люди опасались зверей, отгораживали их от себя высокими решетками, а мы отгораживаем всю эту автостраду с ее страшными автомобилями и некоторыми глупыми людьми, чтоб они не напугали зверей.

Они шли вдоль огородных грядок, маленьких парников и лужаек, похожих на толстый ковер с узором из очень странных цветов.

Рока неслышно подкрался к еноту и ткнул его носом. Тот сердито обернулся, не выпуская морковку из лап, и точно сказал: «А, это ты!» — после чего продолжал теревить и окунать в воду уже совершенно чистую морковку.

— В жизни не видел такого сада, — в недоумении сказал Фрукти, сомневаясь, нужно ли восхищаться или высмеивать то, что он увидел.

Действительно, все выглядело очень странно. Изнеженные садовые цветы с пышными розовыми, алыми, фарфорово-белыми и нежно-фиолетовыми лепестками, мохнатыми шапками росли островками рядом с маленькими колониями васильков, незабудок, полянами колокольчиков и мышиного горошка.

— Тут у нас все отлично уживаются. Холеные красавчики и те, кого считали сорняками. Конечно, нужно за ними присматривать, не давать воли кому-нибудь одному очень-то распространяться, тогда все идет гладко.

— «У нас, у нас!» Ты-то ведь не тут живешь, а в городе!

— Так это же дом нашего друга Непомника. Как будто человек не может жить в двух местах. Я у него хозяйка, когда бывают гости, как сегодня. И у дедушки Прата я тоже хозяйка, когда гости приходят к нему.

— А что это за старичок, с которым вы лопали малину?

— Это Сью-Сиу, знаменитый астрофизик, он директор Центра Связи «Джомолунгма» и старый приятель дедушки Ива.

— Что старый, это заметно! Хе! А у своего Ива ты тоже хозяйка?

— Нет, там я совсем не хозяйка. Там хозяйка Мачеха...

— В совиных очках кто?

— Он тоже директор Центра «Финстерхорн». Но у него хобби — археология. Они все вместе собрались, чтоб осмотреть Башню. Ее на той неделе откопали. Она была засыпана небольшим землетрясением тысяча сто лет назад. Пойдешь вместе с нами?

— Со всей этой компанией? Любоваться на какую-то яму, которую там от нечего делать выкопали? Что я, чокнутый?

— Пожалуйста, тебя никто не упрашивает. А чего это ты вообще сюда забрался?

— «Чего-чего»!.. Да просто так. Охота мне разобраться, как это ты устроила.

— Да ну тебя! Опять ты об этом уроке. В жизни этого больше не повторится.

— Да тебя убить мало! «Не повторится»! Если ты умеешь устраивать такое!.. Такую!.. И вдруг: «Не повторится!» Я уже придумал несколько штук, которые можно устроить в школе!.. Да не махай руками! Я знаю, что ей только показалось! А вот когда она вызовет меня отвечать, сделай, чтоб ей показалось, будто три мокрых лягушки и одна жаба вскочили ей за шиворот и там гоняются друг за другом! Вот будет урок так урок!.. Эй, полегче!.. Это что за номера!

С ветки, прямо ему на плечо, спрыгнула белка. Фрукти вздрогнул от неожиданности. Лали засмеялась.

— Она мне щеку щечочет,— слегка покраснев, небрежно пояснил Фрукти.— Слушай-ка, чего это она меня за ухо дергает?

— Иди ко мне,— сказала Лали и протянула руку.

Белка, как по мостику, пробежала по руке и уселась на плечё у Лали. С террасы их окликнули.

— Пора отправляться. Нам. А ты как хочешь. Мне тоже не очень интересно, но я хозяйка и должна сопровождать гостей.

— В раскопанную яму?

— Это не яма. Это Башня. Ну, остаешься или с нами?

— Вот влип!

ГЛАВА 10

СОМНИТЕЛЬНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ИСТОРИИ...

Большая площадка вокруг Башни была расчищена и выровнена. По сторонам возвышались, уже успевшие кое-где порости зеленой травкой, громоздкие, бесформенные земляные отвалы.

Снаружи Башня была похожа на невероятно толстый каменный столб с узкими прорезями окошек, или бойниц. Несмотря на свою высоту, она выглядела приземистой, тяжелой и довольно безобразной.

— Вы спрашиваете, что нам известно об этом сооружении? — спросил Финстер (как было принято называть руководителя Центра Связи «Финстерхорн»). — Время — примерно тысяча сотый, тысяча двухсотый год. Назначение — толщиной стен постройки, ее высотой над поверхностью земли как можно надежнее отгородить тех, кто находился внутри, от внешнего мира. Причина, заставлявшая людей в те времена повсеместно прибегать к строительству подобных совершенно нелепых сооружений, только одна: всепоглощающий страх тех, кто сидел в Башне, перед окружающим миром.

— Безусловно, безусловно!.. — благодушно поддержал Сю-Сиу, поглаживая согнутым пальцем свои жиденькие усики. — Может быть, вам известно, кто именно построил эту Башню, чтоб отсидеться в ней от остального, окружающего мира?

— О, это нам известно вполне достоверно: Карло Карлони деи-Скорлупи, Великий Магистр, ни больше ни меньше! Впрочем, в летописи о нем упоминается весьма кратко. — Финстер полистал толстенький карманный справочник. — Ага, вот оно!..

«Магистр Карлони долгие годы немилосердно опустошал и разорял свою страну, — профессор Финстер широким жестом описал в воздухе полукруг. Все невольно проводили глазами размашистое движение его руки. — В жестокой битве при Ля-Трапе войско свирепого рыцаря по имени Великан дикого леса было разбито, после чего Карло Карлони деи-Скорлупи объявил себя Великим Магистром Ордена, построил эту Башню и долгие годы правил страной благополучно и несправедливо, вдохновенно воспеваемый поэтами и мистрелями, до тех пор, пока не был свергнут и не бежал с великой поспеш-

ностью, спасая свою жизнь от народа, настойчиво стремившегося разорвать его собственными руками».

В общем, история банальная. Она не заслуживала бы нашего внимания, если бы не небольшая легенда, которая тоже не заслуживала никакого внимания до тех пор, пока не раскопали эту вот грубоватую, но крепкую Башню.

— Долго он будет еще нудить эту тягучку? — И Фрукти сделал вид, что засыпает стоя. — Смоюсь отсюда?!

Лали незаметно, но чувствительно ткнула его локтем, шепнула:

— Кто тебя держит? Убирайся. Сказала тебе — я хозяйка, принимаю гостей.

Финстер спрятал книжечку в карман куртки, снял, чтоб протереть, свои большие очки и тотчас перестал быть похожим на изумленную сову. Глазки у него оказались очень маленькие и веселые.

— Итак, — добродушно заметил Сью-Сиу, — мы сюда явились и обозреваем Башню, с которой связано мало интересного. Теперь осталось выслушать не заслуживающую внимания легенду? Не так ли?

— Совершенно верно! — радостно подтвердил Финстер, снова превращаясь при помощи очков в удивленную сову. — Легенда сложилась, была сочинена, объявилась или вынырнула на поверхность из подполья — не могу сказать точно с уверенностью — одновременно с происходившими событиями. Было достоверно известно, что исход рыцарской битвы у замка Ля-Трапе решился поединком, в котором Великан дикого леса был выбит из седла, а затем побежден и убит в рукопашной схватке каким-то рыцарем. После провозглашения Карло Карлони деи-Скорлупи Великим Магистром было принято считать, что этот подвиг мог совершить только он. Но как только его свергли, тотчас обнаружилось великое множество свидетелей того, что во время битвы у Ля-Трапе он находился совсем в другом, гораздо более спокойном месте. Кроме того, все участники битвы очень ясно вспомнили (а раньше им как-то не хотелось вспоминать), что рыцарь, победивший Великана дикого леса, был в совершенно черных доспехах, измятых и покрытых кровью из его ран. В то время как Карлони, совершая торжественный въезд в завоеванный замок, так и сверкал серебряными доспехами без единой царапинки. Вдобавок ко всему, рыцарь, дравшийся на мечах с Великаном, сам был немалого роста. Что же касается Карлони, то придворным художникам, писавшим его во весь рост, приходилось ставить его на табуретку, а самим садиться на пол. И то получалось недостаточно величественно.

Лали слушала до того рассеяннo, что все вдруг услышали, как она кому-то говорит вполголоса:

— Вот глупый! До чего же ты упрямый. Зачем тебе в мой рукав? Там темно, и нечего тебе там делать!

Финстер замолчал от удивления.

Лали спохватилась тотчас:

— Извините, пожалуйста, это я не вам. Это я ему говорю... — Она бережно взяла двумя пальцами муравья, старавшегося вползти в туннель ее рука-

ва, и осторожно усадила его в сторонке на стебелек травы. — Пожалуйста, продолжайте, ведь вы обещали нам легенду? Разве это легенда, то, что вы рассказали?

— Что касается маленького человечка, присвоившего себе подвиг другого, то это можно считать исторически доказанным фактом. А легенда добавляет яркие краски, пририсовывает к фактам всякие подробности. К примеру, будто бы упомянутый рыцарь, победитель в черных доспехах, не был убит, но скрытно доставлен с поля боя в Башню и посажен на цепь. Да еще будто бы не просто на цепь, а закован в железный ошейник. И будто бы — прошу отметить, как тут разыгралась фантазия, — прикован этот рыцарь был к стене Башни не где-нибудь, а именно в личном покое Великого Магистра Карло Карлони деи-Скорлупи. Неправдоподобно, не правда ли? — Рассказчик почему-то самодовольно захихикал. — Ну, и...

— Погодите, погодите, погодите... — бессмысленно, точно спросонья забормотала Лали. — Погодите, погодите!.. Я, кажется, это знаю... Там еще была птичка!.. Верно?

— Вы имеете в виду щебетанье? Да, да!

— Ну, значит, это то самое и есть! Он открывал рот, собираясь соврать, а она ему не позволяла!

— Совершенно верно! Вы знаете эту легенду, Лали? Птичка щебетала, не позволяя лгать, а потом он бежал, и люди гнались за ним с палками, и он спасся, нырнув среди чистого поля в норку!

— В барсучью! — радостно подтвердила Лали.

И они засмеялись, не договаривая, как два заговорщика, знающих секрет.

— Кто спрятался? Как он мог спрятаться? — раздраженно придирался Фрукти. — Этот Карлони-Марлони? Разве может человек, сколько его ни колоти палкой, залезть в норку?

— При помощи легкого волшебства? Это совсем просто.

— А-а, вранье! — зевнул Фрукти.

— А вот нас уже увидели и делают нам приглашающие знаки. Пошли!

ГЛАВА 11

О ЖЕЛЕЗНОМ ОШЕЙНИКЕ В КАМЕННОЙ ТЕМНИЦЕ

Лохматый Старший Механик подземных работ встретил их и повел ярко освещенными электричеством подземными коридорами к Башне.

— Сейчас мы их уже привели в порядок и начали вывозить отсюда! — Старший Механик на ходу мотнул головой в ту сторону, где у стены были аккуратно сложены штабелем множество скелетов. — А поглядели бы вы, как они выглядели, когда мы только вскрыли подземелье под основанием Башни. Будто вприсядку плясали или утреннюю зарядку делали... Пожалуйте вот сюда, надо подняться по лестнице.

Они потянулись цепочкой по крутой винтовой лестнице. У профессора Финстера с каждой ступенькой становился все более торжествующий вид.

— Вы ведете нас в личные покои Великого Магистра Карло Карлони деи-Скорлупи? Я не ошибаюсь, не правда ли? — с непонятной торжественностью во всеуслышание спросил профессор.

— Вы совершенно точно выразились, — с усмешкой отозвался Механик. — Именно в личные покои этой старой обезьяны. Вот и последний поворот.

Слегка запыхавшись после долгого подъема по крутым каменным лестницам, Финстер тихо сиял. Вид у него теперь был как у фокусника, уже запустившего руку в свою шляпу, но еще не выхватившего из нее, всем на удивление, кролика.

Все гурьбой вошли в помещение верхнего этажа. Высоко вознесенное над землей, изнутри оно было похоже на дно давно пересохшего каменного колодца. Толстые круглые стены грубого серого камня. В холодном камине черные языки копоти от бревен, сгоревших в нем тысячу лет назад.

Намертво вделанная в толщу стены свисала цепь, красная от ржавчины. Нижние ее звенья, казалось, ползли по полу, как змея, в последнем извиве вцепившаяся зубами в пустой, намертво заклепанный железный ошейник, до того изъеденный временем, что казался серым, картонным.

— Вот! — Профессор Финстер с таким торжеством поднял руку, точно выхватил за уши всем напоказ целую дюжину болтающих в воздухе лапками кроликов. — Мы находимся в Башне, считавшейся легендарной, мы видим ка-

мин, упоминаемый в легенде, и даже цепь с ошейником, куда заковал своего пленника отнюдь не легендарный Карло Карлони деи-Скорлупи. Подумайте, какое блестящее подтверждение! Самые невероятные мифы, предания, легенды всегда несут в основе действительные происшествия, факты!

— Верно, верно! — весело отозвался Механик. — Тут все, как описывалось в легенде. Вот, поглядите, тут ниша... как будто в скале вырублена, верно? Знаете, что это?.. Потеха... Такое не всякий раз и на раскопках встретишь. Обыкновенных узников, врагов и всяких там пленников он держал в подземелье, прямо под полом помещения для стражи... Да вы их сами видели, они сложены там, внизу... Ну, а самого своего драгоценного, секретного или опасного врага он держал у себя на глазах, вот тут, значит... Интересно, верно? Старый черт напялит ночной колпак на плешь, залезет под тепленькое одеяльце, а тот, в ошейнике, вот тут, у стенки напротив, на цепи сидит, ему и спокойно... Вот, видите? Гладкая ложбинка, вроде желобка в полу, около цепи, — это своими телами в камне протерли те, кто тут лежал долгие-предолгие годы.

Только тут все обратили внимание на Лали. Крепко сжав ладонями лицо, она стояла, не отрывая глаз от ошейника, валявшегося на полу.

В смятении она порывисто опустилась на колени около железного ошейника, все еще крепко сжимая ладонями лицо. Остановившимися от ужаса и изумления глазами она не отрываясь смотрела на ржавый обруч, прикованный к цепи, долго и пристально смотрела.

— Ничего, — вдруг проговорила она едва слышным шепотом.

И мужчины почему-то мгновенно, все разом встрепенулись от этого тихого шепота. Никого не замечая, она нагнулась еще ниже и протянула в пустоту тонкие ручки. Пальцы и губы слегка вздрагивали от переполнявшего ее чувства невыносимой жалости. Утешающим, нежно скользящим движением, она провела ладонями в воздухе, очертив невидимый круг, точно едва касаясь головы, зажатой в ошейник.

— Пол тут очень холодный, девочка, — нерешительно заметил Лохматый Механик.

— Очень холодно тебе, бедный человек? — не оборачиваясь, спросила Лали. — Какой ужасный ошейник... Ты потерял надежду?

Все стояли в ошеломенности, уставившись на девочку, разговаривающую с пустотой, над ржавым обручем, уже тысячу лет валявшимся на полу.

— Не надо отчаиваться. Освобождение придет! — Она вдруг обернулась к Лохматому. — Ведь в конце концов освобождение от этого ужаса к нему пришло. Правда?

— Нет, — хрипло сказал Лохматый, угрюмо глядя вбок, — к нему не пришло.

— О-о, вы не знаете! — нетерпеливо отмахнулась она. — Оно придет. Разве лебеди не прилетели в самую последнюю минуту перед казнью? Надо верить, и они прилетят!

Лали заговорила медленно, иногда запинаясь. Можно было подумать, что

она разговаривает в полусне или сама боится разбудить кого-то, спящего здесь, рядом.

— Да что это с девочкой творится? — растерянно спрашивал Лохматый. — Что это с ней?

К его удивлению, она услышала и живо обернулась. Он увидел ее широко раскрытые, влажно сияющие серые глаза.

— До-олгие годы... — вдумчиво протянула Лали, почти пропела, как жалобную детскую песенку. — Вы говорите: долгие годы!

Она крепко зажмурила глаза и вся сжалась от напряжения. И тут нечто произошло.

Каждый потом вспоминал и описывал это по-разному. Сходились только на одном: все почувствовали, точно их качнуло тугим и легким толчком, будто тяжелая Башня и вся Земля на мгновение потеряли свой вес. Ничто не изменилось, но стало не совсем таким, как было минуту назад.

Розовый туман легонько за клубился, опускаясь с потолка Башни; медленно окутывая, скользнул по волосам, по плечам Лали и, как будто его потянуло током воздуха в сильный вентилятор, розоватым, дымным лучом потек в сторону, туда, где невысоко над головой девочки неясно возникли очертания трех полусфер, отдаленно напоминавших своей формой мерцающие автомобильные фары.

Розоватый поток сгустился, заблестел, ожил, точно наполнен был бесчисленным множеством крошечных, полупрозрачных, куда-то спешащих бабочек, и исчез. Остались только «фары», направленные с трех сторон на Лали. Какая-то странная работа усиленно кипела в них: разноцветные и серые спиральки, змейки, точки непрерывно менялись местами, исчезали и вновь появлялись на их поверхности. Впрочем, о них тут же забыли.

— ...Долгие годы? — замирая, повторила Лали. — Такие бесконечные долгие дни. И цепь такая короткая не пускала тебя дотянуться даже вот сюда, до этого единственного, такого узенького окошечка, и хотя бы взглянуть на вольный свет, где зеленели вдалеке луга и ласточки с писком проносились над рекой.

Бедный, как ты старался разорвать железный ошейник, какие проклятия выкрикивал, но крик не долетал даже до камня потолка и падал вниз, как птица, отставшая от стаи в перелете.

Дни шли за днями. И каждый день казался тебе бесконечным годом. И годы стали сливаться в один бесконечный день, и ничего не менялось вокруг, только зимой камень холодел, а летом чуть согревался, и узкие щели окошечек-бойниц то совсем темнели, то освещались слабым отсветом солнечных косых лучей! Может быть, едва различимый аромат цветущих лип или скошенных трав долетал к тебе, наполняя нестерпимой сладкой тоской, и в снах ты мчался по вольным лугам на коне, твои белокурые кудри взлетали на ветру, ты был свободен, горд, благороден и смеялся, бросаясь навстречу всем великанам. И сколько блестящих восторгом прекрасных женских лиц, сколько нежных рук, звеня браслетами, устремлялись тебе вслед, и ты просыпался

на всем скаку в тяжелом ошейнике на цепи, еще чувствуя нежное прикосновение чьих-то душистых волос, розовых лепестков или губ!

А годы шли, и эти волшебные сны стали тебя покидать. Иногда еще являлся призрак корабля, поднимающего паруса и мостки, перекинутые на пристань в ожидании, когда ты взбежишь на них; изредка кто-то подводил тебе оседланного коня, и медленно начинали приоткрываться створки тяжелых крепостных ворот замка. Но в каждом из этих снов тебя уже не покидало до конца чувство ошейника вокруг горла, не покидало даже сквозь сон сознание, что не взойти тебе на борт уходящего корабля, не вскочить на коня, не раскроются перед тобой ворота...

Наконец тебе стало нестерпимо жалко самого себя. Ведь ты так храбро сражался, слабея от ран, и все-таки победил Великана дикого леса! Освободил страну от его жестокого владычества. И вот какой-то гнусный карлик у тебя украл все, даже твой подвиг! Никто не узнает даже твоего имени! Твое славное, звонкое имя истлеет тут вместе с тобой! И ты плакал, уронив голову на каменный пол, и долго лежал неподвижно, только все глубже с годами становилась ложбинка, протертая твоим живым телом в мертвом камне.

Ничто для тебя не менялось. Холодел камень зимой, и, если ночью несколько пушистых снежинок, налитых тихим лунным светом, залетало в узкое окошко, это было для тебя большое событие, и ты долго вспоминал снежинки и улыбался.

Летом теплел камень, и однажды сильный ветер поднял с земли и закрутил водоворотом лепестки полевых цветов, и веточка акации влетела и упала на пол близко от тебя, но так, что ты не мог до нее дотянуться. Несколько дней ты жадно рассматривал ее издали, как полное новостей письмо из свободного мира.

Это был длинный стебелек; справа и слева, как праздничные флажки на мачте, на нем красовались два ряда продолговатых, овальных листков. Постепенно они завяли и пожелтели, все, кроме одного, на самом верху. Он стал похож теперь на заносчиво вздернутый на верхушку мачты флажок кораблика. Новым событием стал день, когда ты сумел дотянуться кончиком пальца до стебелька и бережно поднести его к глазам.

Единственный листок на стебле оставался зеленым, он и не думал засыхать и вянуть. Теперь можно было с кем-то живым побеседовать впервые за долгие годы. Бережно прикрывая ладонями стебелек, ты подносил его к самым губам и тихим шепотом внятно ему говорил:

«Знай хоть ты один на свете, маленький. Это я! Я! Я вышиб из седла и убил Великана дикого леса. Запомни мое имя!.. — и ты целыми ночами шептал зеленому листику на стебельке свое имя и потом проклинал Великого Магистра. — Только несчастные слепые могут принимать его за какого-то Карло Карлони деи-Скорлупи! Пускай откроют глаза! Это же просто ничтожный карлик, карленыш, зловредный гномик Карлишка из какой-то гнилой скорлупки! А эти бедные дураки дают себя обмануть, воображая, что он мог совершить геройский подвиг! Это был я! Ты понял?»

Листок бодро зеленел, задорно вздернутый, как вымпел, на кончике стебелька.

Держа зеленый листик на длинном стебельке, ты шепотом пересказывал ему всю свою жизнь. Лгать беспомощному, молчаливому листку было бы подло. И ты рассказывал только правду. А когда что-нибудь рассказываешь, то ведь невольно и сам слышишь свой рассказ. И чем дальше ты рассказывал о прошедших днях своей свободной жизни, тем все странней и удивительней тебе становилось его слушать. Впервые ты тут увидел сам себя и свою жизнь новыми и ясными глазами. Горькая обида на несправедливую судьбу заслонилась чем-то совсем другим. Нежная, стонущая жалость к самому себе покинула тебя, и с великим удивлением и стыдом ты вдруг увидел, что мысли твои были уклончивы и фальшивы и часто они были как бы ненастоящими мыслями, но одними только словами, нарядно блистающими рыцарскими шлемами, гордо и пестро разукрашенными снаружи, пустыми и холодными внутри!

Ах, до чего же, оказывается, мало было в тебе горячего, бескорыстного стремления отозваться на призыв измученных, страдающих людей, как слаба в тебе была любовь к этим бедным людям и до чего же сильна твоя азартная, злая жажда опрокинуть, сломить, победить, пробить себе путь!.. Это она гнала тебя вперед по полю битвы у замка Ля-Трапе, твоя надменная жажда прославить свое имя, а вовсе не боль сострадания к тем угнетенным людям, которые так долго и безуспешно слали на все стороны гонцов с мольбой об избавлении от власти Великана, разорывшего их дома и земли!..

Ты все это понял и застонал сквозь стиснутые зубы от стыда, закрывая в темноте руками лицо, потому что от природы был честен и правдив и ненавидел ложь, и некогда люди верили тебе, и не всегда же ты обманывал самого себя, произнося слова, которые ведь все-таки жили же когда-то и громко звучали в глубине твоего сердца и только потом сделались слабыми отзвуками, которые ты наконец и вовсе перестал слышать.

Ты вспомнил то время, когда тебе поверили люди, и ведь ты их не обманул. Горькая, жгучая отрада была в этом воспоминании. Как мог ты позабыть его, это время, ведь оно-то и было твое единственное, неприкосновенное, чего не могли у тебя отнять никакие каменные стены, ни тяжелые цепи, ни железный ошейник! Ничто, никто, никогда!

Как встрепенулся, как ожил повсюду народ, когда ваше пестрое рыцарское войско собралось и шумно двинулось наконец в поход на замок проклятого Великана. Из темных лесных чащ выходили закопченные углежогги, пахари останавливали тощих волов, тянувших плуг, и рудокопы с землистыми лицами выползали из темных глубин подземных шахт, где добывали свинец и серебро. И все смотрели вам вслед в смутной надежде, что хоть теперь-то, наконец, что-то переменится в их жизни.

Из жалкого скопища дымных хижин выползали хилые ребятишки, чумазы, как печные горшки, и, спотыкаясь, бежали вам вслед, провожали радостным пискom. Девушка в драном, грубой ткани платьишке, с прекрасным

и смуглым от солнца и ветра лицом поднесла на привале тебе тяжелый деревянный ковш, полный чистой родниковой воды, и смотрела тебе в лицо, пока ты пил. Поддерживала у твоих губ широкий ковш с птичьей головкой на ручке и все смотрела не отрываясь тебе в лицо. «Ты уходишь,— сказала она, выплеснув воду, когда ты кончил пить.— Иди и возвращайся!» Она сжала тебе плечо, и ты ощутил, как сильна ее тонкая смуглая рука. Она крепко поцеловала твои мокрые от воды губы, и все это ты, оказывается, совсем позабыл и только теперь, вдруг, увидел все снова: ровно качнувшуюся поверхность воды в широком ковше и утиный носик птичьей головки, вырезанной на ручке, просунувшейся между пальцев сжимавшей ее руки. И глаза! Эти глаза, радостно блестящие надеждой и верой в тебя!..

Вскоре ты стал замечать, что больше не одинок в своей Башне. Голоса и лица многих людей, которых ты знал и любил, и тех, кого ты никогда не видал, но знал, что живется им невыносимо тяжело, тех, к кому надо идти на выручку... И тогда ты стал забывать о собственной цепи и ошейнике, тебе стали сниться чудесные сновидения: чумазные ребятишки на четвереньках ползали около тебя, мяли и рвали толстую, кованую цепь, и она распадалась, разваливалась на куски, точно сделана была из сырой глины, и чьи-то тонкие пальцы скользили вокруг твоей истертой ошейником шеи, и ты чувствовал, что железо для тебя уже перестает быть железом, и час твоего освобождения близок.

И наконец однажды в каменном башенном сумраке яркого летнего дня до тебя донеслось пение какой-то маленькой птицы. Это было так похоже на чудо, что ты улыбнулся и ждал, что будет дальше. В узкое окошко влетела изумрудно-золотистая пичужка. Она внимательно оглядела круглую каменную пещеру и яловика, лежащего на полу. Ты ведь сразу же понял, что это чудо! Птичка порхнула и села прямо тебе на руку, в которой бережно был зажат между пальцев стебелек акации с листиком.

И вот тогда-то ты наконец окончательно ПОНЯЛ, что пришел твой час, когда ты сможешь вслух выговорить только самые заветные, главные слова из всего множества слов, что толпились, томили и мучили тебя все эти долгие черные годы.

«Зеленая птичка,— сказал ты, и она наклонила набок головку, прислушиваясь,— по твоим глазам я вижу: ты все понимаешь. Выполни одну-единственную мою просьбу: у меня есть звонкое имя. Вот я беру его в руки и, как боевую железную перчатку, бросаю на самое дно колодца времен. Пускай никто его не узнает, ничьи уста никогда не произнесут его ни с печалью, ни с любовью, ни с благоговением. Пускай весь мир позабудет мое имя. Умоляю тебя только об одном: отнеси людям весть — ведь ими правит и мучает их жалкий гном, мерзкий злокозненный подземный карлик! Открой людям глаза!»

Птичка дослушала все до конца, ухватила клювиком за стебелек акации с его единственным листиком и потянула к себе. Тогда ты раскрыл пальцы, и птичка со стебельком выпорхнула в бойницу...

ГЛАВА 12

ЛЕГЕНДЫ НЕ ОБМАНЫВАЮТ

Лали, у которой слезы блестели на глазах, вдруг встряхнула головой и облегченно улыбнулась:

— Ну, что было дальше, это всем известно! Все записано в легендах, правда?

— Вы имеете в виду птичку с ее щебетанием? — тотчас тоже как-то обрадованно отозвался профессор Финстер.

— Ну конечно! Все это изумрудная птичка устроила! Весь народ собрался в соборе, и Епископ торжественно поднялся на кафедру, чтобы прочитать хвалебную проповедь Великому Магистру Ордена Карло Карлони деи-Скорлупи, и уже открыл рот, когда в окно влетела птичка и защебетала.

— Нет, нет! — радостно потирая руки, поправил Финстер. — Там ведь написано, она защебетала не сразу!

— Да, да, конечно, вы правы, не сразу! Она дала ему начать! В соборе было полно народу. Стояла благоговейная тишина. Сам Великий Магистр восседал на возвышении в богатырской серебряной кирасе, в пернатом шлеме, весь раздувшись от гордости, надменности и чванства.

Епископ только взялся за толстую книгу в золотом переплете, лежавшую перед ним на аналое, как она сама раскрылась очень легко на странице, заложенной странной закладкой: стебельком акации с зеленым листиком на конце. Епископ замер и похолодел. Вместо заготовленного восхваления Великого Магистра перед ним была чистая белая страничка, посреди которой была нарисована изумрудно-золотистая птичка.

Епископ крепко зажмурился и нараспев, громогласно, так что эхо отдавалось под куполом, возгласил:

«Как оно ведомо всем и каждому, простому и благородному, достославный и Великий Магистр нашего Ордена и повелитель и владетель всех замков и городов, земель, угодий, лугов и лесов, прославленный Карло Карлони деи-Скорлупи...»

Ко всеобщему удивлению профессор Финстер, выказывавший и прежде признаки неподобающего солидному ученому детского нетерпения и восторга, воскликнул:

— Прекрасно, прекрасно! Вот тут она и!.. Молчу, молчу!

— Совершенно верно,— быстро продолжала Лали.— Действительно, тут-то и влетела в окно сама изумрудно-золотистая птичка и защебетала. И Епископ, выпучив глаза, зашатался, побелел и позеленел, в то время как голос его продолжал громогласно выкрикивать:

«...Великий...Карло-Карлони...деи-Скорлупи всегда был и есть и останется веками ничтожным, зловредным и поганым карликом! Воистину мерзопакостным земляным гномом, карленишем, карлишкой! Откройте ваши глаза, люди, и только взгляните на него!»

Так возглашал и пел Епископ. И под куполом гудело и грохотало каждое слово, а сам он от ужаса перед тем, что против его воли он провозгласил, обеими руками зажал себе уши. Но птичка щебетала, уста его не слушались и продолжали выкликать свое. И тогда он рухнул, как столб, навзничь, бритым затылком об пол, точно громадным бильярдным шаром. И тут-же раздался грохот, будто чугунный котел покатылся по каменному полу. Все увидели пустую кирасу Великого Магистра, из которой торчали только кончики его коротких ручек, и крошечные кривые ножки брыкались, стараясь выбраться из богатырского доспеха.

И все люди увидели и сразу уверились и поняли, что карлик, как его ни именуй,— это всего-навсего карлик, достаточно только протереть себе глаза и посмотреть без страха.

А карлик тем временем, быстро перебирая кривыми ножками, со злобным визгом уже мчался к выходу из собора, улепетывая от народа, вопившего: «Ату его! Улю-лю!» Его стукали по затылку, мальчишки подставляли ему ножки, он кувыркался через голову, отплевывался, верещал, но не оставался. Даже придворные поспешили присоединиться к народному возмущению:

«Бейте его! Оказывается, он и есть тот самый Карл, который украл у Клары кораллы!»

Карлик умчался за город и в поле нырнул в барсучью нору. Там они подрались с барсуком, который его как следует искусал и исцарапал.

Последние слова Лали проговорила без тени воодушевления, даже как-то рассеянно, безразлично.

Тихонько жужжали воздушные полусферы, невысоко над головой Лали. Она снова наклонилась над неглубокой продолговатой ложбинкой, каменным ложем рыцаря, жившего тысячу лет назад. Протянув руку, она боязливо приоткрылась к слоистому от времени железу ошейника, тихонько и коротко постанывая от боли сочувствия.

— Тебя мучили долгие годы, но ведь это все проходит и легенда кончается так хорошо? Освобождение к нему пришло? Ведь правда?

Лохматый Механик вздрогнул, точно его разбудили, хрипло кашлянул и кивнул, мотнув головой.

— Да,— проговорил он и, к своему удивлению, стоя над каменной ложбинкой, стащил со своей лохматой головы фуражку.— Пришло. Он умер.

— Как хорошо... — тихонько вздохнула Лали. — Как это хорошо, что в те далекие времена, когда на Земле еще были тюрьмы и войны, жизнь у людей была такой короткой.

— Бедный малый, — сказал Механик. — Как-то забываешь, что они были люди, как мы. Я только старый мусорщик на раскопках, но живи я в те времена, я бы минуты не ждал, пристрелил бы этого Карло Скорлупи к чертовой матери, пусть бы они меня самого за это на цепь посадили!

— Правда? Вы так бы и сделали? Это был бы прекрасный поступок! Приятно было с вами познакомиться!

Лали протянула руку, и Механик ее крепко и бережно, с большим чувством пожал своей крупной рукой.

— Фрукти! — вдруг участливо воскликнула Лали. — Что с тобой? У тебя такой вид, будто ты совсем скис?

— «Скис, скис»... — угрюмо отворачиваясь, хрипло пробурчал Фрукти. — Воображаешь, мне легко тебя было слушать... когда я видел этого бедного прикованного парня. Как он радовался какой-то несчастной снежинке. Ты до конца так и не договорила. Я прекрасно видел, как эти славные чумазные чертенята, как глину, разминали его цепь. И ждал, что вот-вот развалится его ошейник. А вот он лежит целый!

— Ты же слышал: птичка схватила стебелек и вылетела в окно?

— Ну да, потом с карликом все было здорово. А про рыцаря-то самого ты забыла досказать!

— Ошейник валяется, но ведь он теперь пустой. Он не мог больше его удержать. Рыцарь Бросивший Свое Имя уже понял все, глядя в окошко вслед улетевшей птичке. Он видел, как узенький клочок неба за окошком стал расти и шириться у него на глазах и превратился в необъятный сияющий небосвод... В этом-то не было уже никакого чуда. Ведь каждый человек всегда может увидеть над собой только очень маленький кусочек неба, а оно представляется ему необозримо громадным. И это не обман, ведь оно на самом деле такое и есть!.. И он его увидел наконец, это необозримое, свободное небо... А цепь и ошейник? Они остались валяться пустые тут, на каменных плитах тюрьмы.

— Я просто в восторге, — не находя себе места, воскликнул в это время профессор Финстер, жадно осматривая Башню, цепь, камин, альков, а кое-что разглядывая в сильнейшую лупу. — Именно та гипотеза, тот список легенды, который мы отстаивали, теперь подтвердилась. Нашлась Башня Карло Карлони и цепь с ошейником, считавшаяся легендарной фантазией! Вот она легендарная, и лежит перед нами! Ха-ха! Теперь мы утрем кое-кому нос!

Сью-Сиу, как-то горестно почмокивая и поглаживая согнутым пальцем свои усики, похожие на перышки птенчика, спросил голосом, полным самого добродушного ехидства:

— Уважаемый коллега? А как вам птичка понравилась? Вы ее хорошо разглядели?

— Изумрудно-золотистая? Так же, как вижу вас. И здесь, и в соборе. Почему вы спрашиваете, разве вы ее не разглядели сами?

— Прекрасно видел. А что вы при этом испытывали?

— Самые естественные чувства. Удивление. Ну, естественное возмущение, даже ненависть, горячее сочувствие, а потом ведь это было просто великолепно, когда он отказался от имени и швырнул его, как перчатку, в колодезь. А разве вы не?..

— В том-то и дело, что да. Я все это тоже испытал и продолжаю испытывать и сейчас. Но отдаете ли вы себе отчет, что все это происходило тысячу лет назад?.. Все, все, только что происходившее у нас на глазах?

— Ах, вы имеете в виду те самые события, которые легли в основу легенды? Тысячу лет?.. Но ведь мы только что... Хотя, конечно, тысяча лет!.. Я полагал, что гипотеза... А?

— А птичка-то с веточкой акации в клювике улетела вон в то окошечко? А?

Финстер наткнулся на новую мысль, точно с разбега налетел на столб, потряс головой и замер с удивленно выпученными глазами.

Непомник был единственным, кто не выразил и капли удивления:

— Ты прекрасно сегодня читала, Лали... Как жалко, что мы были тут одни и тебя не слышал никто из наших друзей!

— Какого черта, читала! — завопил вдруг Фрукти. — У нее и книжки-то в руках не было, а я все видел вот этими своими глазами! — Он прижал кулаки к глазам и еще покрутил ими, может быть, для того, чтобы заодно стереть с них всякие следы позорной влаги...

— Удивительно, — кротко проговорил Непомник, — что ученые, цель которых делать новые открытия, больше всего удивляются именно тогда, когда им вдруг удастся открыть нечто новое. Все очень просто, вы видели птичку и все остальное, не так ли? Что же это значит? Значит, вы ее видели, и все! Вы видели воплощение легенды. А разве, когда вы сами читаете, в вашем мозгу или воображении, неважно где, не возникает воплощение того, что вы читаете: течение мысли, разные чувства, целые картины? Лали делает это лучше, чем вы. Точнее, ярче, сильнее. Только и всего.

— Ай-яй-яй! — вдруг тоненьким голоском закричала Лали, спохватившись. — Значит, вы все видели? Опять я распустилась! Ой, как мне попадет!

В голосе ее звучало подлинное раскаяние и искреннее горе. Все окружили ее и начали утешать.

— От кого попадет? За что попадет? Не надо плакать!

— От Мачехи... Дедушка Ив будет огорчаться и поддакивать ей, а ему этого так не хочется... И ведь я ему обещала, противная девчонка!

Непомник обнял ее и тихонько зашептал на ухо:

— А мы ему не скажем! Мы никому не скажем. Правда?

Оба ученых энергично закивали:

— Клянемся, не скажем.

— Ну уж я-то!.. — яростно сжал кулаки Фрукти. — Раньше твоя Мачеха

закукарекает попугаем... или запугает петухом, чем я ей хоть полслова вякну!

— Но ведь это будет обман? — перестав хныкать, спросила Лали. — Это стыдно. Я не хочу!

— Нет! — вдруг выступил вперед Сью-Сиу. Вид у него был торжественный и таинственный. — Это не будет обман. Это будет наш общий заговор!

Лали просияла:

— Заговор? Это здорово! Обожаю заговоры! Мы поклянемся?

Все соединили руки и многозначительно при этом переглянулись.

Над головой Лали медленно утихло жужжание. Полусферы раза два слабо вспыхнули все замедляющимся движением червячков и мечущихся цветных точек и исчезли бесследно.

ГЛАВА 13

МАЛЕНЬКИЙ ЗАГОВОР СРАЗУ ЖЕ ЛОПАЕТСЯ

— Что тут смешного? — угрожающе заорал попугай, как только профессор Ив показался на поляне перед домом. — Что тут смешного? — повторил он с невыразимым удивлением.

Маленький терьер не поднялся. Он, как бы извиняясь, помахал обрубком хвоста, похожим на задранную вверх запятую. Терьер был занят — он лежал, жмурясь от удовольствия, а старая обезьянка, уложив его голову себе на колени, сосредоточенно искала у него блох. Блох у него не было, но ему нравилось, когда крючковатые черные пальцы нежно теребили и почесывали шерстку на голове.

— Никого, кажется, нет? — оглядываясь по сторонам, пробормотал Ив.

— Давай соврем! — вкрадчиво, жульническим голосом предложил попугай.

— Все притворяешься, старый хулиган. Все ты отлично понимаешь!

— Три часа половина двенадцатого, что тут смешного?

Профессор машинально посмотрел на часы. Они показывали десять минут четвертого. Он оглянулся, услышав легкий вздох. Олень с ветвистыми рогами в позе терпеливого ожидания стоял прямо у него за плечом на ступеньках террасы.

— Милый, у меня ничего нет для тебя, — с сожалением сказал Ив. — Впрочем... Ах, да!.. — Он нажал телефонную клавишу аппарата, стоявшего посреди стола. Тотчас механический голос, очень напоминавший, впрочем, голос Непомника, заговорил: «Мы ушли осматривать Башню, просьба подождать. Если запоздаем, соленая лепешка для оленя в отделении «0»! Одну штуку, не раньше трех часов...» Он отпустил клавишу, и голос замолчал.

Олень поднялся на последнюю ступеньку, подошел к металлическому белому шкафу, вделанному в стену, и понюхал дверцу с надписью «0».

Неторопливо дожидаясь соленую лепешку, олень слизывал крошки с ладони Ива, когда за кустами слышались голоса гостей, возвращавшихся после осмотра откопанной Башни.

После нескольких торжественных и церемонных приветствий, как и положено коллегам по работе, которые знакомы много лет, но видятся друг с дру-

гом очень редко (не считая, конечно, совместных заседаний по стереовизору), все расселись на террасе за столом, попивая лимонад и заедая его орехами и бананами.

— Какие прекрасные маленькие бананы! Откуда это? — восхитился Ив, слегка вздрогнув в тот момент, когда подкраившаяся мартышка стащила у него из-под руки тот самый маленький банан, который он собирался очистить.

— Это подарок! — Непомник сделал приветливый жест рукой в сторону Сью-Сиу.

Тот так и расцвел мелкими улыбочками, выражавшими одновременно смущение чрезмерной скромности и простодушное самодовольство:

— О-о, это совершенно случайно! Знаете, я по дороге залетел на часок другой к приятелю в Гонолулу. Он всегда припасает мне этих маленьких бананчиков. Очень полезные, знаете ли. В моем возрасте... — он глубоко и искренне вздохнул, — приходится следить за диетой. Очень рад, если вам они тоже по вкусу.

— Просто смешно вам говорить о возрасте! — желая сделать ему приятное, подал реплику Непомник.

Все знали маленькую слабость Сью-Сиу. Он при каждом удобном случае давал понять, что ему вот-вот исполнится 176 лет, хотя на самом деле и 150 не было.

— Не жалуюсь, не жалуюсь! Лет семьдесят... семьдесят пять назад... когда мне... в общем, действительно я чувствовал себя похуже!..

Финстер высоко поднял запотевший от льда бокал с лимонадом и с суровой торжественностью произнес тост:

— Я пользуюсь случаем еще раз во всеуслышание принести глубокую благодарность нашему другу, Главному Механику, руководителю раскопок, за его сообщение об открытии Башни. Все сомнения теперь отпали, и еще одна легенда получила научное подтверждение. Отпали все легковесные антинаучные гипотезы некоторых моих коллег... — он улыбнулся и с изысканной вежливостью сделал два полупоклона в сторону Ива и Сью-Сиу, — не по Центрам Связи «Земля—Космос», но коллег по археологии! Коллег, в своих работах XVII, XVIII, XIX и даже XXI веков легковесно продолжавших утверждать, что легенды, мифы, предания и так далее могут не иметь под собой никакой почвы, кроме произвольной выдумки! И вот, пожалуйста! Высота Башни, количество этажей, подземная тюрьма под кордегардией, изолированные покои этого Скорлупи, каменная ниша его алькова, камин и, главное, железная цепь с ошейником — все неоспоримо свидетельствует, что неведомые и, вероятно, многочисленные авторы легенды и, во всяком случае, некоторые из них все это видели своими глазами!

— И еще изумрудная птичка! — увлеченно подсказал Фрукти.

— Да! И... то есть нет! — быстро поправился Финстер. — Птичку мы оставим в покое. Прошу извинить, мне по дороге сюда уже довелось услышать от одного из моих спутников, что я выгляжу как именинник! Действительно, для меня и моей гипотезы сегодня радостный день... К тому же я просто рад.

Я бы назвал это приподнятым настроением. Видите ли, когда ученый обнаруживает под микроскопом какой-нибудь зловредный вирус, он не может испытывать к нему чувства злобы, не правда ли? Это было бы просто смешно! И вот, представьте себе, я сотни раз читал на пергаменте рукописных списков, в ученых работах и сам бесстрастно, среди множества других, писал это имя: Карло Карлони деи-Скорлупи. Пустой звук! Обозначение бактерии или вируса... О, черт побери, почему же сегодня я испытал к нему вполне определенно выраженное чувство ненависти! Какая нелепость: мне безумно хотелось его придавить... Изумительные бананы! — круто оборвал себя Финстер и непридуманно откусил большой кусок банана прямо с кожурой и слегка подавился.

Чтоб смазать возникшую неловкость, поспешил заговорить Ив:

— Вероятно, найдутся люди, которым покажется нелепым, что на какой-то небольшой планете, которую ожидает... Ну то, что нас ожидает, известно всем. А кто-то продолжает заниматься раскопками тысячелетней давности? Я-то не нахожу в этом ничего смешного!

— Прошу прощения! — своим густым голосом вдруг вмешался Механик. — По-моему, это как раз и здорово. Срок? Да черт с ним, со Сроком! Всегда и всему в конце концов бывает срок. Но пока он не наступил, мы, люди, будем стоять на своем месте и делать каждый свое дело. И будем до конца!

— Прекрасно выражено! — горячо воскликнул Сью-Сиу. — Знаете, на том, может быть, и всегда стояла, и сейчас держится Земля людей!

Тем временем Финстер уже взял себя в руки. Одобрительно кивая, методично очистил от шкурки банан, придирчиво оглядел его со всех сторон и, убедившись, что все в порядке, не обратил никакого внимания на черную лапку, которая спокойно вынула банан у него из руки и утащила под стол.

— Да, Лали! — вдруг наморщив лоб от смутного беспокойства, тихо спросил Ив. — Ты ведь тоже была там со всеми? Что ты все как-то молчишь?

— Да? — необыкновенно удивилась, но слегка покраснела Лали. — Я и не заметила. Разве я все молчу?

— Да, да! — сочувственно закивал Сью-Сиу. — Довольно молчаливая девочка. Я обратил внимание. Девочка, а такая... все молчит! Прелестная, но уж очень, такая, знаете ли, уж очень неразговорчивая девочка!

— Для меня это новость. Тебе было скучно, Лали?

— Я бы не сказала, там много поучительного... Знаешь, такие камни... Они шершавые...

Вмешался Механик:

— Э-э, профессор! Что может быть интересного у нас для молоденькой девушки? — Он захохотал своим простецким смехом. — Действительно, голые камни да ржавое железо... копать... разве только парочка скелетиков несколько оживляют вид!

— Я там чуть не подох со скуки, — скроил сонливую физиономию Фрукти. — Не пойму, чего это там люди находят!

— Археология! Раскопки! Это занятие, конечно, только для специалистов! Узких специалистов!

Ив ласково улыбнулся Лали:

— Знаешь, это не беда, если ты и поскучала немного. Твоя мама так беспокоилась, когда узнала, что ты без нее поехала с нашими гостями.

— Наши гости просто замечательны! — растроганно проговорила Лали. — А вы, профессор Сью-Сиу, вы... просто настоящий рыцарь!

Ив с величайшим удивлением наблюдал за тем, что произошло дальше.

Старый руководитель Центра Связи «Джомолунгма», сияя множеством мелких улыбочек, поднялся со своего места, обошел вокруг стола и остановился около Лали. Тщательно пригладил согнутым пальцем перышки своих реденьких усиков и, низко нагнувшись, церемонно поцеловал ей руку. От неожиданности она не удержалась и по-детски хихикнула, прикусив губу. Потом встала и сделала ответный реверанс в стиле придворной дамы XIII века, что довольно забавно выглядело при ее мальчишечьей рубашонке с короткими рукавами и мятых брючонках.

Разом схлынула вся напряженность, какая обычно возникает в обществе, где все что-то знают и дружно стараются не проговориться.

Всем стало легко и весело.

— Это в благодарность. За прекрасный комплимент. Особенно драгоценный в устах такой немногословной дамы! — любезно объявил во всеуслышание Сью-Сиу.

— Однако, — шутливо воскликнул Финстер, — должен вам напомнить, что комплимент отчасти мог бы показаться и двусмысленным. Конечно, не в устах Лали. Кто поближе знаком с рыцарями...

— Вы просто шутите! — перебила его Лали. — Я знаю прекрасно, какими драчливыми и чванливыми бывали на самом деле люди, называвшиеся рыцарями. Но я, конечно, имела в виду такого рыцаря, как... как полагается... ну, в какой-нибудь сказке или...

— А я чуть было не испугался! — весь сияя, шутил Сью-Сиу. — Значит, вы меня причисляете?.. Собственно, к какому разряду рыцарей вы меня причисляете, если вам не трудно уточнить?

Это было крайне неосторожно сказано, но, когда профессор Ив спохватился, было уже поздно.

Лали выпрямилась, легким и плавным взмахом кисти руки точно смахнула что-то стоявшее перед глазами и, медленно роняя слова, заговорила певучим, негромким, как будто отрешенным голоском.

Никто не обратил внимания на то, с какой быстротой возникли в воздухе, над головой Лали, три мерцающие, будто пульсирующие, полусферы. Прозрачное облачко розовых крошечных бабочек метнулось от Лали к полусферам и стало невидимым, а профессор Ив, уже приподнявшийся со стула и открывший рот, чтоб предупредить и остановить Лали, тихо опустился на место и с необыкновенной ясностью вспомнил когда-то давным-давно им виденные длинные листья аира над водой, увидел ярко-зеленого лягушонка на большом

листе кувшинки, и его не очень удивило, что этот лягушонок так хорошо разговаривает, и слова все ему уже знакомы, и он очень рад их услышать. Он продолжал слышать, что говорит Лали, но в долгих промежутках между двух медленно растягиваемых ею слов он продолжал видеть или знать то, о чем она думала.

Слова только помогали, направляли, поддерживали то, что возникало в его мозгу, как это бывает в минуты необычно яркого и свежего воспоминания. Он откуда-то знал, он был на заросшем аиром берегу тихой речки. Потом он ясно ощутил легкое отвращение от прикосновения скользких и холодных лапок лягушонка... Кольнуло сердце смешливая жалость: лягушонок был ничтожно маленький и так доверчиво карабкался человеку на руку...

Девочка говорила, румянец выступил у нее на щеках, губы вздрагивали в несмелой улыбке, глаза, точно вспышкой, широко раскрывались: так в темноте пугаются сами дети, рассказывая другим про страшное.

— ...Ну что ему было делать?.. Он был в отчаянии... Но ведь он дал обещание?.. И зеленый лягушонок сидел, доверчиво смотрел своими выпученными глазенками ему в глаза. Ждал и надеялся... И царевич, наверное, заплакал от стыда и досады, но он твердо верил, что клятвы надо выполнять, и сдержал слово: взял лягушонка в жены, и тогда-то вот она и превратилась в прекрасную принцессу... — Лали, улыбаясь, сморгнула с ресниц слезинки. — Вот как настоящий рыцарь держит слово! — Она улыбнулась и вдруг опомнилась.

Лали растерянно обвела взглядом всех сидевших за столом, губы скривились в плаксивой гримасе, и она захныкала, хлюпая мокрым носом.

— У-у-у!.. Так я и знала... Вы опять все видели? Я не хотела...

Все заговорщики, поклявшиеся молчать про случившееся в Башне, молчали, смущенные и подавленные.

— Ну, ну... — растерянно попробовал успокоить ее Ив. — Это было не так уж страшно... то есть немножко... Конечно, вероятно, все обратили внимание на лягушонка?..

Наступила тягостная пауза. Все молчали, как воды в рот набрали. Наконец, Сью-Сиу уклончиво, как-то неопределенно пожимая плечами, весьма фальшиво удивился вслух:

— Лягушонок?.. Вы имеете в виду лягушку небольшого размера?.. Ах, вот оно о чем речь!.. Не знаю, как другие... (Другие все молчали, дожидаясь, как он выпутается сам.) Что касается лично меня... пожалуй, нечто вроде такого существа как будто я припоминаю.

— Пучеглазый чертенок! — прорвался Фрукти. — Ну, хитрый. Чего он, дурак, боялся в руки его взять, я лягушек не боюсь!

— Сказка была... гм, воспроизведена вполне к месту. Я знаю примерно семьдесят два варианта этой сказки. Но неправда ли, удивительно реально было ощущение скользкой шкурки и этих маленьких лапок на ладони?.. — Финстер вдруг высоко поднял брови и полуобернулся, точно прислушиваясь с удивлением к тому, что сам только что проговорил.

— Э-э, что там лапки! — прорвался Лохматый. — У меня прямо-таки сердце

стиснуло от страха, когда этот парень заколебался и чуть было не струсил... Здорово все обошлось!

Сью-Сиу мечтательно прошептал:

— А какая прелестная волшебная музыка зазвучала, когда шкурка поползла с лягушонка и он стал обращаться в царевну!

— Разве там была музыка? — удивился Фрукти. — Просто он так и просиял, а те идиоты, его братья, совсем обалдели и размякли с досады.

— Я так и знал, — с горестной покорностью произнес Ив. — Успокойся, Лали, милая, это была маленькая случайность, и все уже прошло...

Лали только и ждала, чтоб ее пожалели, начали успокаивать, и тут же заревела во весь голос.

— Да-а!.. — в перерывах между всхлипыванием вскрикивала Лали. — Ничего не случайность... Разнуздалась!..

— Давай соврем! — залихватски предложил попугай и вдруг завопил угрожающим тоном: — Что тут смешного? Что тут смешного? — ухватил клювом свою миску и застучал ею об полку, совсем как распоясавшийся пьяница в трактире.

Непомник вскочил с места, чтоб унять дебошира, а терьер бросился помогать ему водворить тишину, отчаянно лая на попугая.

Среди общего гвалта Лали стала успокаиваться и только изредка горько всхлипывала, вытирая мокрые щеки об коротенькие рукава своей рубашки.

Когда собачонка наконец успокоилась, а попугай временно смирился с мыслью, что ему и на этот раз не удастся получить ответа на роковой вопрос «Что тут смешного?», профессор Ив сокрушенно, сам, видимо, страдая, покачал головой с безнадежным упреком:

— Ах, Лали, Лали! Ты ведь дала честное слово маме, что это не повторится!

— Ничего я ей не давала. Я тебе дала слово, это хуже, и вот все равно распустилась и перестала следить за собой. Я не хотела, честное слово. И я хотела от тебя скрыть, раз уж это случилось, и они все так старались меня выгородить, и так у них, бедных, плохо это получалось, мне их даже жалко стало, такие симпатичные и честные, а врать умеют хуже малыша-школьника... Ну ладно, не буду реветь. Я честно все скажу... Я ничего не ожидала и вдруг увидела — ты пойми, какой ужас! — протертую в камне ложбинку и ошейник, к которому был прикован живой человек, и я почти увидела его, как он лежит, и меня прямо обожгло... такая жалость и тоска... и я все бы отдала, чтоб хоть несколько слов ему сказать... тысячу лет назад... утешить, чтоб он знал, что все пройдет и мы проклянем его ошейник, а его будем любить без имени... и хоть бы руку ему на лоб положить и погладить... и я еще могла в ту минуту удержаться, но я сама уже не хотела, не хотела удерживаться, я, конечно, вспомнила всю легенду, и я знала, я чувствовала, что они все вокруг меня молчат, и не шевелятся, и, наверное, все видят... или чувствуют, что я!.. Пожалуйста, вы видите, я сама созналась, так что не бойтесь, говорите всю правду.

— Мне можно ничего не объяснять. Я представляю все, что могло произойти в Башне. Девочка не виновата. Она всегда была... или обладала повышенной способностью передавать свои ощущения другим. Но за последнее время это настолько вышло за рамки, что... ее мама полна опасений... И я, конечно, тоже. Боюсь, не слишком ли она перенапрягает свою нервную систему...

— Что ты, наоборот, мне последнее время это гораздо легче... Как-то само собой получается. Мне только есть всегда хочется. Хорошо, что бананы еще остались!

Никто не обратил внимания на неясно мерцавшие над Лали полусферы. Мало-помалу они становились все прозрачнее, пыхнули розоватым облачком и исчезли совсем.

Через несколько минут на террасе уже не осталось ни одного человека. Только попугай тихонько постукивал своей миской. На стук немедленно отозвались две вороны. Они уселись рядышком перед миской. Попугай, горделиво выпятив грудь, топтался боком взад и вперед, быстро перебирая лапками по жердочке, и в роли гостеприимного хозяина лопотал:

— Что тут смешного? Пучеглазый чертенок! — затем разразился тонким Лалиным плачем и панибратски предложил воронам соврать.

Вороны, по обыкновению вежливо уступая друг другу очередь, вытаскивали и расклевывали кусочки из миски.

ГЛАВА 14

СПЯЩИЙ ТЕАТР ПРОСЫПАЕТСЯ

В старом театре понемногу собиралась публика. Довольно странный это был театр — давным-давно заброшенный, закрытый уже лет сорок тому назад.

Сорок лет он не слышал ни человеческого голоса, ни певучего звука смычка, ни бравурного звона медных тарелок. Подхваченные золотыми шнурами тяжелые складки гардин за сорок лет ни разу не шелохнулись в неподвижно замершем воздухе.

И публика собиралась довольно странная. Первыми примчались подростки — мальчишки и девчонки в своих дешевых, помятых ракетках, размалеванных смеющимися рожами и зубастыми пастьми крокодилов. Как попало рассовав по местам в гардеробных отсеках на крыше своих чудищ, они медленно спускались в фойе, глаза по сторонам, дурашливо пересмеивались и подталкивали друг друга локтями.

Пожилые, на своих старомодных ракетках, опускались неторопливо, и дамы поправляли прическу, прежде чем выйти на посадочную площадку.

Были даже такие, что приходили пешком и поднимались на скрипучих древних эскалаторах. Эти еще помнили день последнего представления, когда в последний раз Ромео подвел свою Джульетту к разноцветным огням рампы, протянув руку убитому Тибальту. И все они — благородный герцог, Меркуцио, воины и няньки, шуты и слуги, — братски схватившись за руки, как цепочка заблудившихся в сумерки испуганных детей, вышли вперед и отдали глубокий прощальный поклон публике, заполнившей зал. Потом опустился занавес и начали гаснуть огни; музыканты уложили смычки и скрипки в футляры; и публика последнего спектакля молча стала расходиться, унося с собой навсегда затихший страстный полушепот безумных монологов, неистовые проклятия и крики ненависти, горестные жалобы и блеск южного солнца беспечно звенящей шпагами Вероны — весь восторг, печаль, буйство и мудрость чужих умов и сердец.

В просторном пустынном фойе со стен глядели портреты некогда любимых и знаменитых актеров: застывшей в воздушном полете совсем юной (пятьдесят лет назад) балерины; хмурого великого дирижера с львиной гривой; актрисы

с прекрасными вдохновенно-сияющими глазами, в те годы, когда критики и поэты впервые начали ее именовать Прекрасной Дамой.

Мальчики и девочки, чьи родители и деды прожили свои жизни около телевизоров и сами родившиеся под сенью стереовизора с программой для грудных и новорожденных, впервые в жизни входили в здание, которое именовалось «театр», в изумлении переглядывались и недоуменно пожимали плечами.

— Куда это ты нас приволок? — сварливо бурчал, оглядываясь по сторонам, мальчик, чье полное имя было Ракетик, а уменьшительное Кетик. — Что это за морды тут наляпаны по стенам этого старого сарая?

— Веселое местечко! Что тут будет? Похороны? Или это просто кладбище мамонтов? — в восторге от собственной остроты Телик так сморщился в беззвучном хохоте, что веснушки, густо рассыпанные по всему его круглому личику, слились в неровные полосы.

— Только приземлились, и уже пошла скука! — капризно хныкнула девочка Оффи.

— Не будьте ослами! — сурово оборвал их Фрукти. Он-то и затащил всю компанию в театр и чувствовал себя не очень уверенно. — Погодите хрюкать. Еще ничего нет. Когда начнется, тогда можете высказываться.

— Ах, нет, мы уже в восторге! — закатила глаза Оффи. — Ты нам так здорово рассказал, что мы даже ничего не поняли, — и насмешливо фыркнула.

— Можете заводить свои вонючие ракетки и катиться, откуда приехали! Как будто вас очень уговаривают!

— Нет-нет, Фрукти, мы уж все тут рассмотрим, от чего ты в восторге. Все до ниточки. А потом уж посмеемся вволю. Мама моя! Да тут зачем-то стулья наставлены! Длиннющими рядами! Тут что? Сидеть надо?

— Вот это да! Неужто было время, когда нормальные люди по своей воле тащились сюда поглядеть, как там вот по доскам расхаживают и болтают между собой какие-то наряженные типы? И это вместо стереовизора, который можно глядеть дома хоть лежа, хоть вверх ногами и в любой момент пощелкать переключателем, перескакивая с одной программы на другую!

Оффи, волоча ноги, с кислым видом, вяло тащилась позади всех.

— Загадки-переключалки? Иногда смешно получается, только надоело уже!

— Подумать только! Какие-то предки сюда собирались толпой! И вот сюда они плюхались, каждый в свое креслице? Так и сидели, не вставали целый вечер? Ни прилечь, ни переключить, ни перекусить, ни покувыркаться с соседом? Да я десяти минут тут не высижу!

— А ноги класть на спинку кресла тут полагается?

— Н-нет, кажется, нельзя.

— Нет? Ну так вот, я задираю повыше! Здорово?

— С кем это ты поздоровался, Фруктик?

— Так, одни знакомые стариканы. Лалины приятели.

— Ух ты, какой носяра, — даже голос потеряв от восхищения, просипел Кетик. — Это он нарочно себе устроил или правда такой?

— Такой и есть. Его даже зовут Розовый Нос. Ага, обалдел. Посмотрел бы, какой он у него делается, когда он разозлится или обрадуется! Ахнешь!

— Хочу такой! — мечтательно проскрипел Кетик. — А он может нарочно менять цвет? Ну, все равно здорово. Дорого б я дал за такой разноцветный нос. Не заскучал бы с таким!

Старые мужчины и седые женщины, встречаясь, переговаривались вполголоса и рассаживались неторопливо, подальше от хихикающих девчонок и мальчишек.

— Как это странно, опять оказаться в театре, не правда ли?

— Но ведь занавес поднят. Сцена пуста. И не видно никаких приготовлений!

— Однако же нас пригласили и обещали, что будет очень интересно!

— Вы не знаете, что будут сегодня показывать... или представлять?

— Право, мы сами не знаем, — стараясь не показать своего волнения, отвечала Прекрасная Дама. — Ведь это будет в первый раз в такой большой аудитории.

— Я ужасно волнуюсь: а вдруг эта Мачеха не отпустит ее из дому? — шепнул, порозовев от волнения, Розовый Нос.

— В конце концов, все так хорошо и как-то само собой у нас получалось среди своих, а тут столько народу, это может ее смутить. Зря мы это задумали... — Бедный Непомник так волновался, что, кажется, не прочь был еще раз позабыть все происходящее вокруг него.

Чемпион, не чувствуя ни малейшей уверенности, самоуверенно усмехался:

— Знаете, что человек должен себе сказать после того, как его во второй раз сбили с ног в нокдаун? «Ага, дело уже начато, посмотрим, как оно пойдет дальше!»

— Хорошо бы, чтоб Лали взяла для начала что-нибудь простенькое, чтоб ей было полегче.

— Вы знаете, что тут готовится? Об этом столько говорят, но все по-разному. Вы можете что-нибудь объяснить?

— Ха! — высокомерно воскликнул Розовый Нос и ожесточенно повторил: — Ха! Ха! Да если мне целый день будут подробно объяснять, что такое халва, во рту у меня сладко не станет. Не знаю, как у вас!

— Умоляю вас не раскаляться, вы можете вспыхнуть! — мягко остановила его Прекрасная Дама. — Видите ли, мы все немножко волнуемся. Мы просто пришли к выводу, что совестно нам одним все это переживать, надо поделиться с другими, пока не поздно, вот и задумали собрать побольше людей.

— Да, да, это очень мило, мы все так обрадовались, что откроют старый театр. Но ходят такие забавные слухи, ах, вероятно, просто болтают! Мало ли чего люди ни выдумают! Чуть ли не детские сказки какие-то! Не обижайтесь только. Мы уверены, конечно, что это только сплетни!..

Тут в разговор впервые мягко вмешался своим невозмутимо спокойным голосом Прат, он сидел в одном ряду с приезжими гостями Сью-Сиу и Финстером.

— Что касается меня, хорошая сказка никогда не кажется мне детской. К сожалению, только взрослые... гм... часто теряют чудесный мир сосуществования мечты, фантазии и реальности, а ведь это и есть сказка. Все началось со сказки. Вся мировая культура.

— Возможно, что это так,— с сомнением сморщился пожилой человек с курчавыми бакенбардами.— Но ведь сегодня это все-таки давно отжившее прошлое! Человечество далеко ушло! Высоко вознеслось над своим прошлым, не правда ли?

Сью-Сиу добродушно закивал:

— О, конечно, очень высоко! Однако первый этаж любого здания вовсе не отмершее прошлое для его десятого этажа! Это его основа, без которой он не мог бы сделаться десятым! Не будь первого, остальные попросту рухнули бы, а?

— Но все же нельзя всерьез отрицать, что сказка это всего-навсего...

— Сказка! — поспешно полностью согласился Финстер.— Я немножко разбираюсь в этом вопросе... так... немножко. И знаете, что я скажу: возьмите самую прекрасную самоновейшую нынешнюю повесть, поскребите ее и вы обнаружите в основе сказку. Одну или несколько.

Мечтательно улыбаясь, снова заговорил Прат:

— Помните тот день, когда много лет назад навсегда закрывался этот театр, мы сидели в этих же самых креслах и смотрели последний спектакль — «Ромео и Джульетта». Ведь это тоже большая, разыгранная в лицах, старинная сказка о безумии кровавой вражды, сгубившей юную любовь. Разве нет? Тогда еще мои глаза могли видеть, прекрасно видеть, но я и сейчас вижу вас, наша Прекрасная Дама, до сих пор слышу ваш голос в знаменитых самых последних словах бедной Джульетты!

В зале послышались нетерпеливые аплодисменты. Сцена все еще была пуста и полутемна, только узкий голубой луч, вероятно от старой бутафорской луны, падал на кресло с пышной резной спинкой, которое служило некогда тронем какому-нибудь театральному королю.

— Чего это они руками выделявают? Ладонями шлепают? — встрепенулсЯ Кетик, сидевший в очень неудобной позе, только бы повыше задрать ноги.— К чему это они шумят?

— Шуметь так шуметь! — воодушевился Телик.— Тут свистеть и ногами топтать можно?

Пожилой сосед вежливо к нему обратился:

— Ногами? И свистеть? Отчего же, пожалуй, можно.

— Неужели? Ну, тогда дураков нет, мы не станем. А вот так, руками в ладоши колотить?

— Вот это не разрешается, строго запрещено.

— Ага, ребята, взялись все разом! Похлопаем!

Минуты три озорные, неистовые аплодисменты перекатывались по залу, и вдруг все утихло и замерло в изумлении.

— Да ведь это же всего-навсего наша Лалыка! — изнемогая в презритель-

ном разочаровании, тончайшим голосенком пискнула Оффи, высоко вздернув плечи, да так и осталась сидеть, позабыв их опустить.

Действительно, на сцене появилась Лали в длинном голубом бархатном платье, расшитом золотыми пчелками. Блестящие золотые локоны скользили у нее по плечам, когда она поворачивала голову направо и налево, удивленно озираясь по сторонам, видимо не совсем понимая, куда это она попала. В первое мгновение она, кажется, хотела даже попятиться, но маленький кухонный робот самообучающегося класса мягко и настойчиво подталкивал ее вперед.

— Куда ты меня тащишь?.. Я же не думала, что тут соберется столько народу... Ой, вот теперь, когда я нарочно буду стараться, ничего у меня не получится! Я так не умею!

Робби упорно подталкивал ее к бутафорскому трону. Растерянно и беспомощно улыбаясь, она подошла к нему и села.

Мальчишки, сидевшие задрав ноги на спинки кресел, на всякий случай загоготали.

Робби, усадив Лали, вытащил из своей кенгуровой сумки большую книгу и, как бы превратившись в удобную подставку-пюпитр, установил книгу у Лали перед глазами...

— Не знаю,— жалобно протянула она.— Вот честное слово, не зна-аю! Что у меня получится...— и зябко съежив тоненькие плечи, застенчиво улыбнулась и сейчас же, вскинув голову, звонко и радостно воскликнула: — А-а!.. Ты уже опять тут? — и обвела глазами то, что возникло невысоко, метрах в двух, у нее над головой.

Три одинаковые полушария, точно осветительные приборы, с трех сторон своими срезами направленные на девочку, возникли и повисли в воздухе. Тихое пчелиное жужжание еле слышалось с их матовых вогнутых внутрь экранов, по которым с неуловимой быстротой сновали исчезающие цветные спиральки и чуть светящиеся точки. На мгновение нечто похожее на розоватое облачко крошечных полупрозрачных бабочек окутало голову и плечи девочки. Оно быстро сошлось в одну точку, как будто неслышно вспыхнуло и погасло, втянутое в мерцающие экраны трех полусфер. Впрочем, никто не обращал на них внимания.

Тихо сделалось вокруг. Девочка сосредоточенно, медленно переключала большие страницы старой книги.

Было странно: в необъятных пространствах неслышно пульсировал Космос, раскачивался воображаемый маятник, отсчитывая время для тех, кто жил, подчиняясь времени, отсчитывал истекающий Срок превращения маленькой голубой и зеленой планеты в еще одно безжизненное небесное тело, каким оно было всего несколько миллиардов лет назад. Все помнили об этом, хотя старались не помнить. Но каждый чувствовал в себе этот маятник. Не тот маленький, что начинает тикать в человеке еще до колыбели и останавливается вместе с сердцем в последний день. Нет, всеобщий, космический, звездный маятник общей жизни живых, дышащих, радостных, хищных, добрых, лас-

ковых и печальных, счастливых, вероломных, самоотверженных, лживых и прекрасных существ, что населяют все поля, города, леса, степи и горы Земли, неслышно раскачивался во всех сердцах.

А в крошечной, покрытой в этот час вечерней тенью точке земного шара, в большом городе, в одном из тысяч его строений, в ветхом зале сидела на облезлом троне короля Лира девочка, вокруг нее была тишина, и все смотрели на нее, потому что она заговорила, водя пальцем по строчкам громоздкой старой книги. Медленно, почти по складам, она прочитала странную первую фразу:

— «Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти? Это повесть о Тристане и королеве Изольде, послушайте, как любили они друг друга, к великой радости и к великой печали, как от того и скончались в один и тот же день — он из-за нее, она из-за него». — Лали остановилась со вздохом, и именно в этот момент над ее головой ожили, и вспыхнули, и зажужжали пчелки сразу двенадцати полушарий, в которых с неуловимой быстротой понеслись спиральки, цветные точечные огоньки, а в зрительном зале люди тихонько ахнули, шевельнулись, торопливо перевели дыхание и замерли, с каким-то изумлением и жадным вниманием слушая долгое молчание девочки, точно боясь упустить хоть мгновение струящегося света и тревожной прелести тихой музыки, неудержимо возникавшей в них самих.

Медленно потекла над замершим залом старого театра древняя повесть о бесконечных злоключениях, о доблести и подлом коварстве, о подвигах верности, о горестях и горьком счастье давно умолкших сердец, волной горячей крови стучащих снова, спустя тысячелетия, в бесчисленных вновь рожденных человеческих сердцах.

— «Тристан был слишком слаб, чтоб оставаться на Пенмархской скале, и уж много дней лежал в комнате, вдали от берега, плача по Изольде... Наконец ветер окреп и показался долгожданный белый парус.

Другая Изольда подошла к ложу Тристана и сказала ему:

«Друг, Каэрдин возвращается, я вижу его судно в море».

Тристан затрепетал:

«Скажи-ка, какой на нем парус?» — Потому что белый парус обозначал, что на корабле плывет его Белокурая Изольда, и это одно его могло исцелить.

Тогда-то Другая Изольда и отомстила:

«Я хорошо рассмотрела парус. Знай же, что он совсем черный!»

Тристан повернулся к стене и сказал:

«Я не могу больше удерживать свою жизнь», — и испустил дух.

И во всем замке заплакали рыцари, товарищи Тристана...

Длился странный вечер в заброшенном театре. Где-то во времени раскачивался воображаемый маятник, отсчитывая минуты, часы и месяцы, все сокращая недолгий остаток Срока маленькой планеты, но в зале уж никто о нем не помнил.

Лали прочитывала несколько фраз и останавливалась, чтобы все себе ясно

представить, как будто старалась справиться с охватившим ее удивлением перед открывшейся ей картиной.

«...В раскаленном мареве бесплодной пустыни возникала, покачиваясь, длинная цепь шагающих верблюдов, и жара все усиливалась, все медленнее шагали животные, и люди уже отчаялись спасти свои жизни из-за томившей их жажды и зноя, когда среди пустыни возник перед их глазами прекрасный город, весь из серебра, и, едва они вошли через ворота в его пустынные улицы и базарные площади, как будто только что покинутые пестрыми толпами людей, на них повеяло нежным ветерком и благоуханным запахом, их глазам представилось множество деревьев, спелых плодов, поющих птиц и чистых потоков...»

И вслед за тем Снежная Королева в вихре снега неслась к своему ледяному дворцу, где замерзали сердца людей...

И снова Гарун-ар-Рашид знойной звездной ночью крался тесными переулками сказочного Багдада на звук лютни и нежного голоса, приводящего в волнение и звучавшего за закрытыми воротами и железными решетками в загадочном и таинственном саду, наполненном запахом апельсиновых цветов и журчанием фонтанов...

И двое бедных лесорубов, возвращаясь домой, пробирались через густой сосновый бор. Была зимняя ночь, и стоял лютый мороз, на земле и деревьях лежал толстый снежный покров. И когда они приблизились к горному водопаду, то оказалось, что он неподвижно застыл в воздухе. И тут они увидели, как покатилась по небосводу необычайно яркая звезда, и так началась сказка о жестокосердом Звездном мальчике.

И, едва она подошла к концу, через минуту после того, как Лали перевернула еще одну страницу большой старой книги, уже покорная замухрышка Золушка смывала копоть со своего печального личика и вдруг становилась ослепительной красавицей, но только до двенадцати часов ночи... И вот под фыркание сестер и зевки придворных волшебный башмачок, как влитой, вскакивал и облегал ее маленькую грязную ступню, робко вылезшую из деревянного башмака, набитого соломой, и надменный царедворец, сорвав шляпу с перьями со своего курчавого парика, низко склонился перед чумазой девчонкой, только что копошившейся на коленях у закопченного очага. Застенчиво просиявшее лицо Золушки как будто стояло в воздухе, и все сердца наполнялись счастьем торжества ее невозможной, бесконечно далекой от всякой возможности, но все-таки сбывшейся мечты.

Ребятишки помладше ликовали в простодушном восторге от того, что так опростоволосилась злющая мачеха. Эта живучая, вековечная, как Баба-Яга, спутница бесчисленных детских жизней на протяжении тысячелетий. Девочки постарше распрямляли согнутые спины, вздергивали подбородок и очень хорошили. Они были увлечены не меньше мелюзги. Конечно, непохоже это было на то, что видели ребятишки. Сверкающее торжество Золушки светило им не в том, конечно, что Принц ввел ее за руку в парадную дворцовую залу. Нет, ведь это она дала ему силу и волю отряхнуть с себя всю позоло-

ту залы, отбросить весь мусор его придворного и королевского недолговечного величия и, следом за ней, переступить через порог поистине волшебного мира, оставив позади все герцогские мантии и короны, как лоскуты и размазанные маски ночного карнавала. Одному из всей несметной толпы никчемных, всеми позабытых принцев и королей — ему дано навсегда остаться Принцем, которого ввела в бессмертную сказку Золушка...

Словом, каждый в зале видел все по-своему, и каждому представлялось свое. Но видели все.

ГЛАВА 15

МАЧЕХА XXI

Званный вечер с ужином в честь гостей из Центров Связи «Джомолунгма» и «Финстерхорн» подходил к концу.

Робби бесшумно носился вокруг стола, проворно собирал грязные тарелки, на ходу засовывал их, как кенгуру своих детенышей, в сумку у себя на животе. Исчезал на кухне, мгновенно появлялся оттуда снова и, с быстротой и точностью жонглера расставив, почти разбросав по чистой тарелке на каждый прибор, уже с неторопливой торжественностью подносил и ставил новое блюдо.

— Очень, очень вкусно! До чего удивительно приготовлено! — приятно почмокивая, искренне изумлялся Сью-Сиу.

— Хорошо сказано, — самодовольно отзывался Робби и, едва слышно замурлыкав мазурку, с разгону вылетал опять на кухню.

— В самом деле, ваш маленький робот просто чудо! — делая комплимент хозяйке, изысканно-вежливо добавил Финстер.

Мачеха слегка покраснела от удовольствия:

— Очень приятно слышать! Вы знаете, это единственная маленькая роскошь, которую мы себе позволяем — иметь домашнего роботика самого высшего, самообучающегося класса.

— Звукоанализатор у него великолепный. В прошлом году он включил водопровод и поднял тревогу по всему городу. Обнаружив в воде едва заметное отклонение от нормы... Примесь свинца, кажется. А вино? Ему считанные секунды требуются, чтоб определить срок выдержки вина, сорт винограда, место и месяц сбора урожая.

— Он любит, когда его хвалят, — сказала Лали, облизывая сладкую ложечку.

— Лали, воздержись! — Мачеха снисходительно пожала плечами, отчего переливчатые складки побежали по красивой материи ее нарядного платья. — Вечно ты фантазируешь. Ты ведь отлично понимаешь, что электронная аппаратура не может любить или не любить.

— Она хотела сказать, что он положительно реагирует на сигналы одобрения. Это в пределах его схемы.

— Ага-а... — вяло промямлила Лали, не желая спорить. — Но он до чертиков любит самообучаться, и тут иногда прямо рот разинешь.

— Хорошо сказано! — тихонько донеслось из кухни.

Все прислушались. Едва слышно тренькала веселая музыка, потом на мгновение донеслось совершенно явственно:

— Давай соврем? Что тут смешного? — И снова музыка, заглушаемая шумом струи воды и стуком передвигаемых на плите кастрюль.

Мачеха выпрямилась от удивления. Ее тонкие брови взлетели до самой линии прекрасно уложенной прически на лбу.

— Боже мой, что он там болтает? Такого с ним еще никогда не бывало!

— Я же говорю, что это ему нравится, а сегодня весь вечер его расхваливают!

— Но откуда эти глупости? Где он наслушался таких слов?

— А-а! Вероятно, это я виноват! Ведь я захватил его с собой в машину, когда ездил за нашими гостями, — припомнил Ив. — Я думал, он может там пригодиться! А там этот попугай.

— Вот именно, попугай! — оживленно поддержал Финстер и усмехнулся. — Раз он побывал на террасе в доме, откуда мы отправлялись на осмотр Башни, он и попугая слышал, как все мы. Весьма оригинальный попугай, не правда ли?

Все, вероятно, обошлось бы благополучно, не соверши он при этом непоправимой оплошности. Его последнее «не правда ли?» было обращено, самым дружеским образом, прямо к Лали.

Финстер, смутно почувствовав, что лишился что-то не из той оперы, с застывшей улыбкой продолжал сидеть, уставясь на Лали.

Мачеха, с бровями, вознесшимися уже так высоко, что они совсем исчезли под челкой прически, тоже пристально на нее смотрела, а сама Лали покраснела до слез так, что на нее смотреть было жалко. Всем, кроме Мачехи. И в наступившей неловкой тишине заговорила именно она.

Брови ее вернулись на то место, где они и были первоначально нарисованы. Она улыбнулась. Выражение лица сделалось почти шаловливо-лукавым, и голос ее зазвучал удивительно ласково. Если бы змея, уже загнипнотизировав кролика, решила бы добавить еще несколько слов: «Не волнуйся, мой вкусенький, не шевелись, мой сладенький, сейчас я пододвинусь поближе», то сказала бы это она, несомненно, вот таким же сладким голоском:

— А я и не знала, дорогая, что ты побывала там, у этого деревенского приятеля нашего дорогого Прата. Так жаль, что ты мне ничего не рассказала. Попугай был, вероятно, очень забавный. Как ты находишь, дорогая?

— Попугай ничего... — деревянным голосом проскрипела Лали, чувствуя, что щеки у нее жарко пылают, и вдруг, встряхнув головой, посмотрела прямо в глаза Мачехе: — Попугай попугаем, а мне просто не хотелось рассказывать, потому что я там плохо себя вела. Не следила за собой, вот и распустилась. Много болтала.

— Ты и меня заставляешь краснеть перед гостями, Лалинька! Надеюсь, ты не была слишком... назойлива?

— Была,— буркнула Лали.— Но я уже попросила извинения.

— О, невозможно все так преувеличивать,— добродушно, хотя и несколько фальшиво воскликнул Сью-Сиу.— Мы все вместе очень приятно побеседовали, чуточку пофантазировали, и Лали прекрасно составила нам компанию.

— Да, да,— академическим тоном взял слово Финстер.— Может быть, слушать меня было скучновато, но я, воспользовавшись случаем, изложил свою точку зрения на некоторые вопросы. Весьма интересно бывает проследить, как какое-нибудь древнее устное предание по прошествии сотен лет оказывается наконец записанным, а потом снова целыми веками пересказывается из уст в уста и записывается наново и все время при этом меняется в зависимости от меняющихся вкусов и требований многих поколений слушателей и читателей. И таким вот образом кровожадная, иногда прямо-таки людоедская история в конце концов превращается в прекрасный образец высокой морали, обретает стройность и... Ну, вот... и все в таком роде, все было прекрасно, и попугай весьма находчиво вставлял свои реплики в мой скучный доклад.

— Очень, очень жаль, что я не слышала. И я очень рада, что Лали не волновалась. Знаете, она такая легко возбудимая, нервная девочка, что я постоянно за нее волнуюсь. А к какому выводу приходят сейчас все Центры Координаций? Неужели дата Срока не может измениться... то есть хоть немножко отодвинуться? Неужели ни у кого не возникает сомнений?

— Математика,— с усмешкой напомнил Сью-Сиу,— ужас до чего противная штука, как раз не допускает сомнений. С ней лучше не спорить. Даже дамам! — Он чрезвычайно любезно послал несколько своих улыбочек хозяйке.

В общем, не считая легкой заминки с попугаем, вечер прошел превосходно.

Провожая гостей до самых дверей лифта, хозяйка выразила на прощание надежду, что еще не один раз они смогут так же мило скоротать вечерок вместе, и даже поделилась своими опасениями, что после сегодняшнего вечера все последующие вечера ее жизни будут казаться ей серыми и будничными.

Не уступая ей в любезности, Финстер заверил, что двое скромных ученых никогда не забудут этого вечера, проведенного в обществе прекрасной хозяйки этого счастливого, уютного семейного уголка.

Дверь захлопнулась, лифт промчался три этажа. Финстер схватился за голову и заскрежетал зубами:

— Чертова баба! А я? Проболтался как мальчишка с этим несчастным попугаем.

— Да... Да... — сокрушенно вздохнул Сью-Сиу.— Но не огорчайтесь. Потом вы удивительно ловко перескочили на легенды и прекрасно замяли дело.

— Черта с два замял! Она так и подскочила от злости, как услышала. Бедной девочке достанется.

— Мне больше всего не нравится, что она так быстро заулыбалась и спрятала свою злобу. Не люблю людей, у которых взрыв не разлетается на все стороны, а сжимается внутри. Неприятные люди.

Как раз в эту минуту, едва только закрылись двери за гостями, Мачеха Лали упала навзничь в низкое кресло, уронив руки до пола, и испустила протяжный вздох, вернее сказать стон, потому что слышно его было по всей квартире.

— Наконец-то убрались!

— По-моему, очень приятные люди,— мягко заметил Ив, искоса наблюдая за тем, как Лали бесшумно и поспешно исчезает из комнаты.

— Два старых дурака! Сидят, сидят! А я выбиваюсь весь вечер из сил, стараюсь так повернуть разговор, чтоб как-нибудь не наткнуться на этот позор...

— Ты имешь в виду?..

— Конечно, я спасла положение, они так ни о чем и не догадались! Просто в голову им не могло прийти, что в таком доме, как мой, и такой позор. Ты мог бы мне спасибо сказать за то, как я обвела вокруг пальца этих двух! Но мне-то чего стоило весь вечер болтать обо всякой чепухе: о галактиках, астероидах и гравитации, только бы речь не зашла о скандальной истории в цирке... или в театре, все равно. Весь город об этом говорит. У меня сердце падало каждый раз... Думаю: вот-вот они догадаются, что сидят и ужинают в доме, сидят за одним столом с главной героиней этого постыдного скандала!

— Ты имешь в виду?.. — не теряя надежды отвести разговор от бурных выкриков, водоворотов и нервных выплесков в более спокойное русло разумного обмена мнениями, мирно начал Ив.

— Нет, я не имею в виду. Это ты должен иметь в виду, что я больше не в силах терпеть. Я терпелива, да! Но я изнемогаю. Мы опозорены на весь город. Я просто не знаю, как я посмотрю в глаза жене этого Перликанти. А завтра у нее вечер.

— Он жулик,— мягко напомнил Ив.

— Вот именно. И мы докатились до того, что не можем посмотреть в глаза даже жене жулика! Что ж ты молчишь, я одна должна обо всем говорить?

— Просто удобнее высказываться по очереди. В городе действительно многие знают про этот вечер в театре. Многие считают это странным происшествием. Но никто не считает его позорным.

— А я говорю, позор! Девчонка выскакивает на сцену и там что-то изображает, кривляется, представляет на потеху!.. Сказки? Ничего себе детские сказки! Мне говорили, там какие-то любовные анекдоты про некоего Тритатана с Узольдой! Как это прекрасно! Внучка профессора отплясывает на сцене вместе с какими-то фокусниками и рыжими клоунами среди дрессированных пони! Ха! Ха! И это не позор! Не затыкай мне рот!.. Почему ты все время молчишь?

— Там не было пони. Не было рыжих клоунов. Была одна Лали, и она читала по книжке.

— Откуда ты это можешь знать?

— Мне рассказывали люди, достойные доверия, которые там были. Кто? Профессор Финстер и уважаемый Сью-Сиу. Они остались весьма довольны вечером в театре.

— О-о-о! Так они там были? И ты молчал? Они все знали, а я весь вечер спасала положение! Я бледнела от ужаса, что кто-нибудь проговорится! А они все знали! Меня же поставили в смешное положение в награду за то, что я всегда думаю о других!

Лали, которая все слышала из соседней комнаты, с тревогой, стараясь уловить, к чему клонится разговор, приоткрыла дверь, готовясь удрать.

Она услышала стук. Это Мачеха взвилась с кресла с такой стремительностью, что оно упало, стукнувшись спинкой об пол.

Два голоса кричали, перебивая друг друга: один — Мачехин, полный энергии и злости, другой, как ни странно, был голос профессора. Он тоже кричал, но с достоинством, сдержанно и не очень-то громко.

Лали с замиранием сердца прислушивалась, понимая, что это самый разгар битвы, где решается ее судьба. Профессор еще удерживался на своих позициях.

— Не прыгай руками у меня перед носом! — возмущенно воскликнул он.

— Дурак!

Хотя последний довод Мачехи не выглядел таким уж убедительным, все вдруг стихло. С той минуты стало ясно, что битва проиграна, и профессору остается только просить перемирия на любых условиях.

Многих, вероятно, очень удивляет, как этот умный и добрый человек, крупный ученый, отступает и признает себя побежденным в столкновении со взбалмошной, шумливой и не очень-то доброй дамой. Некоторые сочтут это признаком слабохарактерности! Но дело тут совсем в другом. Представим себе часовщика, углубленного в свою работу с лупой в глазу, пинцетом в руках, подправляющего еле видимую ось крохотной шестеренки или хвостик пружинного волоска. И одновременно, с глубоким отвращением, представим себе злую бабу, которая то и дело подходит и нарочно трясет столик несчастного часовщика, рассыпая все колесики и пружинки, и вдобавок пристаёт к нему с глупыми советами.

Если часовщик, углубленный в свою тончайшую работу, уступит бабе, только бы она оставила в покое его столик, будет ли это означать, что у него характер слабый, а у бабы сильный?

Что касается профессора, он тоже был занят работой очень тонкой и точной. И когда Мачеха начинала трясти тот столик с вычислениями и идеями, что находился у него в голове, он, после вспышки возмущения, сдавался и соглашался, только бы его не отрывали от дела.

Теперь, убедившись, что одержала победу и может командовать, Мачеха не потребовала, как это сделала бы другая мачеха в сказке, чтоб Лали отправили на кухню возиться с очагом, таскать дрова и носить воду из колодца. Она сказала:

— Мы должны спасти девочку!

— Да,— сказал профессор Ив.

— Мы должны ее оградить. Пока наша бедняжка не успокоится, мы ее изолируем от вредного влияния ее друзей, толпы в театре и так далее. Я уже обдумала: самое изолированное помещение у нас в доме — это верхний этаж башни старого, уже не действующего Центра Связи «Земля—Космос». Правда? Ведь все оборудование там давно устарело уже лет на двадцать. Ты сам говорил. Там ей будет спокойно и тихо, как в одном из ее любимых волшебных замков. Она может взять с собой свои любимые печатные книжки, и ей не будет скучно. Я сама с ней поговорю и провожу.

— Само собой разумеется. И ключ пускай останется у тебя,— согласился Ив: второй ключ был у него в ящике письменного стола.

ГЛАВА 16

ЗОЛУШКА XXI

Через десять минут хлюпающая носом Лали, строптиво раскачивая маленький чемоданчик и отворачивая лицо от Мачехи, стояла на площадке верхнего этажа заброшенной башни бывшего Центра Связи.

Ив возился с замком двери. Маленький кухонный роботик Робби держал поднос с ужином для Лали, а Мачеха читала ей последние наставления, от которых Лали отворачивалась довольно невежливо, точно от скверного запаха, и старалась не слушать.

Смысл наставлений был в том, чтоб заставить Лали поверить, какая она дурная и распущенная девочка: что она совершенно не заботится о душевном равновесии Мачехи (что было истинной правдой), что она девочка черствая, не способная понять, до чего тяжело будет на душе у Мачехи после того, как она запрет Лали на ключ.

К тому моменту, когда дело дошло до того, что Лали должна быть глубоко благодарна, что ее запирают на пустом этаже безлюдного здания, Ив справился наконец с электронным замком и сдвинул металлическую дверь. Лали, не дослушав, бросилась в открывшееся узкое отверстие, стукнулась второпях краем чемоданчика о косяк и скрылась внутри.

Мачеха горестно пожала плечами, вынула из замка ключ и сейчас же спрятала его к себе в сумочку. Ива она деликатно, двумя пальцами, удержала за рукав, когда он хотел войти следом за Лали.

— О, ч-ч-ч!.. — прошипел он, стискивая зубы от беспомощности и досады.

Они постояли вдвоем на площадке, дожидаясь, пока Робби накроет на стол и расставит по местам тарелки и кастрюльки. Он все это выполнил необычайно медленно, и Лали чуть не улыбнулась, слыша его приглушенное, сварливое бормотание:

— Плохо сделано!.. Фальшиво, суррогатно, недоброкачественно, забраковано... на помойку...

Когда дверь окончательно затворили, оставив ее одну, уверенная, что Мачеха еще стоит на площадке и слушает, Лали громко запела: «Ля-ля-ля, тру-ля-ля!» — и закружилась в вальсе.

Лифт загудел на большой скорости, спускаясь вниз. Лали высунула изо

всех сил язык в сторону лифта и запертой двери и держала его высунутым так долго, что даже больно стало.

Потом она прошлась по громадному залу, где в уголке за ширмой ей была приготовлена раскладная постель.

В сиреновой полутьме тускло посвечивали бесчисленные круглые, квадратные, продолговатые стекла и стеклышки, за которыми мертво лежали на нулевых отметках стрелки, разноцветные шарики, черточки навсегда отключенных уже двадцать лет назад приборов.

Она легла на кровать и заложила руки за голову.

Стекла мертвой установки, громадной, как орган, тупо поблескивали.

— Ну, что уставился на меня? — сердито сказала Лали. — Дурак стоглазый. Думаешь, очень приятно на тебя смотреть?

Она схватила подушку из-под головы, переложила ее в ноги, повернулась сама и снова легла. Теперь у нее перед глазами была обыкновенная стена с обыкновенным стереовизором. Наугад она ткнула какую-то кнопку в стене. Стереовизор мгновенно ожил, грянула музыка, загалдела, засвистела толпа: петушиный бой был в разгаре...

— Тьфу, — сказала Лали и переключила программу: ведущий тараторил скороговоркой, возникали ухмыляющиеся лица — шел конкурс на самого уродливого мужчину в возрасте не свыше ста десяти лет.

Лали снова переключила программу. На экране появились громадные звезды, снятые через телескоп. В уголке сидел за столиком человек с очень спокойным лицом и неторопливо, очень толково объяснял, какие изменения будут происходить в Галактике по мере того, как черная комета будет приближаться к Земле, и в особенности после того, как они с Землей столкнутся.

— Не желаю! — упрямо сказала Лали, вскочила и, нажав сразу две красные кнопки, вызвала короткое замыкание.

Стереовизор негромко выстрелил, замолчал и погас. И в ту же секунду над ним заработал второй, резервный экран.

Прикрывая ладонью глаза, чтоб ничего не видеть, Лали, стиснув зубы, испортила и этот.

Наступила тишина. Она начала думать обо всех друзьях и приятелях и незнакомых людях, кто сидел в зале театра, и уже начала всхлипывать от сочувствия, как вдруг опять загалдела, загоготала, засвистела толпа и опять взъерошенные петухи пошли подсакивать и набрасываться друг на друга.

Это уже успел самопочиниться автомат первого стереовизора.

— Я тут взбешусь с вами! — крикнула Лали и, внимательно разобравшись в кнопках, наконец нашла, как можно все выключить.

Обед стоял на столе, но есть не хотелось. Она обдумала все, скрестила руки и решила умереть с голоду.

— Как это подло, что я могу думать о еде, когда подходит Срок и все мои книжки станут никому не нужны, и даже некому будет их дочитать до конца! Некому будет о них рассказать!

ГЛАВА 17

ЗАБРОШЕННАЯ ЭЛЕКТРОННО-КОСМИЧЕСКАЯ БАШНЯ

Поздней ночью профессор Ив неслышно выскользнул из своей постели, сунул ноги в мягкие ночные туфли, которые он приготовил заранее, и опасно, как ночной воришка, стал пробираться по комнате к выходу.

Он прошел длиннейший коридор пешком, не включая экспресс-транспортера, и так добрался до внутреннего входа в заброшенное здание старого Центра Связи. Тут он огляделся кругом. С этим Центром были связаны лучшие мечты его далекой молодости. Подумать только, в те годы, когда строили и оборудовали эту Вавилонскую башню, она была вершиной наисовременнейшей техники! Какие великие надежды они все когда-то на нее возлагали!

В один прекрасный день сигналы, прилетевшие из неведомой далекой Галактики, будут приняты и наконец расшифрованы. Далекие братья по разуму подадут о себе весть. Далекая мудрая цивилизация, опередившая земную на тысячелетия, поделится своими великими открытиями, своей наукой, техникой, и жизнь на Земле преобразится! Все болезни и несовершенства, бедствия и тяготы за короткий срок уйдут в прошлое, и Земля станет цветущим садом, полным спокойных, счастливых людей... И вот, всего два-три десятилетия прошло с тех пор, и как грустно и смешно теперь ему смотреть на эти неуклюжие, наивные, безнадежно устаревшие, архаические сооружения, годные только в экспонаты какого-нибудь провинциального музея истории Космотехники...

Он вошел в кабину лифта и осторожно включил самую малую скорость, чтоб никто не услышал звука.

Опять вернулось к нему странное ощущение, как будто он не совсем один. Раз или два оно уже возникало у него, когда он шел по коридору... подходил к лифту. Он обернулся быстро, через левое плечо, но не увидел ничего. Обернулся через правое. Опять ничего. Тогда он сделал головой движение, как будто оборачивается налево, а сам быстро обернулся снова направо. В зеркальной обшивке кабины мелькнула и исчезла какая-то тень.

— Что ты здесь делаешь? — строго спросил Ив.

Робби, прятаясь у него за спиной, заюлил и слегка затрясся, переключаясь на вранье. Он еще плоховато это умел.

— Я здесь ничего не делаю, я делаю ничего не здесь, мне нужно скорее на кухню.

— Ты выбрал довольно длинный путь, друг мой!

— Выбирал, составлял, определял оптимальный маршрут...

В руках у Робби был подносик с овальным блюдом, прикрытым блестящей крышкой.

— Это что у тебя там?

— Еще не выяснено, не выпечено с одного боку, не совсем процежено, плохо просеяно... Суфле... Чуфле... Жуфле...

— Перестань врать, малыш. Плохо получается.

— Сейчас переключусь.— Робби затрясся еще сильнее и тут же успокоился и четко доложил: — Суфле шоколадное. Четыре порции.

Ив вздохнул.

— Ладно. Только не шуми.

Лифт остановился, и профессор тихонько отпер дверь заброшенного зала. Лали уже стояла у самого порога и улыбалась.

— Я так и знала, что ты придешь!

Она обняла профессора за шею.

— Решил заглянуть на минутку, посмотреть, как ты устроилась. Тебе ничего не нужно? Тебе, наверное, позабыли прислать сладкое? Робби, кажется, уже принес.

— Ох,— сказала Лали изнемогающим голосом при виде громадной порции шоколадного суфле.— Как тут умрешь с голоду? — Она подцепила на ложку нежную рыхлую массу и облизала ее.— Нет, это невозможно! Ты чего-то сюда подложил для запаха? Ананас? Орехи?.. Вкусно невыносимо!

— Хорошо сказано! Душисто слышать! Хрустящей корочкой с ванилью пахнет,— пискнул Робби и замурлыкал мазуркой.

— Ты, я вижу, и календарь отключила?

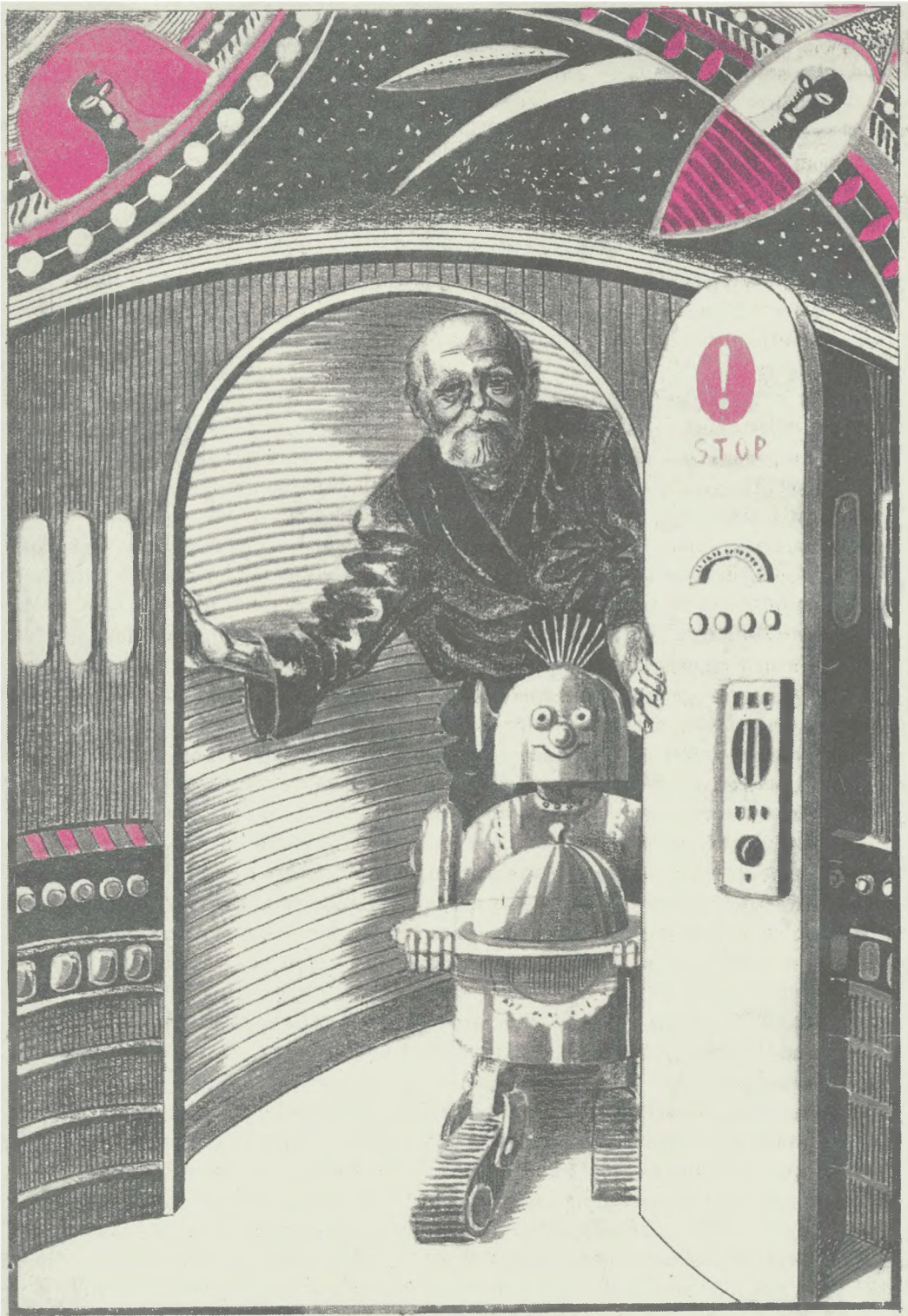
— И часы тоже!

Ив тихонько, нежно поглаживал ее по голове и думал о том, что почти так же, как Космос, загадочна и непонятна ему жизнь, кипящая в этой крошечной планетке, скрытой под блестящими шелковыми волосами, распущенными по плечам и стянутыми тонким металлическим обручем по средневековой моде.

— Может быть, ты и права. Лучше не отсчитывать дней и часов и не ждать дня и часа, который не можешь ни отложить, ни отворотить... Ты все увлекаешься своими сказочками?

На полу навалены были неровными стопками целые груды книжек. Сверху лежала легенда о «Короле Артуре» и «Рыцарях Круглого стола».

— Нет,— отворачиваясь, сухо проговорила Лали.— Я давно больше ничего не читаю. Я даже стараюсь не думать о них. Хм! Она... мне столько долбила и доказывала, что все эти рыцари просто дикари и не умели даже зубы чистить, что, как только я о них подумаю, у меня перед глазами появляются со всех сторон тюбики с зубной пастой и сами начинают на меня выжиматься!

— Значит, ты в них окончательно разочаровалась? — Профессор задумчиво улыбнулся. — Знаешь, ведь это все-таки печально — терять иллюзии.

— А вот и нет! — вдруг вспыхнула Лали. — Подумать только! В каком безжалостном и злом мире они жили! А мечтали о благородстве и милосердии. Барахтаясь в самой гуще грязи предательства, они все-таки мечтали о непоколебимой верности, благородстве, милосердии и чистоте! До чего они, наверное, были бы счастливы, узнав, какие прекрасные легенды остались после них!.. Верность! Доблесть! Рыцарская честь! Великодушные к побежденному врагу! Ведь все это их сбывшиеся мечты!

— Вот оно что! Сказки тебе, значит, не опротивели?

— Нет. Просто я их забросила. Стоит ли теперь их вспоминать, когда скоро уже некому станет ни слушать, ни читать, ни смотреть... У меня только немножко сердце ноет от жалости ко всем этим бедным людям...

— Каким людям?

— Ну, кто это может знать, к каким?.. К тем, кто придумали все сказки в мире... Ведь сказки начали сочинять те Иванушки, которые не поймали Жар-Птицу, не дождались Конька-Горбунка, Золушки, которые так и не дождались золотой кареты... Вот когда я о них думаю, мне плакать хочется... А иногда не только хочется... Ну вот, получилось подсоленное суфле!.. Да, я хотела спросить: мне это показалось, или... Разве время сейчас, чтоб шел снег?

— Идет снег, да, и совсем не время ему идти. Но многое уже начало меняться на нашей бедной планете. Меняются приливы и отливы. Дельфины подплывают к берегам стаями. Точно хотят у нас спросить о чем-то, что они уже чувствуют. Ведь мы с ними тоже братья по планете и общая у нас судьба, и они раньше нас чувствуют приближение кометы... Да, по правде говоря, и люди удивительно меняются последнее время... Кстати, привет тебе огромный от старины Прата, он мирно сидит в своей хижине со своим Старым Роботом.

— О-о! Передай ему поцелуй от меня! Наверное, он очень волнуется за меня... А как меняются люди?

— Трудно объяснить. Некоторые пустились бесноваться, все ломать, пить вино... но как-то быстро остыли и утихомирились. Люди стали, пожалуй, поспокойней, потише. Никто не мечется, не спешит. Ни у кого нет желания внезапно заработать миллион, облапошив другого. Жулики и те почти перестали воровать. Пропал у них всякий интерес. Кому интересно стащить пальто в магазине, когда хозяин равнодушно наблюдает за тобой и только советует выбрать на номер побольше, а то будет, пожалуй, жать под мышками. Из-за границы как-то передавали: на бирже безлюдье, паутина затянула углы, и выводок пестрых котят играет на том месте, где бесновались, надрывались и вопили биржевые маклеры. Один банкир вышел на улицу и стал раздавать, точно бесплатные афишки, всем прохожим по тысячному банкноту из толстой пачки. Правда, потом он опомнился и бросился отнимать деньги обратно у всех прохожих, даже у тех, кому он ничего не давал... Говорили, что он сошел с ума, только неясно, когда.

— Я уверена, тогда, когда он бросился отнимать!.. А «зеленые человечки» не дают больше о себе знать? Ваши Центры все еще поддерживают с ними связь? Вы разговариваете с ними?

— Мы? Нет. Это они разговаривали. Они пользовались нашими установками. А теперь молчат. Они ровно ничего от нас не хотят. Мы просто больше их не интересуем. Мы думаем, они только из-за этой суперкометы немножко нами заинтересовались, все у нас исследовали, разобрались и теперь потеряли всякий интерес...

— Противные букашки,— вздохнула Лали.

ГЛАВА 18

СРОК НЕУКЛОННО ИСТЕКАЕТ

Срок, о котором все думали и все старались не говорить, все приближался. Маленькая голубая планетка Земля продолжала нестись по прекрасно вычисленной орбите навстречу своей космической судьбе...

Люди продолжали вести себя так, как если бы ничего никогда не должно было случиться.

Никто не сомневался в том, что Срок вычислен правильно и точно. Все знали, но как бы не верили.

И как-то вдруг, точно заражая друг друга, все поверили: да, приближается Срок, конец тому, что люди считали навечно неотъемлемо своим, — жизни на планете.

Календари были, конечно, в каждом доме. Люди постепенно перестали принимать лекарства. Отрывая 165-й, 164-й, 163-й листок, люди не рвали на себе волосы, не бились головой об стену, не стонали. Они тихонько усмехались и неторопливо — спешить-то было не к чему — принимались за дневные дела: брали на руки детей, несли утренний кофе старикам, кормили собак и кошек и, расставаясь на час, нежно целовали близких, как перед долгой разлукой.

Немногих охватила отчаянность, жажда забыться, охмелеть, одурманить себя. Очень немногих, да и они скоро поутихли.

Но многое изменилось. Люди как будто даже стали добрее, отзывчивей и мягче.

С грустной снисходительностью улыбались они, просматривая старинные фильмы ужасов. Все эти привидения в белых балахонах и фантастические злодеи с кинжалами и пистолетами для них стали забавными воспоминаниями милых, привычных, земных страхов, таких уютных, домашних и вовсе не страшных по сравнению с приближающимся исчезновением всех жизней на всей Земле.

Никогда люди не ощущали свою собственную смерть до такой степени обыденной, естественной, нормальной и безмятежно-покойной, как в эти дни ожидания всеобщей гибели жизни.

Человек ощутил себя тем, чем он, собственно, и был — малой составной

частичкой общей жизни, и оценил, до какой степени необходимо и утешительно сознавать, что когда ты, частичка, перестанешь быть, Жизнь остается! После того как ты сделал все, что сумел, и уже устал, маленькая эстафета твоей свершившейся жизни переходит в бодро протянутые руки нового поколения... И до чего же была невыносима мысль, что должна погибнуть вся общая Жизнь, без которой существование каждой из всех ее отдельных частиц — жизней отдельных людей — вдруг окажется бессмысленной...

Странное явление было отмечено: люди, эти высокомерные, надменные «повелители природы», теперь часто тихонько плакали, наблюдая за гибелью нарисованного в мультипликации нахального мышонка, вдруг осознав свою неразрывную кровную связь с мышонком, сочувствуя его страданиям, над которыми они прежде потешались, потому что он был ведь всего-навсего мышонком со смешной да вдобавок еще и нарисованной морденкой!

С какой доброй и снисходительной усмешкой люди пожимали плечами, припоминая, что предки их почему-то боялись говорить и даже думать о том часе, когда их жизнь подходила к концу. О, как они мучились и бунтовали, требуя какого-то бессмысленного, нелепого бессмертия. Точно заказывали отдельную кабинку, в которой можно спрятаться и остаться на месте одному среди неотвратимого движения звездных потоков... Ах, как они бунтовали и упирались, желая остановить весь мир на том самом месте, где им показалось уютно и приятно. Какими детскими страхами они запугивали сами себя, когда задумывались, что будет, когда придется им покидать жизнь. И до чего же это нестрашно на самом деле: уходить, зная, что весь мир останется на месте и после них, и на другое утро, другие глаза увидят все снова: и ослепительный восход громадного красного солнца, и розовый шарик клевера, качнувшийся от прыжка кузнечика, уцепившегося лапками за его зеленый стебелек.

И с какой беспощадной ясностью люди проникались чувством самой прямой, родственной связи с этим кузнечиком и клевером, со всем живущим, растущим, цветущим, дышащим на Земле.

Месяцы с их старинными названиями люди теперь провожали, как будто прощались с ними навсегда. Проходило лето. Осень еще должна была наступить, но зимы уже не будет, думал каждый. Не для меня не будет, а не будет совсем, ни для кого не будет ни зимы, ни весны после нее на Земле!

Как давным-давно, что-то предчувствуя, написал один добрый и грустный человек в старой, бумажной книжке: «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, совершив свой печальный круг, угаснут...»

А пока жизнь шла своим порядком, ежечасная, ежедневная, привычная, жизнь одного из годов в длинной цепи тысячелетий, миллиардолетий существования Земли, которая все еще продолжала мирно вращаться.

目の眼

THE END
158

158

AD STOKHOLM 158

ГЛАВА 19

БЕЗДУШНЫЙ ГОЛОС КОСМОСА

На заседании принято было появляться одетыми строго и старомодно. Ученым не хотелось нарушать традицию прошлого века. Все участники регулярного всемирного заседания были в крахмальных воротничках, повязанных темными галстуками, и долгополых белых пиджаках. На улице это выглядело бы так же смешно, как пудренные парики и мантии, но на заседании это было как бы данью уважения к великим ученым прошлого, сделавшим величайшие открытия за последние сто—двести лет.

Итак, профессор Ив, готовясь явиться на заседание Координационного Центра Связи «Земля—Космос», снял свой обычный удобный костюм и покорно повязал шею галстуком. Тщательно причесался перед зеркалом и со вздохом вддел руки в рукава неуклюжей одежды прошлого века — пиджака.

За две минуты назначенного времени, когда прозвенел и заморгал сигнал предупреждения, он уже был готов.

Размеренным, несколько торжественным шагом он проследовал в зал заседаний и занял свое место в кресле. Обычно это было единственное занятое кресло во всем круглом зале. Все остальные места вокруг стола целиком были заняты крупными, в человеческий рост, экранами стереовизоров.

Сегодня же, в виде редкого исключения, еще двое приезжих гостей — директор Центра «Финстерхорн» профессор Финстер и руководитель «Джомолунгмы» Сю-Сиу — вошли в зал и заняли предназначенные им места.

Профессор Ив щелкнул рычажком и включился. Бесшумно или с легким покашливанием одно за другим возникали на своих местах, вокруг круглого стола заседания, знакомые фигуры и лица директоров отдельных Центров Связи, разбросанных по всему миру. Они много лет знали друг друга. Знали научные труды и имена, даже дружили и иногда спорили друг с другом, но ни разу им не довелось побывать в одной комнате, пожать руки один другому. Включаясь один за другим, они, как всегда, церемонно наклоняли голову в знак приветствия. Лица их были невозмутимо-спокойны. Все они, и мужчины и женщины, были мужественные люди. Лучше чем кто-нибудь на Земле они осознавали реальность и безнадежность положения. Они знали больше всех и потому тверже всех должны были держаться.

Они встречались с легким поклоном, но сами уже не замечали, что улыбаться они давно перестали, только, обмениваясь короткими фразами, держались еще более бесстрастно, чем прежде.

Очень скоро, с опозданием не более чем на четыре-пять секунд, весь круг замкнулся. Все были на месте: «Эльбрус», «Финстерхорн», «Попокатепетль», «Джомолунгма», «Ането», «Акангауга» и все другие.

— Кажется, все собрались? — спокойно начал Председатель. — Разрешите заседание считать включенным. Текст сообщений, полученных одновременно во время кратких сеансов связи с Космосом всеми Центрами, совершенно идентичен. Не правда ли? Вот он: «Почему прекратили передачу «46-12-Т». «Возобновите». И больше ничего?

— Ничего!

— Ничего!

Председатель обвел глазами весь круг:

— До сегодняшнего дня это повторилось трижды. И ни у кого нет представления о передатчике «46-12-Т»? Ни у кого?

— Сама классификация, или номенклатура, «46-12-Т» представляется бессмыслицей. Ни одна земная станция не имеет таких позывных. Не говоря уж об установках «Земля—Космос».

— Когда нам непонятен смысл, мы называем это бессмыслицей, — печально констатировал Сю-Сиу. — До сих пор их передачи были недвусмысленно понятны.

— До полной безнадежности.

— Теперь они снова замолчали. Уже четыре дня!..

— Четыре дня! Опять полное молчание.

— Мы ведь им каждый раз отвечали. Просили разъяснить. Ничего в ответ. По-моему, они даже не включают на прием.

— По-видимому, нам не остается ничего другого, как считать эти сеансы связи случайным перехватом каких-то их собственных переговоров.

Точно вращаясь по кругу и все возвращаясь к одному и тому же безвыходному тупику, продолжалась беседа, даже не похожая на заседание ученых. Наконец Председатель собрался с духом и начал:

— Ввиду отсутствия всякого конкретного материала для совместного обсуждения, я полагаю объявить наше заседание...

И тут как будто беззвучно грозовой разряд ударил в залу.

Одновременно: «Эльбрус», «Акангауга», «Финстерхорн», «Ането» вскочили со своих мест.

Сигнал «идет прием из Космоса» мерцал на экране и настойчиво гудел слабой сиреной тревоги.

Все уже сидели на своих местах, застыв в напряженном ожидании, вцепившись в ручки кресел.

Прошла ясно и четко передача:

«Допустима возможность не предусмотренных прежде отклонений первоначальных прогнозов. Принимаем с Земли исключительно передачи типа

«46-12-Т». Ценная информация. Все другие передачи лишены смысла, кратите».

Все услышали, прочли на всех языках передачу из Космоса и остались сидеть не двигаясь.

Наконец заседание выключилось.

Космос смолк, и, кажется, навсегда.

Рассеянно и не спеша переодеваясь в свой обычный костюм после заседания, профессор Ив все время чувствовал, что ему как будто чего-то не достает или что-то не в порядке, но так и не мог понять, в чем дело.

Мачеха в соседней комнате перекладывала с места на место разные мелкие инструменты для улучшения, удержания и поднятия на новую ступень красоты свою внешность: щипчики, вибраторы, флакончики, самопыскающие пузырьки и прочее. Под постукивание этого инструментария она с неправдоподобной беззаботностью щебетала: «У любви, как у пташки, крылья, ля-ля-ля-ля!..»

Профессор встревоженно прислушивался к ее песенке. Когда дошло до того, что эту самую птичку «ля-ля-ля-ля» никто не может поймать, он поспешно ощупал карманы. Ключа от зала, где была заперта Лали, в кармане не было. Ключ был сложнейший, уникальный, электронный, и профессор от души послал к черту всех на свете пташек и птичек, начиная с воробья и кончая страусом. Но вслух не сказал ни единого слова.

До самого вечера он был погружен в глубокую и тягостную задумчивость. Он думал, что знает характер своей жены, и надеялся, что она одумается. Надо заметить, что, вообще говоря, люди на Земле на удивление менялись с каждым днем. Становились терпимее и отзывчивее. Они совсем перестали толкаться при входе в ракетобусы, уступали с каким-то удовольствием друг другу место и во время дождя наперебой отдавали незнакомым прохожим на улице свой зонтик и радостно промокали до нитки, посмеиваясь про себя от мысли, как ловко помогли неизвестно кому...

Однако ключа, похищенного из кармана мужа, Мачеха и не думала отдавать. Во-первых, она уже успела бурно изумиться при одном предположении, что могла как-нибудь случайно прикоснуться к какому-то ключу в чужом кармане. Во-вторых, чем дальше врешь, тем труднее тебе сказать правду. В поступке, совершенном в понедельник, еще можно сознаться во вторник, в среду гораздо труднее, а в пятницу уже почти невозможно после того, как ты врал всю неделю.

В одну из пятниц профессор пришел к заключению, что он плохо знает характер своей жены. Он сидел в своем кабинете, уронив голову на руки, повторяя сквозь зубы: «Нет, это невозможно, это невыносимо».

Был поздний вечер. За окнами поднимался легкий туман от быстро таявшего снега, по непонятной причине валившего на землю все последние дни.

Неслышно вкатился Робби, с бешеной скоростью расстелил салфетку, поставил посуду, чайник и вазочку с пирожками и бессмысленно завертелся на месте.

Долгое время профессор не обращал на него внимания. Наконец уловил неуверенное, беспорядочное бормотанье:

— Еще не перепечено... не все пережарено... не так уж разварено...

Профессор поднял голову:

— Ты что?

— Не сказано: невозможно, возможно, что возможно.

— Слушай, ты досамообучаешься до того, что взбесишься и натворишь глупостей. Что ты болтаешь?

Робби затрясся, переключаясь с вранья на нормальную программу, и наконец едва слышно просвистел:

— Ключ.

— У меня нет ключа,— мрачно сказал Ив.

— Есть,— сказал Робби, протянул свою чуткую, мягкую руку, приспособленную к работе с тонкими механизмами, и беззвучно выложил на столик рядом с чайником электронный ключ.

— Ты украл? У нее? — со смесью восторга и ужаса воскликнул Ив.

Робби немножко подрожал и утих:

— Самую небольшую порцию... маленькую дозу... самый короткий срок... немножко, едва заметно... украл и опять положил на место.

— Положил. А это что?

— Все в полном порядке. Робики из электронного мне сделали. Они любят мои пирожки.

— Это еще что? У них же электрическое питание.

— Как и у меня. А вкусоанализатор у меня высшего класса. Жуешь и чувствуешь: «Не то, не так или вот это в самый раз, так и рассыпается, расплывается, растворяется, удачная смесь запахов!» Приятно... Ребята кое-что с моего вкусоанализатора скопировали, только грубо, а все-таки им нравится. Жуют. Только сладкое понимают.

— Ну, молодцы... — осматривая ключ, бормотал Ив. — Ну, ребята!

Как только утих дневной шум, профессор, повторяя свой путь по длинному туннелю-коридору, поднялся на лифте. Ключ отлично сработал. Он переступил через порог и увидел Лали. Она вскочила со стула и бросилась к нему навстречу.

Они обнялись, крепко стиснули друг друга и молча постояли, оба с закрытыми глазами от радости и волнения.

— Ты ведь не думала, что я тебя бросил тут одну?

— Нет, я думала о том, как ты там совсем один!

— Я тебя отсюда вытащу, чего бы мне это ни стоило! Не оставлю тебя больше в этом заброшенном сарае.

Немного погодя Лали поцеловала его в щеку.

— Знаешь, правда, я была немножко в отчаянии, побесилась слегка, но это все прошло. Ты не беспокойся обо мне. Тут довольно хорошо, и Робби меня кормит и подсовывает мне весточки на блинчиках... Ну конечно, он проследил за тобой и вот уже тут! Привет, Робби!

Скромно прятаящийся у входа Робби заиграл торжественный полонез и выкатился на середину.

— Это он добыл ключ,— сказал профессор.— Обменял на пирожки! Жулик, но молодец!

Профессор достал из кармана две маленькие коробочки и выложил их на стол.

— Я подумал, что тебе приятно будет побеседовать с Пратом... А старик будет в восторге. Вот, смотри: этот рычажок отодвинешь сюда, и Прат услышит сигнал. Можете разговаривать, когда захотите. Но только после того, как я отнесу ему второй аппаратик направленной связи. Ты довольна?

Лали бросилась Иву на шею:

— Спасибо! Чудесный подарок! Я так рада. А когда можно будет вызвать Прата?

— Как только я... Чего ты трясешься?

— Утро. Завтрак. Обслуживая хижину,— торопливо пробормотал Робби.

— Ой, досамообучаешься ты! Не путаешь?

— Точно. Утро. Завтрак. Прат.— Робби протянул руку, осторожно взвесил коробочку на вес и бережно опустил ее в свою кенгуровую сумку.

— Теперь уходите оба поскорей, пока вас не хватились! Мы заболтались!

— Ладно, девочка. Но имей в виду, что ты здесь не останешься. Ты хочешь в загородный дом Непомника? Тебе ведь там нравилось. И никто не будет знать.

— Она взбесится!

— Неуважительное выражение. Но если что-либо подобное даже и произойдет, я выдержу. Поцелуй меня на прощание!

ГЛАВА 20

ПОЗНАКОМИТЬСЯ ЛУЧШЕ ВСЕГО ПЕРЕД РАССТАВАНИЕМ

В укромной хижине на площадке двадцатого этажа совершенно переменялся весь уклад жизни. Старики перестали регулярно собираться по четвергам. Они приходили теперь каждый вечер.

Порядок вечернего чаепития не изменился несколько. Старики рассаживались на свои привычные места, неторопливо и очень вежливо разговаривали, но вокруг чайного стола неизменно все свободное пространство было занято ребятами, в самых разнообразных позах рассевшимися прямо на ковре или приткнувшимися с чашкой в руках на валик чьего-нибудь мягкого кресла.

Только Лали, конечно, не было. И слуху о ней не было. Сам очень опечаленный и притихший, Прат знал, что с ней не случилось ничего дурного. Конечно, если приговор Мачехи не считать дурным.

Во всяком случае, пылкие предложения Фрукты — отправиться, ворваться, штурмовать и освободить силой Лали, были вовремя погашены разумными доводами взрослых.

Никто не мог позабыть впечатлений от вечера в театре. Все жаждали продолжения... но Лали с ними не было, и в хижине царило уныние. Надежда, что она появится снова, конечно, не угасала совсем. С каждым оторванным листком календаря еще на один день сокращался Срок, ждать становилось все томительнее, и все-таки все собирались каждый вечер, лениво пили чай, хрустели печеньем и как будто чего-то ждали.

— У нас что-то уныло сегодня! Что должны делать, собравшись, порядочные люди, когда они знают, что скоро им предстоит навсегда проститься? — вдруг воскликнула однажды Прекрасная Дама.

— А чего? — вяло откликнулась девочка Оффи.

— Перед расставанием люди должны узнать друг друга, хотя бы познакомиться!

— Здравсьте! — остроумно проямлил Кетик.

— Я могу вам рассказать в нескольких словах. Вот перед вами сидит наш старый друг, которого мы зовем Чемпионом.

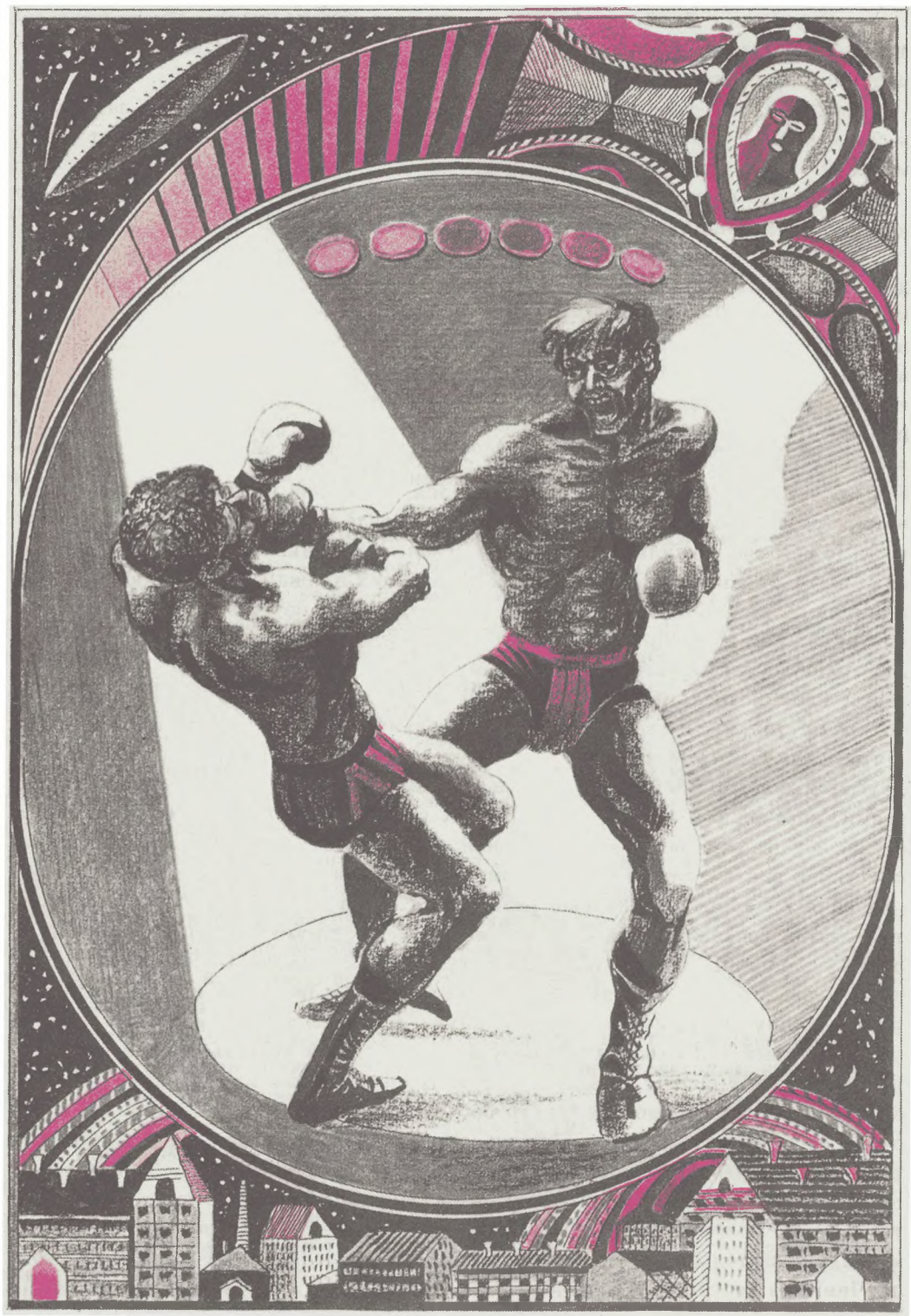
— Ну, сидит, а нам-то что?

— Вы, может быть, думаете, что он был каким-нибудь обыкновенным чемпионом, каких сотни в боксе, плавание, беге, прыжках? Нет, этот человек поднялся на ступеньку выше, чем высшая ступень победителя.

— Да ну, вы только меня конфузите...— Чемпион беспокойно завозился в своем кресле.— Вот еще вспоминать! Да это было так давно... Что тут вспоминать?

— Ах, он, оказывается, боксер? Это дело! Здорово дядя дрался? — воскликнули мальчишки.

— Он был чемпионом мира. Его называли суперчемпионом. Всех, кто выходил против него на ринг, он всегда укладывал в три-четыре минуты, больше ему не требовалось. Три минуты, и самые могучие и свирепые силачи лежали на полу тихо и смиренно, как загорающие на пляже. А ведь он был очень добрый и всегда старался, чтоб кого-нибудь нечаянно не повредить. Но побеждать-то ему все-таки приходилось, ничего не поделаешь, он же был знаменитым чемпионом. Так продолжалось год за годом. И однажды ему попался необыкновенно сильный противник. Не будь на свете нашего Чемпиона, тот обязательно был бы чемпионом мира. Он отчаянно бился, тот бедняга, но наш друг сбил его четыре раза и выиграл, как всегда. И толпа ревела от восторга, он был ее кумиром. До чего же гордились им жирные пузаны с одышкой и хлипкие канцелярские жители, банковские клерки в широкоплечих пиджаках, но с макаронными мускулами, как вопили они от восторга, когда выносили его на руках из зала. Потом в самом роскошном отеле в его честь устроили шумный пир. Ему говорили, что он достиг вершины славы, но ему самому вдруг стало не очень весело, он задумчиво смотрел на красные морды и раскрытые ревушие рты нарядной толпы за столами, и странная мысль шевельнулась в нем: он спрашивал себя, а что орала бы эта толпа, если бы он хоть раз оступился и проиграл? И потом другая мысль: а что бывает с теми, другими, которые проигрывают бой, со всеми, кого он без конца побеждает? И он потихоньку встал из-за стола, в своей хрустящей белой крахмальной манишке, черном нарядном фраке, спустился вниз; и вот он в своей длинной, сверкающей серебром машине едет, поворачивая направо и налево, разыскивая нужный ему дом. И вот наконец темноватая грязная улица, и за ней еще более грязный и бедный переулок, и очень маленький садик, и скользкие ступеньки лестницы. Он открыл скрипучую дверь, и в лицо ему пахнуло горьким запахом бедности и беды. Он отворил еще одну дверь, которая не скрипнула, и увидел своего недавнего противника, который так смело и так безуспешно пытался устоять против него. Он увидел, что тот сидит, уронив тяжелую голову, закрыв лицо руками, а жена его, всхлиывая, нежно целует его большую сильную руку, и видно, что они очень давно уже так сидят, а рядом, ползая по полу, играют с тазиком двое ребятшек, и девочка, вытаскивая из тазика мокрые тряпочки, делает малышу примочку под глазом и приговаривает: «Ты выйдешь против него еще раз, и тогда тебе повезет», а малыш только отмахивается и тяжело вздыхает: «Выйду обязательно, но снова не продержусь больше четырех минут...» И тогда Чемпион отступил за порог и тихонько притворил за собой дверь. И в тот

же вечер вдруг отказался от ответного боя со своим противником, так что тот получил весь денежный приз. А сам себе дал слово больше никогда не выходить на ринг, а это слово было очень трудно сдержать: его уговаривали, безудержно лестили ему, и обливали помоями презрения, и издевались, и опять соблазняли. Но он выиграл этот свой самый тяжелый и лучший бой. И с тех пор даже перестал обижаться, когда мы зовем его Чемпионом, не за все его прежние победы, а за эту, его главную, когда он сдержал свое трудное слово. С тех пор он не ударил ни одного человека.

Чемпион не знал, куда деваться от неловкости.

— Ну, хватит, хватит... — бормотал он, отмахиваясь не лучше того малыша, про которого рассказала Дама. — Все было не так, гораздо хуже... и вовсе не так уж все сразу. Это была долгая история, а рассказали как какую-то легенду!

— Может быть. Я не хотела засорять рассказ всякими подробностями. Вероятно, всякая правда, очищенная от мусора случайностей, самая сердцевина правды, складывается в легенду. Пускай это ваша маленькая легенда, она и есть самая большая правда о вас, друг мой!

— Я был бы очень рад, если б все со мной действительно произошло прямо так, как вы рассказали!

— К этому-то и должны стремиться люди!.. Всегда стремиться и никогда до конца не достигать!..

— Вот уж этого я, наверное, никогда бы не смог! — очень серьезно произнес Фрукти. — Быть чемпионом и вдруг... Но как подумаешь об этом маленьком чертенке с тазиком на полу... Не знаешь, что и думать... честное слово, но все равно это здорово!.. Вот! — Он протиснулся к Чемпиону и, натужившись изо всех сил, стиснул ему руку. После этого он так и остался около него стоять и долго пытливо вглядывался ему в лицо.

— А рядом с ним, — улыбаясь, сказала Прекрасная Дама, — тоже очень хороший человек и наш друг! — Прелестным жестом руки она обратила общее внимание на Розового Носа, как бы приглашая полюбоваться им с ног до головы.

— Ну уж!.. — сконфузился Розовый Нос. — Нашли про кого!

— Знаете, кто перед вами? Неудачник! С самой большой буквы. Прекрасный Неудачник!

— Ну да, ну да, — быстро розовея от смущения, весь съежился Розовый Нос. — Но не забывайте, что я был ужасно честолобив! Ужасно! Постыдно честолобив!

— Да, он мечтал сделать себе блестящую карьеру, добиться власти, стать крупным воротилой, или как это тогда называлось. Он очень умный, и талантливый, и ловкий! Но у него есть одно достоинство, которое разрушило всю его карьеру. Всегда в самый решающий момент, когда ему достаточно было только покривить душой, солгать и все улаживалось самым выгодным для него образом, он сопротивлялся изо всех сил, но ничего не мог поделать со своим носом: он неудержимо начинал краснеть от стыда, и всем как

на ладони становилось видно: вот человек тужится, готовится, а соврать никак не может! Еще хуже было дело, когда его начальник произносил глупую речь, которой надо восхищаться, а его бедный, неумолимый нос начинает багроветь от возмущения! Он закрывал его платком, но это очень мало помогало: стоять, упрямо уткнувшись носом в платок в то время, как другие, задирая носы кверху, на все лады выражают восхищение, и восторг, и умиление!.. В конце концов он докатился до того, что стал простым коммивояжером. Но и тут его не ждало ничего хорошего: едва ему удавалось уговорить человека купить какой-нибудь насос или пылесос, он против воли вспоминал, отчего и как эти насосы-пылесосы выходят из строя и портятся, и нос у него вспыхивал, как сигнальная лампочка, и у него ничего не покупали. Человеку с таким чутким носом так трудно добиться успеха на этом свете!

Нос у Розового Носа во время рассказа Прекрасной Дамы прямо-таки сиял от умиления, как роза, за которой спрятана лампочка.

— Ужасный нос! — воскликнул он с отчаянием и нежностью.

— Хочу такой! — неожиданно страстно выкрикнул Телик. — Он мне первому понравился, когда я даже ничего про него не знал. Я не желаю быть подхалимом или заниматься насосами-пылесосами! Пускай бы все видели, что у меня на уме. Я бы ходил, задрав нос кверху, и гордился!

ГЛАВА 21

УЗНИЦА БАШНИ

Голубое платье, слегка лопнувшее под мышкой, превратилось в дырявое платье с полуоторванным рукавом. И Лали, презрительно оглядев образовавшуюся дыру, дергала плечом: «Можешь хоть совсем оторваться, мне на тебя наплевать!»

Уже много дней она томила в полном одиночестве, изнывала от безделья, а от досады не желала ничем заниматься. Она была в отчаянии. Расхаживая по громадным, заброшенным залам Пункта Связи, превратившимся в склад негодного старья, она пинала ногами любимые книги, валявшиеся как попало на полу.

Еду ей подавали снизу по кухонному малому лифту, и каждый раз, открывая шкафчик, она находила ловко спрятанное под салфеткой пирожное или сладкие пирожки — это был привет от Робби. Потом она подкладывала под пустые блюда записку «Спасибо!» с толстым восклицательным знаком.

От скуки она включила однажды стереовизор, но очень скоро поругалась с ним и выключила, назвав его старым занудливым ослом.

Вдруг издалека она услышала знакомый голос. Маленькая коробочка откуда-то из соседнего зала негромко окликала ее ласковым голосом Прата.

Лали опрометью бросилась бежать, споткнулась, чуть не упала, схватила коробочку радиотелефона и поцеловала ее.

- Почему ты так дышишь? Что это за звук?
- Это я тебя поцеловала. Тебе Робби принес?
- Только что. Сейчас стоит и любитесь, как я с тобой разговариваю.
- Скажи ему, что он молодец!
- Я ему передал. Он считает, что все отлично просеяно, перемолото и прекрасно просочилось, поднялось и зарумянилось. Словом, он согласен, что он молодец. Ты скучаешь там в одиночестве, бедняжка?
- Нет-нет, я совсем не скучаю, наоборот, я беснуюсь!
- Это не очень на тебя похоже. Как именно ты это делаешь?
- Ну-у... по-разному! То я ругаюсь со стереовизором и топочу на него ногами, то начинаю реветь, знаешь, такими мерзкими, злобными слезинками, точно старая ведьма, у которой украли помело как раз в тот момент,

- Матеха или доказано,
что если проверить
правдоподобность ска-
зок, просто всяко,
до чего все неправдо-
подобно, а?...
Как по-твоему?

- По-моему,
проверить сказку
на правдоподобность можно.

когда она собралась вылететь в печную трубу! Ты не смейся, я правду говорю! Я очень противная... А как ты живешь?

— Все по-прежнему. У нас каждый день теперь четверг, собирается целая куча народа, и нам очень не хватает тебя, чтоб почитать нам...

— Ты думаешь: сказки? С этим все кончено. Я ненавижу сказки. Я их позабыла и никогда больше не вспомню. Я одумалась!

— Длинная у тебя была беседа с Мачехой?

— Ужасно длинная. Меня чуть не стошнило. И дедушка Ив, пока она все мне вдалбливала, так грустно кивал головой, ему за меня было стыдно, а она пилила как будто бы меня, а перепиливала-то его. И все я виновата.

— Вот насчет пилки я не совсем понял...

— Ах, это очень просто. Ему вовсе не хотелось меня пилить, он ведь добрый и меня любит, но она умеет сделать вид, что он тоже пилит меня. Она тянет за одну ручку, он за другую, а ему этого ужас до чего не хочется! И он мучается. Понял?

— Я знаю, ему не легко приходится.

— Хорошо еще, он не все знает. Она меня увела к себе в комнату, чтоб его не расстраивать,— сказала она,— и там мне показала, как это все выглядело на самом деле, когда я там выдрючивалась, в театре. Вот ужас-то!

— В театре? Там, по-моему, было все прекрасно.

— Ты же не видел. Это мы с тобой, двое, воображали, что всем интересно и дух захватывает, и все такое. А она мне показала, как это все выглядело по-настоящему, кто-то все заснял на обыкновенную пленку. И я увидела себя. Все во мне перевернулось от стыда. Сажу, у всех на виду, как идиотка, на каком-то облезлом кресле, одна на сцене, кругом голые доски. И вот, промямлю какую-нибудь фразочку, другую и совсем завяну, молчу-молчу и опять вякну. А из зала несется хохот, свистки, выкрики: «Стыд-позор, стыд-позор, уберите девчонку!..» А я не слышу и вот дальше чего-то воображаю, сияю и тяну, все распинаюсь... О-й..

— Ты что, плачешь?

— Нет, это у меня такое хрюканье получается в горле, когда я вспоминаю: расселась и воображает! Фу! И платье под мышкой зашить не потрудились!

— Я сидел вместе со всеми в зале, но платья твоего я действительно видеть не мог, потому что я слеп. Однако я не глухой. В зале стояла тишина. Никто не кричал: «Стыд-позор!» Вообще никто ничего не кричал. Все затаив дыхание слушали и видели прекрасно всю повесть Тристана и Изольды и...

— Только не напоминай мне про них. Я-то как дура их так любила, волновалась за них, сочувствовала им, а теперь оказывается, их просто никогда и не было! Это же ясно: нет, и все!

— Откуда же может взяться то, чего нет?

— Откуда? Пустые выдумки! Пф-ф!

— Мачеха хорошо с тобой поработала, бедняжка!

— А раз это правда? Ведь она мне пленку показала. А пленка уж не сохнет. Уж она-то что видит, то и показывает.

— О, да, она увидит высокое дерево и показывает нам потом дерево, каким оно было в ту минуту. Но ведь на пленке не видно даже, каким оно было час назад, вчера или год назад. Пленка ничего не знает о том, как оно было маленьким ростком, не знает и того, кто много лет назад бережно посадил этот росток в землю. Так что ж пленка может узнать о человеке? Она снимает портрет некрасивого человека с растрепанной бородой или другого, чернявенького плюгавого человечка с бакенбардами, вот и все, что она может. Ей ведь не видно, что один из них создаст «Войну и мир», другой — «Евгения Онегина». Вот чего стоит твоя пленка!

— Ой, я чувствую, что ты опять мне задуливаешь голову!.. Да, я помню, как мы читали с тобой эту длинную прекрасную цепочку сказок, названную «Война и мир», и там была девочка, потом она стала девушкой, ее звали Наташа... Мы читали и воображали, как она жила. Давным-давно, в 1812 году, когда там была война... А жила она на самом деле? Была она или нет? Живая, настоящая?

— Такая же живая и настоящая, как десять тысяч Наташ, которые жили в 1812-м и в 2012 году и о которых бы мы ничего так и не узнали, если бы не было ее!

— Да-а, когда ты со мной говоришь, я опять начинаю путаться! А Мачеха ведь мне доказала, что стоит только трезво взвесить и проверить достоверность всех историй, о которых писали в бумажных книжках и сказках, просто видно, до чего все неправдоподобно. Неправдоподобно, а?.. Как по-твоему?

— По-моему, проверять сказку на правдоподобность так же нелепо, как требовать от дельфина зачета по арифметике, прежде чем допустить его к соревнованиям по плаванию. Арифметика не его дело. Пустите его в вольную воду, вот там он вам себя покажет.

Лали неуверенно рассмеялась:

— Ладно, я попробую думать о дельфинах... Да, знаешь, это секрет, но дедушка Ив, по-моему, решил меня отсюда потихоньку выпустить и переправить в загородный дом к Непомнику!

— Это будет чудесно! Мне так без тебя нехорошо!

— И мне тоже. Не знаю только, соглашаться ли, ведь это ему даром не пройдет. Она ему покажет пленку, и он будет кряхтеть, и краснеть, и собираться с силами, чтоб взбунтоваться, да только он не умеет бунтовать, вот беда!

ГЛАВА 22

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Лали стала думать о дельфине. Удивительное дело, стоит сказать себе: «Об этом и думать даже не смей!», как просто оторваться не можешь, ничего тебе в голову не лезет, кроме того самого, о чем «не смей!». А теперь вот твердо решила думать о дельфине, но все усилия ее были напрасны: не думалось.

Она смотрела, как снег падает за окнами, этот странный, неспешный, спокойный, неправдоподобный снег, откуда-то взявшийся задолго до зимы, задолго даже до осени. Он вдруг почему-то появился над городом, пошел в городе по всем улицам, и площадям, и мостам, пролетел мимо окон всех домов, всех этажей, старый, вечный, беззвучно объединяя людей, напоминая им, какая общая у них жизнь.

Лали невольно стала думать о снеге... Скатанный из двух шаров, большого и поменьше, снеговик с угольками вместо глаз и морковным носом ухмылялся, сидя посреди двора. Такой грозный в сказке, Дед Мороз маленьким беззлобным человечком примостился среди разноцветных зеркальных шариков и праздничных огоньков маленьких витых свечек на защипках, в гуще пахучих веток новогодней елки, опутанной стекающими с вершинки золотыми ручейками канители... Снег, кругом был снег!.. «Бразды пушистые взрывая»... Откуда это? — подумала Лали... — Ах, да... стихи!... И еще стихи... «Уж тёмно, в санки он садится»... Да, да... «Морозной пылью серебрится»... — дальше она великолепно помнила, стихи уже легко и празднично, как волшебные сани, заскользили будто вместе с ней самой.

Она мельком почувствовала, что, кажется, опять готова совсем «распутиться», но сани скользили в летящем стихотворном ритме, увлекая ее все быстрее, уже возникал из сверкающих, окутанных снежной пылью глубин уснувший темный город у замерзшей реки... И тут она услышала знакомое тишайшее, отдаленное живое жужжание, подняла голову и вдруг увидела невысоко у себя над головой три, потом больше и, наконец, двенадцать полушарий, обращенных срезами прямо на нее. Знакомые спиральки, цветные точки и непрерывно беззвучно пыхавшие взрывчики, такие крошечные, что и муравья бы не напугали, пыхни они у него перед самым носом, — все было знакомо Лали.

Истомленная одиночеством, молчанием, запутавшаяся в сомнениях, Лали ужасно обрадовалась, позабыла про стихи.

— О-о! А я думала, вы меня совсем бросили!

Полусферы жили, мерцали, жужжали тихонько.

— Ты нас совсем замучила, — тихо прозвучало в жужжащей тишине. — Почему ты совсем пропала, мы потеряли твой след!

Лали внимательно оглядела повисшие в воздухе над ней полусферы. Нет, голос исходил не от них.

— Пожалуйста, не пугайся, — немножко растягивая слова, мягко проговорил чей-то голос.

Лали глянула на установку связи — на этот давным-давно вышедший из строя и отключенный, громоздкий, старинный «орган» — и ахнула: мертвая машина всем своим видом показывала, что она ожила. Чутко вздрагивали стрелки десятков засветившихся циферблатов, датчиков, указателей.

— Где ты сидишь-то? — неуверенно спросила Лали, осматриваясь по сторонам.

— Я тут, только ты совсем не бойся.

— Заладил! Ничего я не боюсь. Как ты сюда пролез? Я же тут сижу взаперти.

— Мы тебя совсем потеряли. Ты так долго ничего не передавала.

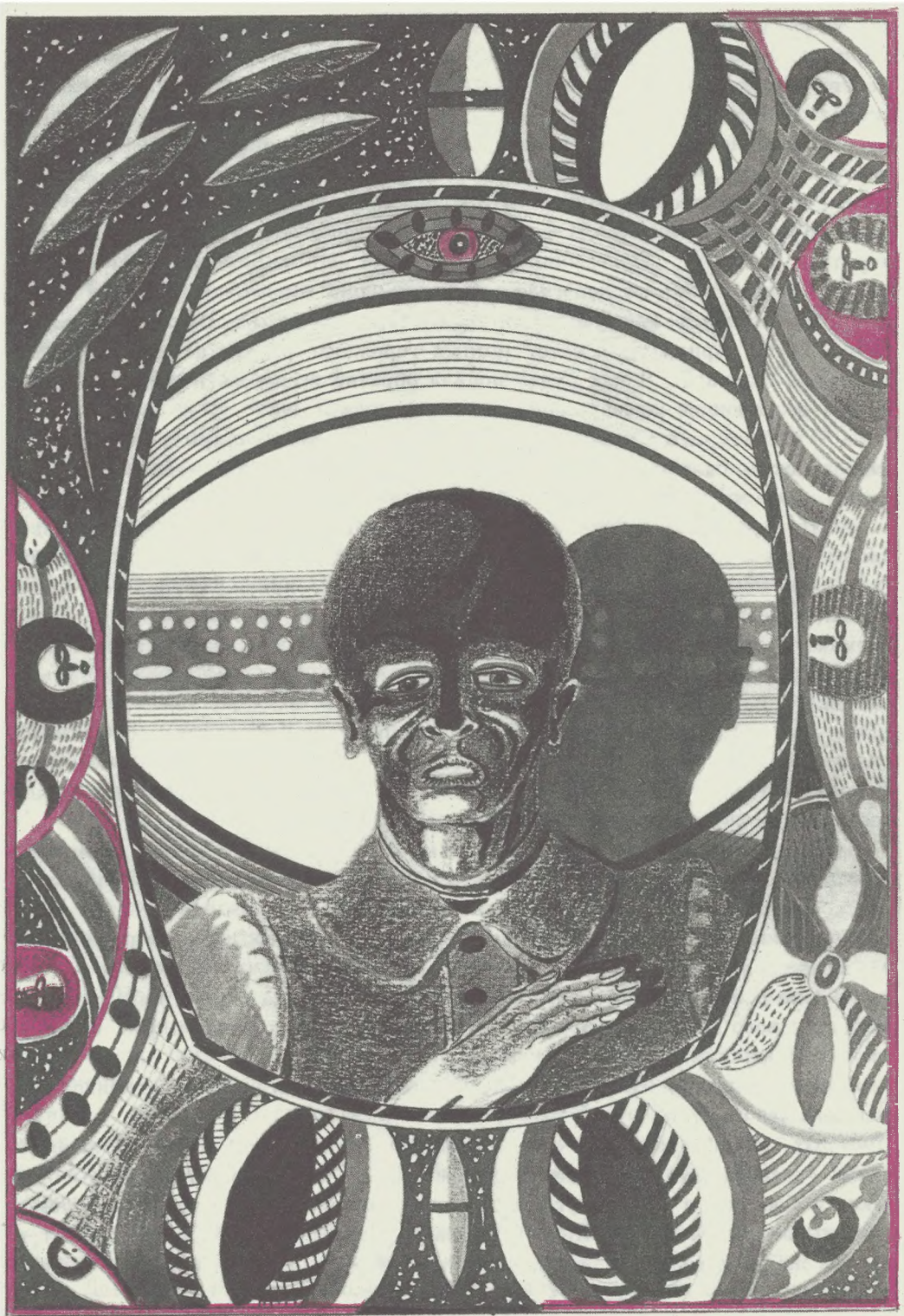
— Ты хочешь сказать: не рассказывала? С меня хватит. Из-за меня такие неприятности... Я тебя спрашиваю, кто ты такой и как сюда пролез? Это очень трудно.

— Как только ты как следует включилась, мы тебя сразу обнаружили. Если б ты не молчала, давно бы я был здесь.

— Что-то ты врешь. Я и сейчас ничего не говорила. Ну-ка, вылезай из своего угла. Ты что, туда, в компьютеры, забрался и запустил все стрелки? Как ты меня отыскал?

— Сперва появилась снежная баба, но довольно неясно. Потом мелькало много снега, елка, санки и, наконец-то, совсем отчетливо... Ты не совсем веришь? Ну, хочешь, я тебе самой покажу? Смотри.

И тут же Лали увидела, нет, не увидела, сама очутилась, возникла в бесконечно далеком городе, уснувшем в глубоких снегах, в глухой морозной тьме старинной ночной улицы темных, без единого огонька, домов. Только над одним подъездом какие-то прелестные своей нелепой, неуклюжей старинностью площадки коптели на уличном морозе фитильками. За освещенными квадратами цельных, без переплетов, окон, прозрачной, точно призрачной стеной отгородивших от ветра, тьмы и ледяной стужи, возникают, мелькают, плавно движутся, приседают, низко раскланиваются и вдруг пропадают тени, силуэты — важные, потешные, уродливые и очаровательные, и самое удивительное: радуги! По белому снегу радуги от этих, никогда ею не виданных и тем не сказанно заманчивых фонарей черных карет, и вот она уже слышит: «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник». Сейчас подлетит в санях он, Евгений... непростительно-несчастный, с кем Лали может помириться

только ради письма, которое ему написала бедная Таня. Как раз на этом месте Лали перестала скользить в стихах, заметила полушария и окликнула их. Теперь она во второй раз увидела и пережила все, что чувствовала три минуты назад.

— Все верно...— поежилась, нехотя соглашаясь, Лали.— Вообще-то я давно уже догадалась, что эти твои полушарики меня подслушивают. При них мне почему-то очень все легко дается. Они что, помогают, да?

— Помогают? Конечно. Очень помогают. Кроме того, это и усилители, и передатчики.

— Значит, когда я про себя нечаянно стала вспоминать «Евгения Онегина», тут-то ты сразу и услышал, куда меня запрятали?.. Ну это еще ладно. А то, что ты вернул меня в тот темный город, где радуги и тени в окнах и коптящие площадки?.. Я как будто попала обратно в свое воспоминание... Нет, второй раз прошла сквозь него, а?

— Ты сразу не поймешь... Представь себе, когда-то в старину была стереовидеозапись... считай, что мы ее снова видим, когда ты думаешь, представляешь, рассказываешь!

— Не такая уж я дура,— строптиво сказала Лали.— В старину все записывали в книги. Потом на пленку. А ты умеешь прямо, минуя пленки? От меня?

— Да, когда передача совсем чистая, сочная, яркая, хорошо организованная и четкая. У тебя полная чистота. Мы поздно тебя отыскиали, и теперь времени мало. У тебя большой запас новых передач? Надо торопиться. Только не волнуйся, а то, когда у тебя плохое настроение, вся передача смазывается.

— Да где ты прячешься-то?! Вылезай наружу, противно ведь разговаривать с какой-то стенкой, хоть по ней и суетятся всякие стрелки и черточки. Ты что? Очень уж страшный? Как зеленое чудовище? Если ты добрый, то ничего, я немножко испугаюсь и привыкну.

— Меня пока нет здесь. Я могу только разговаривать с тобой и принимать твои передачи. И я, конечно, вижу тебя. А ты видишь маленьких черненьких, как они работают?

— Ой, это ты их сюда напустил? Какие-то муравьишки тут копаются в установке связи.

— Они сейчас закончат. Все переоборудуют, и тогда я могу тебе показать. Вот и все. Теперь ты не пугайся, ладно? Дело в том, что я уже тут. Они все тут закончили.

— Ну-ка, постой. Все-таки предупреди, вроде чего ты покажешься. На человека ты похож?

— Ох, как вы задурили себе голову, тут, на Земле! «Зеленые человечки» в «кастрюляках». Вы себя считаете людьми и воображаете, что вы одни такие в Космосе и что вокруг вашей единственной, к тому же неуправляемой планеты все населено какими-то кактусами и осьминогами. Ну, так посмотри, мы так же не похожи на людей, как люди не похожи друг на друга... Добрый день!

Лали вдруг увидела, что от прежней установки связи ничего не осталось, только нечто вроде вполне безобидного неглубокого грота из матового, чуть серебристого металла. И посреди этого грота на какой-то сетчатой штучке, похожей на гамак, чуть покачивался и молча улыбался ей смуглый, гладко выбритый человек с миндалевидными глазами. На нем очень нелепо выглядел зеленый суконный камзолчик и широкие штаны, засунутые в толстые чулки. Здоровенные туфли его были застегнуты серебряными пряжками.

— Ой... Ну и ну! — изумленно ахнула Лали. — Откуда ты такой взялся? У вас там на планете, что же, чуть ли не средние века?

— Ах, это! Ты же сама часто показывала нам гномов. Они всегда получались у тебя очень симпатичными. Я так и оделся для первого раза, чтоб тебя не испугать.

— Да ведь ты совсем человек!

— Да ведь и ты тоже! Теперь мы вместе можем вести передачи до самой последней минуты, пока катастрофа не обрушится на вашу планету. Я, знаешь ли, решил остаться с тобой до конца, так что мы погибнем вместе и одновременно. Мне никто не приказывал. Это я сам так решил. Ничего не поделаешь, ведь вы — развивающаяся планета! Прошли век металлов, век электричества, век пластмасс, химии, электроники и так далее, но ведь вы все еще живете на неуправляемом космическом корабле и не умеете избегать катастроф.

— А вы умеете?

— Конечно. Мы задолго предвидим все возможности и всегда можем принять нужные меры. Да они не каждый миллиард лет и случаются!.. Наш космический корабль уже давно управляем... Ах, если бы ваши ученые сумели вовремя заинтересовать своей информацией наших исследователей! Все могло бы быть по-другому. Вас можно было бы спасти!

— Что же они могли сделать? Посадить нас всех в ракету и увезти к себе?

— Нет, это древний, кустарный способ. Когда-то, миллионы лет назад, наши предки, правда, им воспользовались. Они тогда тоже еще не умели изменять орбиты небольших планет, но спасти свою-то цивилизацию они сумели. Перенесли жизнь на Новую, вовремя предвидя надвигающуюся катастрофу... Но у вас-то теперь время уже упущено, ах, сколько времени зря упущено, пока ваши чудачи все предлагали поделиться с нами своими техническими секретами. Старались нас удивить прекрасными, но такими древними достижениями, своими первыми, достойными всяческого уважения, смелыми шагами в познании Космоса и самой природы! И это тогда, когда у вас в руках была такая ценность! Чтоб ее спасти, мы бы попытались... Да нет, если б было достаточно времени, мы бы могли отклонить обе орбиты — Земли и черной кометы.

— Вас же об этом просили, а вы, как свиньи, отвечали: «Нет заинтересованности». Уперлись и перестали отвечать.

— Да, так было. Так было, — горестно кивнул человек в камзолчике. —

Я виноват, я передавал фиксации твоих пестрых сказок, и они, как вся информация о Земле, шли в склады-архивы для последующей расшифровки и обработки. А там считали, что спешить с этим нечего. Земля снова, во второй раз, превратится в безжизненное тело, но пройдут опять миллиарды лет, и возродятся, разовьются на ней разные формы жизни, а мы, не торопясь, систематизируем всю массу накопленного материала.

И вот вдруг все перевернулось...

ГЛАВА 23

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Устарелые, громоздкие установки связи, очень похожие на целый ряд старинных органов, расставленных цепочкой по бесконечным залам, перестали существовать. Их просто не стало. Только в одном уголке еще копошились с невероятной быстротой черные существа, казавшиеся Лали чем-то вроде муравьев.

— Слушай-ка, — сказала Лали, провожая глазами последних, исчезающих прямо в воздухе. — Это у тебя что? Такие малюсенькие роботики? Здорово они тут поработали!.. Да, кстати, мы вот уже который день болтаем, а я не знаю, как тебя зовут?

— У нас нет имен... Во всяком случае, не было... Зачем имена? У нас есть у каждого свой позывной код, который нельзя спутать даже во время пребывания в далеких районах Космоса. Но ты можешь, если хочешь, меня как-нибудь называть. Возьми что-нибудь из этих твоих... как вы называете, сказок, а?

— Ну, из какой? Я сначала думала, что ты покажешься мне каким-нибудь... ну, вроде зеленого чудовища... А ты просто небольшой человек. У нас бывают и меньше... Я тебя Чудиком буду называть, ладно?

— Хорошо, Чудик.

— А твои муравьишки-роботики исчезли.

— У нас совсем нет роботов. Это просто специально построенные существа для выполнения определенных задач... Если ты не устала, давай начнем еще одну сказку. Знаешь, с меня настойчиво требуют. Просто ужас что творится.

— Чудик, а ты не выдумываешь? Меня правда кто-нибудь еще слушает, кроме тебя, когда я тут читаю эти истории? Если хочешь знать, я устала. Расскажи-ка мне ты, в чем тут дело. Только не хитри и не говори, что я этого не пойму. Ты говори так, чтоб я поняла!

— Я объясню просто. Много ваших земных лет мы вели программу исследования жизни вашей планеты... Видишь, я стараюсь говорить вашими словами, все называть принятыми у вас названиями... Так вот... назовем так: мой экипаж обнаружил среди бесчисленных других передач одну, очень отчетли-

вую, чистую и совсем необычную. Мы стали ее принимать и... ну, как тебе объяснить, записывать, фиксировать, сохранять в целости. Мы сами-то в экипаже не занимаемся анализом, а все пересылаем дальше. Однако мы видим все, что передаем, и тут начались кое-какие странности, и мне пришлось послать усилители... Ну, ты их ведь сразу заметила?

— Полушарики-то? Еще бы их не заметить. У меня в голове делалось как-то легко и ярко сразу, как только они повисали надо мной.

— Да, да, они берут информацию без звуковых сигналов, очень чуткие, передают объемно все, даже музыку, которую ты слышишь: не звуки, а то, как ты ее воспринимаешь... Так вот, мы сначала весь материал отправляли, а сами не могли разобраться, в чем дело. И вот однажды мне пришлось сообщить, что с частью экипажа что-то неладно: некоторые вдруг стали издавать какие-то прерывистые звуки, вызванные судорожными толчками диафрагмы. Я почувствовал, что это передается и мне. Ты рассказывала сказку. Мы впервые столкнулись с таким явлением. У вас это называется «смех». Оказывается, мы смеялись... Теперь-то я знаю.

— Постой-постой!.. Что же это, ты хочешь меня уверить, что вы на вашей дивной планете никогда не смеетесь? Вот уж не поверю.

— Это так. Над чем мы могли смеяться? Над зайчонком, вскочившим в лисью нору? Да у нас ведь не было никогда ни одного зайца, ни единой лисички, хотя мы знали их изображения. Они казались нам бессмысленными.

— Ни зайчонка?.. Ни собачонки? Ну и планетка!

— Естественно. У нас нет никаких животных. Мы узнали об их существовании, только исследуя вашу планету. Но сразу же стала ясна нелепость и полная нецелесообразность пользоваться ими для добывания из них пищевых белков, каких-то мохнатых шкур, как это делалось недавно на вашей чудовищно несовершенной и беспорядочной планете. Над чем могли мы смеяться, когда у нас все упорядочено, в норме? Все причины для недоразумений мгновенно устраняются, прежде чем они могут произвести какое-то воздействие на человека.

— Постой-постой! Ну а если злой толстяк шлепнулся в лужу, никто бы не улыбнулся?

— Он не мог бы упасть, его вовремя скорректировало бы соответствующее приспособление.

— Но если бы было темно?

— У нас не бывает темноты. Всегда ровное, целесообразно отрегулированное освещение.

— Как прекрасно! Взбеситься от такой жизни можно! То-то вы могли спокойно наблюдать и дожидаться, когда целая планета превратится в обугленный шарик?

— Это вполне закономерно. Планеты сталкиваются изредка с другими космическими телами. Все шло нормально, пока у нас на борту не началось нечто, что мы сочли легкой эпидемией. Но самое непонятное: она нам стала нравиться! Это было так необычно! По нашему тревожному сигналу

специалисты провели научную проверку: отобрали двести вполне идентичных детей. Одной группе в сто человек показали со всей ясностью и пояснениями последний период, годы и месяцы жизни на Земле, показали, как должна закончиться жизнь, и все сто детей сохранили полное спокойствие, и уравновешенность, и равнодушие, как и следовало ожидать от нормальных детей. Второй группе, тоже из ста человек, полностью представили подборку из твоих передач, от самых простых к более сложным. Сначала они ничего не понимали, да и как могло быть иначе? Они видели то, что видела ты, чувствовали то, что чувствовала ты, а они ничего этого не умели... Ну, короче, началось волнение, испуг, радость, и кончилось все полным беспорядком: они начали смеяться, они плакали, и тому подобное. Их быстро изолировали, а на их место пригласили уравновешенную контрольную группу. Но та показала себя еще хуже: подумай только, они скучали, когда им вполне убедительно показывали, как прекратится жизнь на целой планете, а теперь вскрикивали от восторга, когда какой-то царевич Гвидон, спасая Лебедь белую, сбил злодея-коршуна! Им дела не было до какой-то Земли, на которой они видели целые стада коз, но они замирали от ужаса, когда какого-то одного-единственного Серого козлика люди хотели зарезать!.. Это так странно!

— Ну и чудики же вы, право! — еле переводя дыхание, охнула Лали. — Как же это могло получиться? Вы ведь не совсем такие тупые?

— Я тебе объясню потом. А сейчас мне покоя не дают. Они там взбунтовались, требуют еще и еще коротких и длинных твоих историй. Пожалуйста, давай начнем поскорее передачу, ведь Срок приближается. Многого мы не успеем. И когда я об этом подумаю, а я все время об этом думаю, мне вдруг так жалко, что все кончится, и ты, Лали, тоже... Знаешь, весь наш экипаж... Да что там экипаж! Оказывается, я сам тоже научился. Сам не заметил, как это произошло! Вдруг понял, что уже умею.

— Что же ты умеешь, а, Чудик?.. Что с тобой?

— Ага. Вот это теперь я и умею!

— Ой, не надо плакать, Чудинька! Чего ты? Ты боишься оставаться с нами? Ну, так улетай со своей «кастрюлькой», пока еще не поздно. Ведь это можно?

— Весь экипаж принял решение. Остаемся с тобой до конца. Будем вести передачу до последней секунды.

— Тогда чего же ты?

— Тебя нам жалко! Тебя!

— Да разве во мне дело?.. А другие люди? А сказки?

ГЛАВА 24

ОФФИ

— Листики с моего календаря облетают, как осенние листья на ветру, — задумчиво улыбаясь, проговорила Прекрасная Дама, покачиваясь в кресле на террасе. — Он стал у меня совсем тощенький, бедняжка.

Обычное четверговое собрание, выпавшее на субботу, решено было созвать в загородном убежище Непомника. И сейчас он увел небольшую толпу ребят на дальний участок — знакомить со своими животными.

Кроме постоянных участников четвергов, на террасе присутствовал только Финстер. Сью-Сиу тоже явился, но он валялся недалеко, на лугу в некошенной траве, окруженный ребятами, среди клевера, колокольчиков, одуванчиков, жуков, кузнечиков, под жужжание пчел. Он только что, ловко накрыв ладонью, поймал кузнечика; с гордостью показал всем, какой ему попался красавчик, и отпустил его. Тот стреканул через голову Сью-Сиу и исчез в родном густом травяном лесу.

— Глядя на них, слыша, как они смеются над кузнечиком, — задумчиво сказал Розовый Нос, — можно подумать, что эти дети не видали в жизни ни одной ракеты: они похожи на ребят, которые жили тысячу лет назад.

— Шарик-шарик... Ма-а-аленький шарик! — нежно просюсюкал попугай и вкрадчиво предложил: — А давай сойдем? — Стуча жесткими лапками, он суетливо, боком, перебрался с одного конца своей жердочки на другой и нервно заспешил обратно.

— Удивительная у него манера подслушивать разговоры и потом все выставлять в вульгарном свете! — холодно, пожимая плечами, сказал Финстер. — Да, мы говорили час тому назад о нашем... нет, я не назову это вслух, а то он сейчас же начнет передразнивать... говорили мы о том, что на одной из маленьких планет, одного из миллионов созвездий, на протяжении довольно короткого отрезка времени живут человеческие существа, которые воображали почему-то себя центром Вселенной.

— Лев — царь зверей. Человек — царь природы! — провозгласил дурашливым тоном Розовый Нос. — Звучит одинаково глупо!

— Да, да! Удивительное своей нелепостью заблуждение. Человек сам есть часть природы, он и не существует вне ее. А вот, что он целые столетия обращал-

ся с остальной природой как нерасчетливо жадный и безнаказанный захватчик с завоеванной страной, — это правда, к сожалению.

— Да, да, — вмешался Чемпион. — Я не очень-то силен... Кажется, были философы, просто-напросто утверждавшие, что животные — это машины?

— О да, великие философы додумались до этой истины. Доказательства были очень просты: они не такие, как мы! У них нет нашего разума, нет души...

Прат своим тихим голосом напомнил:

— Мало того, самые цивилизованные народы долгое время считали опасными дураками тех, кто утверждал, будто люди с другим цветом кожи могут считаться настоящими людьми.

— Белые тоже преспокойно считали себя вправе продавать других белых за деньги, бить или убивать только потому, что те назывались рабами, а то и просто принадлежали к другой ветви той же религии.

— Мы-то ведь помним то время, когда люди, начисто повырубив леса, погубив реки и моря, воду и воздух, опомнились только, когда заметили, что им уже и дышать становится нечем.

— Опомнились! Удивительно только, сколько времени понадобилось людям, чтоб понять эту простую истину: живут они в природе, сами они — природа и, погубив ее, погубят себя! Понять, что дерево, ручей, зверек, цветок в траве, камень, рыбешка, звезды, животное — все это природа, к которой мы сами принадлежим и вне которой мы не можем существовать.

— Но удивительно мудрые философы, преисполненные человеческого чванства, нас долго и тупо убеждали, что объектом сочувствия для нас может быть только человек. И люди очень долго даже стеснялись и скрывали, стыдясь своего сочувствия к животным. Люди не понимали своей ответственности за все живое, которая лежит на человеке... И вот в наши дни, наши последние дни, из глубин Космоса мы получаем прощальный урок: для планеты Новой мы сами оказались чужими, не вызывающими никакого сочувствия, может быть, несовершенными, не настоящими, то есть не такими, как они, людьми! У них нет никакого чувства ответственности, чувства братства к чужой жизни. Они выше нас, они видят нас как объект исследования под микроскопом. Мы их интересуем, но нашу жизнь они не считают частью своей жизни. Точно так, как думали об остальной природе люди столетия назад. Наша жизнь через их аппараты проходит как бы без цвета, без запаха, без звука, волнения, борьбы — как за толстыми, обесцвечивающими стеклами. Мы поднимаем флаг — сигнал SOS, они точно анализируют материю, размер, даже значение символов — букв, но это их трогает не больше, чем сообщение, что в галактике № 10029 вследствие взрыва стало одной звездой меньше.

— Что тут смешного! — неистово, точно его за хвост дернули, заорал попугай и заметался по террасе, подхватил на ходу большой кусок печенья и, вернувшись на свое место, ожесточенно стал его обгрызать с разных сторон.

На его клич с лужайки отозвался терьер. По дорожке, из глубины зарослей малины и ежевики, размеренно передвигая толстые ноги, шествовал совсем

небольшой бегемот, окруженный кучкой ребят. Они ободряюще похлопывали бегемота по задку, чтоб он не робел. Впрочем, он и сам вдруг прибавил шагу, заметив бассейн с фонтанчиками, опоясывающими его кольцом. Бегемот ввалился в воду под круговой душ, тотчас весь залоснился и замер, блаженно похрюкивая.

Страхивая с себя брызги, летевшие от бегемотика, на террасу поднялся Фрукти.

— Ну что? Ничего?.. Знаете, ребята интересуются. Пристают.

Прат отрицательно качнул головой:

— Сегодня ее не будет. Она занята.

— Потому что заперта? Да?

— Нет, она сама решила там задержаться.

— Если ее там насильно держат, мы сидеть сложа руки не будем. Я могу проломить крышу, и если кто-нибудь...

— Не надо ломать крышу. Она действительно занята важным делом и не хочет, сама не хочет оттуда выйти.

— Глупая старушонка,— ворчливо буркнул Фрукти, криво усмехаясь.— Если б это не вы мне говорили, я бы не поверил. Но раз вы, нечего делать. Пускай крыша остается, как есть... А долго еще она там будет сидеть? Нет? А поговорить с ней дадите, когда будет связь? Да? Смотрите: замечано! Точно!

Он отошел шагов на десять, сосредоточенно размышляя и все еще хмурясь. Потом круто повернулся, подошел снова к Прату и не без натуги выдавил:

— Значит, так... спасибо.

Старый Робот Прата плохо ориентировался в незнакомом месте. Он принес на подносе десять чашек чаю и две вазы печенья и отлично все расставил на столе. Но когда ему сказали, еще десять и еще десять, он растерялся и стал чашки расставлять вплотную одна к другой, как на полке в посудном магазине. Скоро весь стол был в чашках.

— Спасибо, все,— вежливо сказал Прат.— Чашки разберут сами, а печенье принеси все что есть. Да, всю коробку. Тут дети.

— В сущности, мне всегда нравились бегемоты,— сухо констатировал Финстер.

— Кто хочет чаю? — окликнула ребят Прекрасная Дама.

Чаю хотели решительно все, кроме бегемота и маленького терьера Роки, который вежливо, но настойчиво стал скрести лапкой руку Чемпиона, явно предлагая уступить ему свою чашку чая в обмен на двойную порцию печенья.

— Я стал относиться к ним с уважением после того, как впервые стал известен тот случай, когда один из них, я имею в виду бегемотов, вот так же, как будто благодушно и полусонно, как этот малыш в фонтане, дремал на берегу реки и вдруг заметил, что крокодил схватил антилопу и тащит ее в воду. Что было общего между тонконогой, нервной и легкой антилопой и тем грузным толстяком? Однако он почему-то вдруг бросился, вздымая фонтаны

бурлящей воды, и как бешеный налетел на крокодила, грозя его затоптать. Он отогнал крокодила. Подпихивая носом, если это у него называется носом, он помог антилопе отодвинуться подальше от края воды и потом долго стоял над ней, зализывая ее раны.

— Первоклассный бегемот!

— Выдающаяся бегемотина! — с жаром отозвались ребята, отрываясь от своих чашек чая, который они распивали, рассевшись на ступеньках террасы.

В воздухе заметно потемнело от быстро набегавшей тучи. Внезапно пошел снег. Странный снег, среди лета ложившийся широкой полосой и исчезающий без следа через несколько часов. За последние недели такой снег выпал не раз и никого уже не удивлял.

Через несколько минут, когда все вокруг побелело, на лужайке появился Непомник. Он издали приветливо помахал рукой своим гостям, но тут же, опустив голову, стал внимательно выбирать место, куда поставить ногу при следующем шаге. Вокруг него, забегая вперед, петляя, скрываясь в кустах и тотчас выныривая оттуда, суетилось множество самых разных мелких зверьков. Их и разглядеть-то было трудно. Только по тому, какое множество маленьких цепочек следов оставалось на снегу вокруг громадных следов от сапог Непомника, можно было понять, до чего их много и какие они разные.

На террасу Непомник, к общему удивлению, вошел совершенно один.

— Они дорогу знают. Все двери в доме ведь не закрываются, а на втором этаже и окна тоже. Последнее время они волнуются, все чувствуют, чего-то даже боятся на ночь оставаться в своих норках и гнездах. Их тянет к людям. Только утром они уходят из моего дома. Таких иногда увидишь, что диву даешься! Ночью у меня этого народа полным-полно, в постель хочешь лечь, а там уже устроились под одеялом!.. Ничего, они потом сторонятся, дают и мне место.— Он снял с себя куртку и удивительно осторожно повесил на гвоздь.— Наверно, там белки! — пояснил он, слегка похлопывая по карманам куртки.— И не заметил, когда они успели забраться. Впрочем, не в первый раз. Они тут ночевать решили. Понимаете, им теперь нравится, чтоб как можно больше людей было вокруг!

— Вот уж это меня совсем не удивляет,— своим прекрасным, как звук виолончели, голосом произнесла Дама.— Да разве нам всем хочется встречаться теперь как можно чаще не потому, что у нас на душе делается не так грустно и одиноко, когда мы все собираемся вместе: старые и малые!

— Ух ты! Малые! — фыркнул в чашку Телик.

— ...Старые и совсем еще не старые! — поправилась Дама.

— Ну, еще куда ни шло! — ехидно пискнула Оффи.

— Нашли время к словам придирааться. Вам дело говорят! — прикрикнул Фрукти.— Собираемся? Собираемся. И нечего вякать.

— Я совершенно согласен с нашим нестарым другом! Действительно, «вякать», как он выразился, сейчас как-то не время,— изысканно любезно заулыбался Сью-Сиу.— У нас есть наши общие и гораздо более значительные темы для обмена мнениями.

На минуту все замолчали, подумав об одном и том же — об общей, приближающейся беде. Попугай решил, что это ему предоставляется слово, затоптался от волнения и тягуче завел скрипучим голосом, с шутовской нежностью Петрушки, баюкающего куклу:

— Шарик-шарик... Ма-а-аленький шарик!..

— Вот именно, — согласился с ним Розовый Нос.

Конечно, даже те, кто весь день старался не думать, подумали о надвигающемся на шарик Сроке.

Растерянно хлопая ресницами, Кетик, запинаясь, спросил:

— Пойдите... Погодите... А как же? Вот его?.. Этого бегемотика тоже?.. Его тоже не будет?

Никто ему не ответил. Но тут вдруг в голос заревела Оффи:

— Ну... Он хоть большой!.. А того рогатого жучка, который там в траве ползал, по носу... щекотал? Что ж, и он... пропадет?.. — дала полный голос Оффи. Почему-то с жучком она примириться никак не могла.

— Да ведь тебя тоже не будет, что ж ты волнуешься, дуреха, — снисходительно потрепал ее по плечу Фрукти.

— Я-то ладно, — всхлипывала Оффи. — Он ведь так торопился, бежал куда-то, наверно... его там жду-ут!..

Прекрасная Дама вынула из сумочки носовой платок и молча протянула его девочке.

Та огрызнулась мокрым, хлюпающим голосом:

— Это чего?

— Так. Платок.

— У меня у самой десять штук! На что мне! — Оффи с силой протерла мокрые глаза грязными кулачками. — И вообще, я никогда не реву!.. Я не из тех...

— Просто высморкаться.

— Можно подумать, как будто... ну, давайте.

Она высморкалась, сложила платок и поспешно сунула его обратно в сумку Даме. Умяла на самое дно и отвернулась, как будто ничего и не было.

Мало-помалу все успокоилось. Шел снег. Хрустело печенье, и звякали чашки. Целая стая маленьких птичек с хохолками и очень длинными розовыми хвостиками промчалась в воздухе и скрылась в раскрытом окне второго этажа.

— Да! — заговорил Финстер. — Да!.. Безусловно, да! Действительно, так. Я определенно в эти тяжелые дни замечаю: в обществе множества наших нестарых друзей мне все представляется не в таком уж мрачном свете. Вы знаете, я свыше пятидесяти лет работаю в различных Центрах Связи. Мы все искали связи с иными планетами. Вышло не совсем так, как мы надеялись. Но последнее время у меня ощущение, что нам все-таки удалось установить прочную связь, взаимопонимание... словом, контакт между двумя планетами. Они плавали в некоем своем Космосе рядом, но отдельно. А сейчас мы как будто вместе. Мы старые, и вот эти ребята, извините...

— Валяйте, так нас и называйте, — великодушно разрешил Фрукти. — Вы тут что-то верно подметили.

— Спасибо, я так и буду вас называть при случае. Все началось с Лали. Когда мы были с ней в Башне. Я, старый, опытный, возможно, несколько... м-м... суховатый человек, руководитель Центра «Финстерхорн» — словом, обыкновенный человек, вдруг был просто обожжен чувством, что в то же время я и есть тот самый бедняга с ошейником на железной цепи. Мне стало невыносимо тяжело. Мне стало душно от железа на шее. Жестко лежать на камне. Испытал горькую обиду. Яростное возмущение. Глубокое братское сочувствие, как будто тот прикованный человек протянул мне через века какую-то нить связи времен. И я должен ее принять. И должен нести и передать ее дальше. И все это каким-то образом сумела так ослепительно ярко мне передать эта девочка! Девочка, которую зовут...

— Знаем, как ее зовут! — закричали со всех сторон. — Знаем! А где она? Вызовите ее!

— Право, не знаю... — нерешительно сказал Прат. — Я боюсь вмешаться не вовремя... Ну хорошо, не галдите, я попробую.

Он вынул из кармана и положил на стол коробочку, нерешительно протянул руки. Щелкнул рычажком и тихонько позвал:

— Лали!.. Лали!.. — подождал, послушал долгую минуту и отключился.

— Что такое?

— Что случилось?

— Ее там нет?

Прат поднял руку, останавливая шум:

— Тихо. Она там. Я слышал ее голос. Она занята, надо подождать.

В ответ охнул общий многоголосый вопль досады и разочарования.

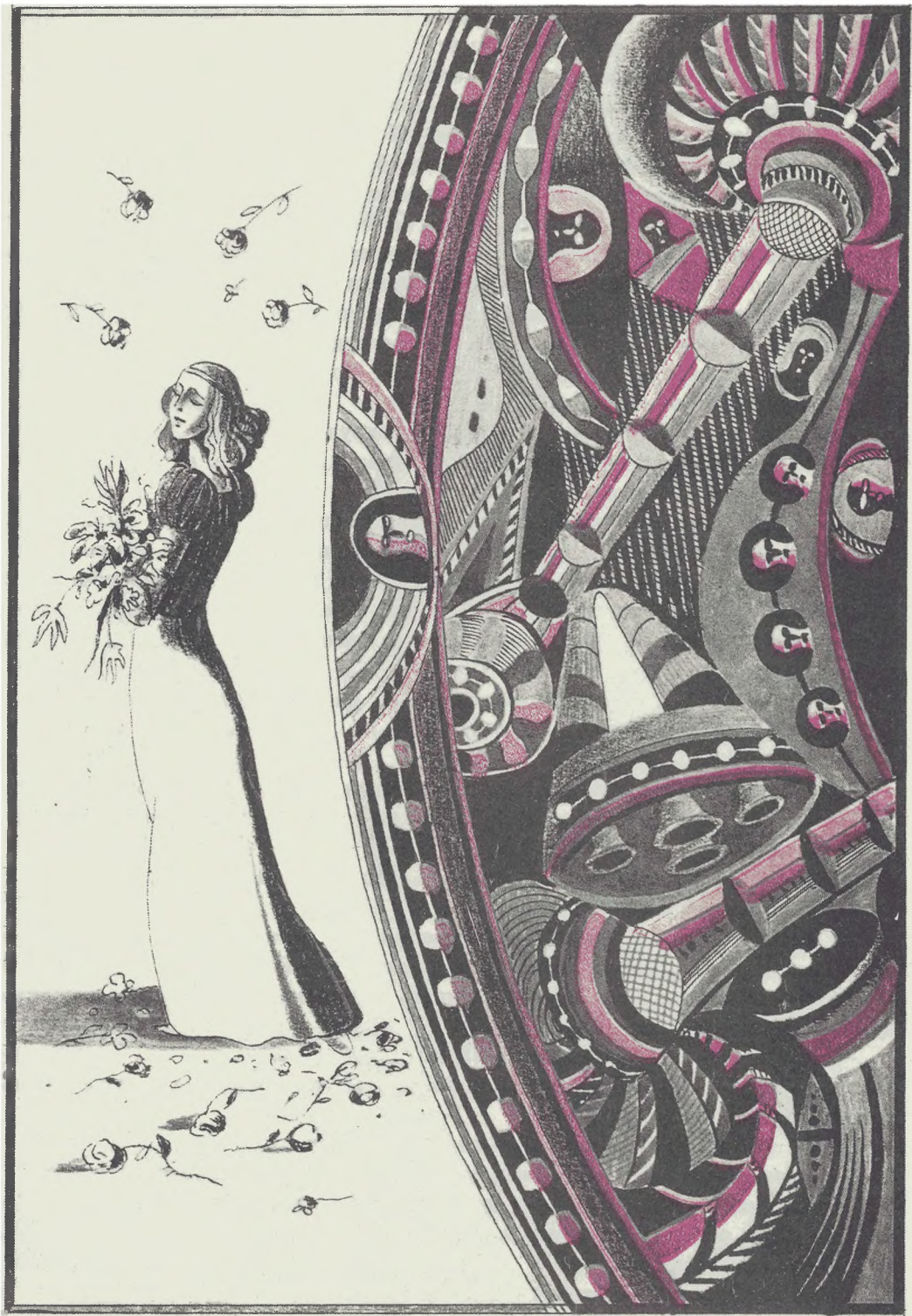
Как только все снова приутихло, все услышали тоненький, но довольно зычный голос Оффи. Она воскликнула:

— Эй!.. — дернула за ухо одну девочку. — Ну-ка! — ткнула в бок другую. — Эй, ты! — дала легкий подзатыльник третьей. Обратив на себя таким образом общее внимание, она пальцем указала прямо на Прекрасную Даму и с невыразимым изумлением без конца повторяла: — А я ее узнала!.. А вы? Откуда я могу ее узнать? Ну, откуда же я вас узнала? А, откуда?

Несмотря на то, что Оффи все еще держала палец, точно ствол пистолета, нацеленным прямо в лицо Прекрасной Дамы, несмотря на некоторую грубоватую прямолинейность и бесцеремонность вопросов, в них почему-то не было ничего обидного.

Задиристая, веснушчатая, одетая, как растрепанный мальчишка, Оффи, так лихо отличавшаяся в дурацких состязаниях по шнырянию на ракетках среди старых фабричных труб, была неузнаваема.

Она твердила на все лады без остановки: «Я вас узнала! Я вас узнала?», то недоверчиво прищурясь, то внимательно настораживаясь. Все ее маленькое веснушчатое лицо то попеременно вспыхивало от восторга, то гасло от разочарования, как будто перед ней в темноте чиркали и гасили быстро догорав-

шие спички. Наконец, точно последняя спичка так и не погасла, Оффи про-
сияла:

— Нет, точно, конечно же, это вы и были! Лали нам вас показывала!

— Ты хочешь сказать, Лали что-нибудь про меня вам рассказывала?..

— Нет! — задиристо оборвала Оффи. — Я всегда прямо так и говорю, что хочу сказать. Лали однажды нам всю эту историю показала. И теперь-то я вас узнала. Как сейчас вижу! Вы были в такой широкой шляпе с длинным пером, и все принимали вас за мальчика, никто не мог догадаться, что вы девочка, только страшно смелая и находчивая, и из-за этого так все там запуталось до чертиков: кто на ком хочет жениться и кто с кем будет драться на дуэли, и вы до того здорово добились в конце концов своего, что я мечтала стать хоть немножко вроде вас... Ага! Моя мама тоже откуда-то знала всю эту историю. Только рассказывала не очень-то интересно... Пока нам Лали не рассказала, тогда-то мы все и поняли. Верно!

— Ну да, ну да! — энергично закивали подружки Оффи.

— Знаю, что да, заткнитесь, дайте я доскажу... Смешно, конечно, об этом объявлять, да уж все равно. Моя мама, знаете, ух как вас любила, только она умерла и не успела мне много рассказать. Она говорила, что вы были очень красивая... ну да, как тот... девочка-мальчик в шляпе с пером. И что вы ужасно хорошо умели показывать... или представлять, ну, будто прямо почти как Лали. Хотите, я вам скажу, почему она меня так назвала: Оффи? Из-за вас! Честное слово. Она мне сама говорила!.. Что скажете? Вы были когда-нибудь Оффи?

— Вероятно, твоя мама видела меня в каком-нибудь старом фильме.

— Отчего же я Оффи?

— Может быть, Офелия?

— В точку! Значит, это вы и были. Вот здорово! Значит, вы были и эта... Офелия тоже?.. Мама рассказывала... Ой, как мне это жалко, что... вам теперь... больше лет!

— Напрасно ты стесняешься сказать, что я старая, Оффи, в этом нет решительно ничего для меня обидного.

— Да как же не обидно? Мама говорила, что эти, как их, ну, которые пишут все в рифму, поэты, в стихах вас называли «Прекрасная Дама», разве не обидно — ведь вас не могут уже увидеть, какая вы были тогда. Уже никто не напишет про вас больше!

— Зачем? — улыбнулась старая Прекрасная Дама. — Ведь они уже написали! Достаточно только самой знать, сделала ли ты в жизни хоть что-нибудь хорошее или ничего. Вот и все.

— Вы так думаете? — вдумчиво спросила Оффи.

Чемпион оглядел девочку и как-то нехотя, снисходительно пояснил:

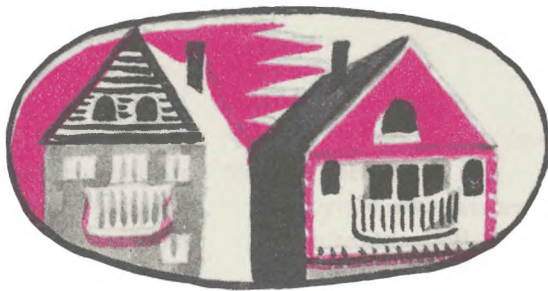
— Понимаешь ли, спортсмена ценят только по взлету его высшего достижения. И вот оно уже остается за ним навсегда. На всю его жизнь... Может, про спорт это тут некстати?..

— Ничего, ничего, совсем не так плохо сказано. — Непомник подошел и

тихонько потянул Оффи за рукав.— Вот мой совет, девочка! По секрету: никогда не надо пытаться мерить музыку на метры или живопись на килограммы. Ничего не получится. Также нелепо задавать вопрос, сколько лет тому, кто написал «Гамлета» или — сколько лет той, которая некогда была и действительно стала Офелией. Им нет лет. Они не могут состариться так же, как девочке Джульетте вечно будет пятнадцать, и вечно жизнь ее будет в весеннем цвету. Вечно! Во всяком случае, до тех пор, пока люди останутся людьми!

— Так давайте и останемся людьми! — Прекрасная Дама, смеясь, с влажными глазами протянула Непомнику руку.

ГЛАВА 25

ИСТОРИЯ НЕПОМНИКА

— А почему у него такая чудная фамилия? Таких даже не бывает.

Непомник обернулся. Фрукты пытливо на него смотрел.

— О-о, конечно, у меня, по всей вероятности, была какая-то другая фамилия. Но к счастью, я ее совершенно не помню. А эта? Да ведь меня называют так только мои близкие друзья.

— Я бы могла рассказать, откуда взялась такая фамилия! — посмеиваясь, искоса глядя на Непомника, мягко проговорила Дама.

— Ой-ой-ой!.. До чего я этого не люблю... У меня полон дом некормленного народа, надо пойти поскорей их покормить... и вообще поболтать с ними, очень уж они волнуются... — договаривая на ходу, он бочком, бочком все пятился и затем, юркнув за дверь, вовсе исчез.

— До чего он не выносит вспоминать то, чего он не помнит! — восхищенно объявил Розовый Нос.

— Вы заметили, ребята, какой у него смуглый цвет лица?.. — кивнул на дверь, захлопнувшуюся за Непомником, Чемпион. — Прямо-таки совсем темный, верно? Вот она вам все объяснит!

— Очень просто. Он ведь южноамериканец. Он там родился и долго-долго жил еще в те времена, когда там были двадцать две или сорок три республики и в каждой сидело по диктатору. Некоторые из них были жестокими диктаторами. Другие очень жестокими. А третьи — просто извергами. Правда, время от времени их свержали, и тогда на месте кровавого изверга оказывался обыкновенный жестокий правитель. Но иногда получалось и наоборот.

Наш друг Непомник был совсем молодым человеком. Он был храбрым, горячим и не мог терпеть несправедливости, насилия и лжи. И он примкнул к группе заговорщиков, решивших свергнуть своего диктатора.

Среди города в одном доме они устроили штаб и склад оружия и стали расклеивать листовки. В них они обличали палачей и призывали народ к восстанию... И наш юный друг Непомник был схвачен полицией Хунты с этими листовками в руках. Его заперли в подzemелье и начали уговаривать выдать товарищей и назвать им дом, где спрятано оружие. Он отвечал: «Нет». Его

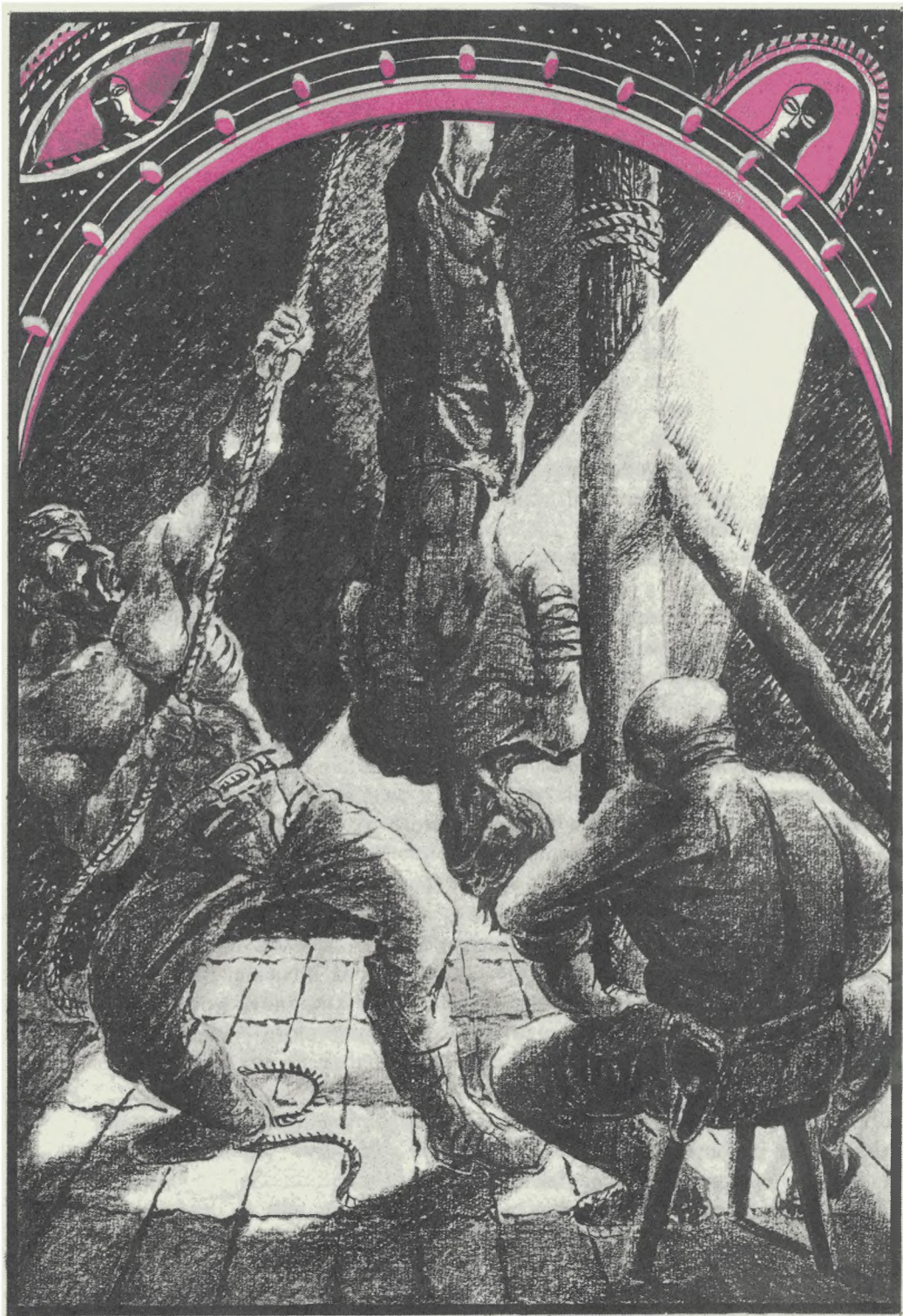
мучили и пытали до тех пор, пока он не почувствовал, что в голове у него начинает что-то смещаться, в особенности когда его подвешивали вниз головой к потолку. И вот тогда, на пятый или десятый день, он решил, что мало отвечать: «Не помню», «Не знаю», ему нужно действительно позабыть этот дом.

А дом этот красовался в его памяти так же ясно, как большая цветная фотография на стене. И вот тогда он начал его переделывать, чтоб позабыть. Прежде всего он взялся за зеленую черепичную крышу и изо всех сил заставил ее сделаться железной и стал перекрашивать в красный цвет, как все соседние дома. Это было очень трудно вначале. Зеленая все время всплывала у него перед глазами, и он с ней боролся, твердил: «Нет, ты красная!» И в конце концов он убедил себя: он увидел дом с красной железной крышей. Таким же образом он наглухо заделал круглое чердачное окошечко, украшенное барельефом из лавровых листьев, как веночком. Потом он сделал из четырех окон второго этажа шесть окон третьего. Он устроил четыре несуществующих балкона на втором, перекрасил весь дом, вместо крылечка придумал террасу и на месте грязного двора разбил зеленую лужайку, посреди которой посадил цветочки. Светло и радостно стало у него на душе, когда после долгих ночей упорной работы он убедился, что совсем уже не помнит того, что знал вначале, и перед ним маячит, как живой, совсем другой, созданный им домина в три этажа с балкончиками, терраской и лужайкой... Но рядом-то ведь была хижина, крытая тростником!.. Ну что ж! Он принялся за хижину. Вообразил на ее месте домик, каких были тысячи по всему городу, выбелил его и уснул счастливый. С этого дня, даже вися вверх ногами, он в полузабытьи, теряя сознание, начал невольно проговариваться к восторгу своих палачей. И они лихорадочно шныряли потом по всему городу, отыскивая зеленую лужайку с цветочками перед трехэтажным домом с красной крышей. Пересчитывали балконы на вторых этажах и так ничего и не могли найти: ни людей, ни оружия до того самого дня, когда толпы людей вышли на улицы и оружие начало стрелять.

Диктатор, к общей радости, был наконец свергнут, и на его месте оказался теперь некий Дон-Де, один из тех, кто скрывался в доме, который так мужественно и успешно старался в свое время позабыть наш Непомник.

Сам он, после того как народ освободил его из подвала, долгое время провалялся без памяти на соломенном тюфячке в хижине с тростниковой крышей, у какой-то старушки. Она отпаивала его настоями горьких трав и делала прохладные примочки на его распухшую голову до тех пор, пока однажды он не очнулся. И тогда он спросил: «Свергнут... или нет?» Ему ответили: «Диктатор свергнут!» Он прошептал «Ура!»... и снова потерял сознание, на этот раз от радости.

Так он пролежал еще целый месяц в хижине, у старушки, куда часто заходили соседи и соседки, и все они рассказывали про то, как наладилась в городе жизнь при новом президенте. И мало-помалу наш бедный Непомник убедился, что горести и невзгоды, тяжкий труд и бедность в домах под тростниковыми крышами остались те же, что были раньше. А страх и несправед-

ливость, с которыми клялись покончить, по-прежнему остались несправедливостью и страхом.

Тем временем в городе готовилось пышное торжество: в память свержения Хунты и годовщины правления Президента Дона-Де.

Войска в парадных мундирах выстроились шпалерами перед двухэтажным домом с зеленой черепичной крышей, единственным балкончиком и круглым чердачным оконцем с барельефом из лавровых листьев — здесь должен был быть открыт музей имени Дона-Де. Ведь именно в этом доме он бесстрашно скрывался, готовя переворот, когда его разыскивали кровожадные ищейки Хунты. Теперь этот дом должен был стать Национальным музеем. Ревели медные трубы, и бухали барабаны военного оркестра, солдаты стояли навтыжку, выпучив глаза. Президент Дон-Де в треуголке и белых штанах, обшитых широкой золотой тесьмой, сиял, принимая приветствия и раздавая награды своим прежним соратникам.

Бедный наш друг ничего не знал. К хижине подъехала машина, его усадили в нее и с почетом провезли по улицам. Наконец привезли к открывающемуся музею и поставили на ковровую дорожку, разостланную до самого крыльца, где стоял Президент, раздавая награды. С двух сторон его поддерживали под руки, потому что он был еще слаб. Ему шепнули, что вот сию минуту сам Президент вручит ему награду за мужество и стойкость — «Золотое солнце Справедливости». Его на ходу спросили репортеры, узнает ли он теперь этот великолепно отремонтированный дом? И он ответил:

«У того дома не было ни таких красивых солдат, ни громких оркестров, ни президентов в золотых парадных штанах. Нет, я не узнаю этого дома».

Его подвели к Президенту, и тот громко сказал толпившимся вокруг него журналистам:

«Вот, друзья, это один из самых стойких моих сподвижников! Вот уж кто поистине достоин ордена. Ты узнаешь меня, старый дружище, в моем новом мундире?» И он протянул руку и взял с подушечки большой, как блюдце, орден «Золотое солнце Справедливости», готовясь надеть его на голубой ленте на шею награжденного.

Но наш друг посмотрел в глаза Президенту и покачал головой.

«Нет,— сказал он,— я тебя больше не помню!»

И он повернулся и медленно, потому что у него еще болели ноги, ушел по голубому ковру, не оглядываясь...

Вот почему за ним осталось это странное имя: Непомник. Вы спрашивали. Теперь вы знаете,— тихо улыбнулась притихшим ребятам Прекрасная Дама.

ГЛАВА 26

НЕЛЕПОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ ПРИНЯТО!

Космос молчал, не отвечая на позывные всех Пунктов и Центров Земли. Срок приближался неотвратимо, люди это знали, а животные чувствовали.

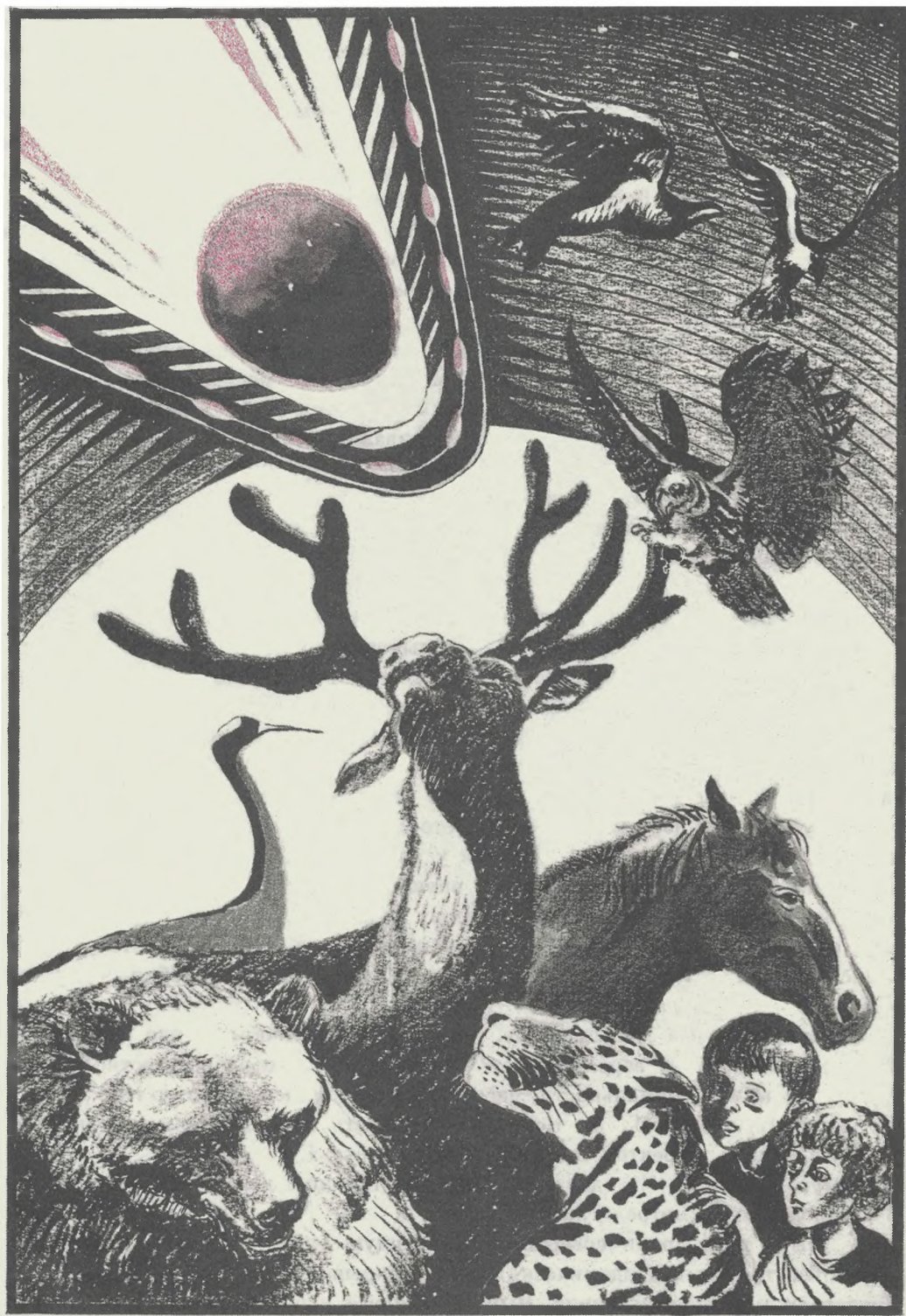
Все уже привыкли к тому, что животные ищут убежища у людей. Никого не удивляло, когда они отовсюду стекались поближе к человеческому жилью в какой-то смутной надежде найти спасенье около самых разумных и опасных, а может быть, и жестоких существ планеты.

Похоже было, как будто вся борьба, неприязнь, недоверие отступили перед общей бедой, и своим безошибочным инстинктом звери это чувствовали.

Прибрежные воды и заливы были полны дельфинами, подплывавшими прямо в руки людей, с немым вопросом всматриваясь своими умными маленькими глазками, будто спрашивая: «Что же это с нами делается? Что надвигается на нас?» Стаи присмиривших обезьян заполнили городские и пригородные парки; стада антилоп трусили мелкой рысцой, как цирковые лошадки, пробираясь по утихим улицам больших городов; антилопы и лоси вмешивались в домашние стада коров или овец; печальные жирафы просовывали головы в окна второго этажа городских домов; и люди находили утешение в том, чтобы кормить их хлебом и фруктами. Сбившиеся в необычные стайки лисицы жались в одной стороне большой площади, не обращая внимания на заячью стаю, с пугливой покорностью жевавших листья капустных кочанов, которые сваливали перед ними задумчиво усмехающиеся водители овощных самосвалов.

Никого теперь не могло удивить, если он, проснувшись в своей квартире, обнаруживал рядом со своей подушкой свернувшегося калачиком пушистого енота, целую стайку зеленых птичек, усыпавших люстру, а в кресле рядом выглядывавшую из-под пледа, угревшуюся там мартышку, которая по водосточной трубе забралась на десятый этаж.

Никому в голову не приходило гнать от себя внезапно появившуюся во дворе или в садике львиную семейку. Когда случалось такое, матери кричали из окна своим ребятишкам, игравшим во дворе:

— Эй, не видите, что ли? У нас же львы во дворе! Чего вы зевааете, они, может быть, есть хотят?

И львы безропотно дожидались своей очереди, когда дети из рук раздавали им еду.

Вся давняя, древняя вражда, предубеждения и распри, по мере приближения кометы, слабели и теряли свою силу, и все ярче, мощнее становилось для всех существ то, обычно непростительно забываемое людьми, главное, общее, что неразрывно связывает всех: их общая жизнь на одной планете.

И вот, в эти дни приближения Срока, когда никто ничему уже, казалось, и удивиться не мог, все директора Центров Связи «Земля—Космос» были все-таки изумлены.

Шло обычное, безотменное и безрезультатное заседание директоров. По всему земному шару в Центрах Связи в восемнадцати совершенно одинаковых круглых небольших залах, за одинаковыми круглыми столами сидело восемнадцать директоров, и все они учтиво обменивались мнениями, разместившись на соответствующих стереозэкранах. Все выглядело традиционно, совсем как на каком-нибудь старинном заседании.

Председатель, по обычаю, предложил обсудить текущие дела, но так как никакие дела по контактам никуда не текли и даже не двигались с места, было решено их не обсуждать.

— Что поделаешь? — сказала представительница Центра «Акангауга» в Андах (все ее звали просто Анда). — Мы выложили все, что у нас есть. У них по-прежнему «нет заинтересованности». Вот и все. Последнее странное их включение о «возможных отклонениях» ничем не подтверждается.

— Абсолютно ничем, — бесстрастно согласился Председатель. — Есть у кого-нибудь из уважаемых участников если не новая информация, то хотя бы соображения по поводу какой-либо непоступившей информации?

Все участники держались очень достойно, обмениваясь чопорными полупоклонами. Тревога и печаль, которая у каждого была на душе, совершенно не отражались на их лицах. Судя по внешнему виду, можно было предположить, что эти восемнадцать невозмутимых мужчин и женщин, смуглых и белых, совсем черных и желтых, молодых и пожилых, собрались, чтоб, не торопясь, обсудить какую-нибудь археологическую находку в гробнице царства Урарту или Ниневии.

— Никаких гипотез о передаче, которую Новая якобы от нас принимает, ни у кого из коллег, вероятно, нет? — равнодушно, но добросовестно исполняя до конца все формальности, рассеянно осведомился Председатель.

— Собственно, какое это теперь может иметь значение? — мягко заметил смуглый индеец, директор Центра «Попокатепетль».

И тут профессор Ив сделал легкий, но странно порывистый полупоклон. Все удивленно посмотрели на него.

— Мы в свое время совершили решающую ошибку, — очень сдержанно, самым бесстрастным академическим тоном, скрывая волнение, произнес Ив. — И сделали мы ее очень давно. Выкладывая все наши великие... для нашего

времени воистину великие достижения в электронике, бионике, астрофизике и тому подобное, мы непростительно упустили из виду, что есть одна-единственная область, где они действительно нуждаются в нас, где мы их опередили!.. Я предвидел все, что вы мне сейчас возразите. Предвижу бесконечные недоумения, вопросы, споры. Я со всей ответственностью предлагаю провести сегодня же совещание здесь, в моем зале. Собраться всем здесь, то есть сделать на ракетах необходимый часовой, полуторачасовой перелет. Я жду вас как гостей!

ГЛАВА 27

ЗАСЕДАНИЕ ПО-СТАРИННОМУ

С затихающим посвистыванием межконтинентальные ракеты одна за другой приземлялись на крыше Центра Связи.

Профессор Ив, как радушный хозяин, встречал гостей у подножия эскалатора, плавно спускающегося в залу приемов. С интересом осматриваясь, они неторопливо ступали на упругий, травяного цвета ковер. С легкими шутливыми и радостными восклицаниями многие впервые в жизни обменивались рукопожатиями. Долго вглядываться, узнавая друг друга, им не было надобности; десятки лет на сотнях заседаний, докладов, симпозиумов и конференций они часами сидели друг против друга. Многие были знакомы с ранней молодости и встречались теперь пожилыми людьми, учеными с мировой известностью, и все изучили каждую черточку лица и звук голоса друг друга, но только тут впервые в жизни протягивали друг другу руку. И таким непривычным и неожиданным было это живое прикосновение и пожатие рук, черных, белых, желтых, смуглых, сильных ручищ и сухих, как птичьи лапки, маленьких ручек, что к собственному удивлению лица ученых невольно расплывались в какой-то беспомощной детской приветливой и обрадованной улыбке, вовсе не предусмотренной программой встречи. До того непривычно было ощущение жесткости или бархатистой нежности женской руки, летучего запаха сигарного дымка или легких духов... Словом, удивительное это для них было сознание, что при желании можно протянуть руку еще раз и дотронуться до собеседника. Конечно, никому и в голову сделать такое не приходило, но от одного сознания, что это можно сделать, как-то теплее становилось у всех на душе. Наконец появился и сам Председатель. Сердечно, как и все, пожал по очереди всем собравшимся руку и тоже улыбнулся.

— Как бы там ни было, а удачная это была идея: собраться разок всем вместе. Ведь легко могло получиться, что вся наша научная деятельность подошла бы... к концу, а мы не успели, так сказать, развлечься... Побаловать себя вот таким... странным способом! — и, любезно обратившись снова к профессору Иву, величайший математик столетия, директор Центра «Килиманджаро» дружески подмигнул: — Может быть, вы собрали нас, чтобы удивить тем, что в последнее время отмечены кое-какие отклонения от орбиты?

Все сдержанно рассмеялись. Действительно, все Центры с некоторых пор отчетливо регистрировали некоторые отклонения Земли от орбиты. Но все понимали, что это могло бы заинтересовать только теоретиков-наблюдателей с Юпитера на ближайшие десятки лет.

Робби, которому тут было вовсе не место, прятался за спиной у профессора Ива, стараясь не обращать на себя внимания.

— Робби,— не оборачиваясь, тихо сказал профессор,— приготовь ужин всем собравшимся. И помни, мы угощаем весь земной шар. Покажи, на что ты способен! Опять ты переключаешься на вранье. Не трясись, Лали будет ужинать с нами.

Робби мгновенно утих и отрапортовал:

— Я способен! Хорошо сказано! — И забормотал: — Все насквозь просочится, пропитается с хрустящей корочкой, аромат не поддастся анализатору!..

— Теперь попрошу всех вместе со мной... Пойдемте!

Лифт нырнул вниз, потянулся длинный коридор перехода, другой лифт взвился вверх, все молча, покорно следовали за хозяином.

Бесшумно сработал электронный ключ, и раздвинулась дверь. Все, недоуменно переглянувшись, вошли в полутемное помещение.

Далеко впереди, в просторе громадного оперативного зала, в полутьме неярко светился и, как бы дыша, точно живой, слегка пульсировал, изменяя свою форму, перламутровый грот, многоцветно переливаясь золотисто-розовым светом.

В пестрых его отсветах, на подушках, брошенных прямо на ковер, полулежала девочка-подросток. В руках у нее была книга до того большая, что, упирая переплет об пол, ей приходилось широко держать руки.

Посреди светящегося грота покачивалось в гамаке весьма странное существо, в изумрудно-зеленом старинном кафтане, туфлях с серебряными пряжками и с довольно уродливой, но весьма добродушной физиономией. Синий колпак со свисающей кисточкой на конце не оставлял сомнения в том, что это гном из сказки о Белоснежке или какой-нибудь другой. Вернее сказать, его подобие, и довольно своеобразное, потому что гномик этот был никак не меньше, чем с трехэтажный дом ростом.

Над головой Лали, чуть слышно жужжа, мерцали своими перебегающими, то и дело беззвучно пыхающими точечками двенадцать полусфер. Но теперь в их жужжании слышалась едва различимая музыка, тревожная мелодийка неуверенно прокладывала себе дорогу, пробираясь, как струйка ручейка по песку, к новому руслу.

Лали молчала. Пухлая физиономия гномика-великана изображала жадное внимание и горестное изумление.

Столпившиеся у входа в оперативный зал ученые в недоумении, но с напряженным вниманием все это разглядывали. Терпеливо ждали.

— Да-а... — вдруг жалобно проговорила Лали, — до-олгие годы... Долгие, долгие годы (чудовищный гном понимающе тихонько закивал головой, причем все двенадцать пуговиц его шикарного желтого жилета налились разными

оттенками рубинового цвета).. Долгие годы прекрасная принцесса в темнице плела своими обожженными руками рубашки из крапивы, чтоб освободить своих заколдованных братьев!.. — Лали опять сделала долгую паузу. И всех ученых охватило какое-то неясное тягостное чувство тоски, одиночества или далекого воспоминания об одиночестве, как сами они впоследствии объясняли.

Лали молчала, но полусферы отчаянно работали, грот пульсировал, гномик-великан был весь в напряжении и ни мгновения не оставался неизменным, начиная от пухлой физиономии и кончая последней пуговицей жилетки.

Лали снова произносила вслух несколько слов и замолкала надолго, точно увлечена была напряженной работой: из одного-двух слов — «крапива», «облака»... «толпа» или «телега» — она создавала, лепила, строила весь окружающий эти слова мир. Из каких-то невесомых блоков, воздушных самоцветов строила и рушила замки, белых коней, площади, людские толпы, глаза и лица, лица, одухотворенные и искаженные ненавистью...

— ...И когда повезли ее в грубой телеге на позорную казнь сквозь бесновавшиеся толпы одуроченного народа...

Лали смолкла, как будто для того, чтоб получше разглядеть все, что видела перед собой: гогочущую толпу, запрудившую площадь древнего города, громыхающую грязную телегу, влекомую костлявой кобылой, и руки, обожженные, неумоимо плетущие тонкими пальцами жгучую крапиву...

— ...Ее ненавидели как разоблаченную мерзкую ведьму... проклинали... Над ней с отвращением насмехались, и путь ее к позорному костру уже подходил к концу, а она все плела седьмую рубашку, последнему, младшему брату... И надежды у нее почти не было, но она плела, когда ее подвезли к самому месту казни...

Невыносимо долго было молчание Лали. И вдруг, как выстрел в тишине, зазвенел ее ликующий голос:

— ...И что же? Ведь лебеди все-таки прилетели! Она верила, и они прилетели!

Лали выронила книгу и радостно рассмеялась со слезами на глазах.

Что-то произошло в зале, как будто все одновременно с облегчением вздохнули.

Гномик-великан исчез из своего грота.

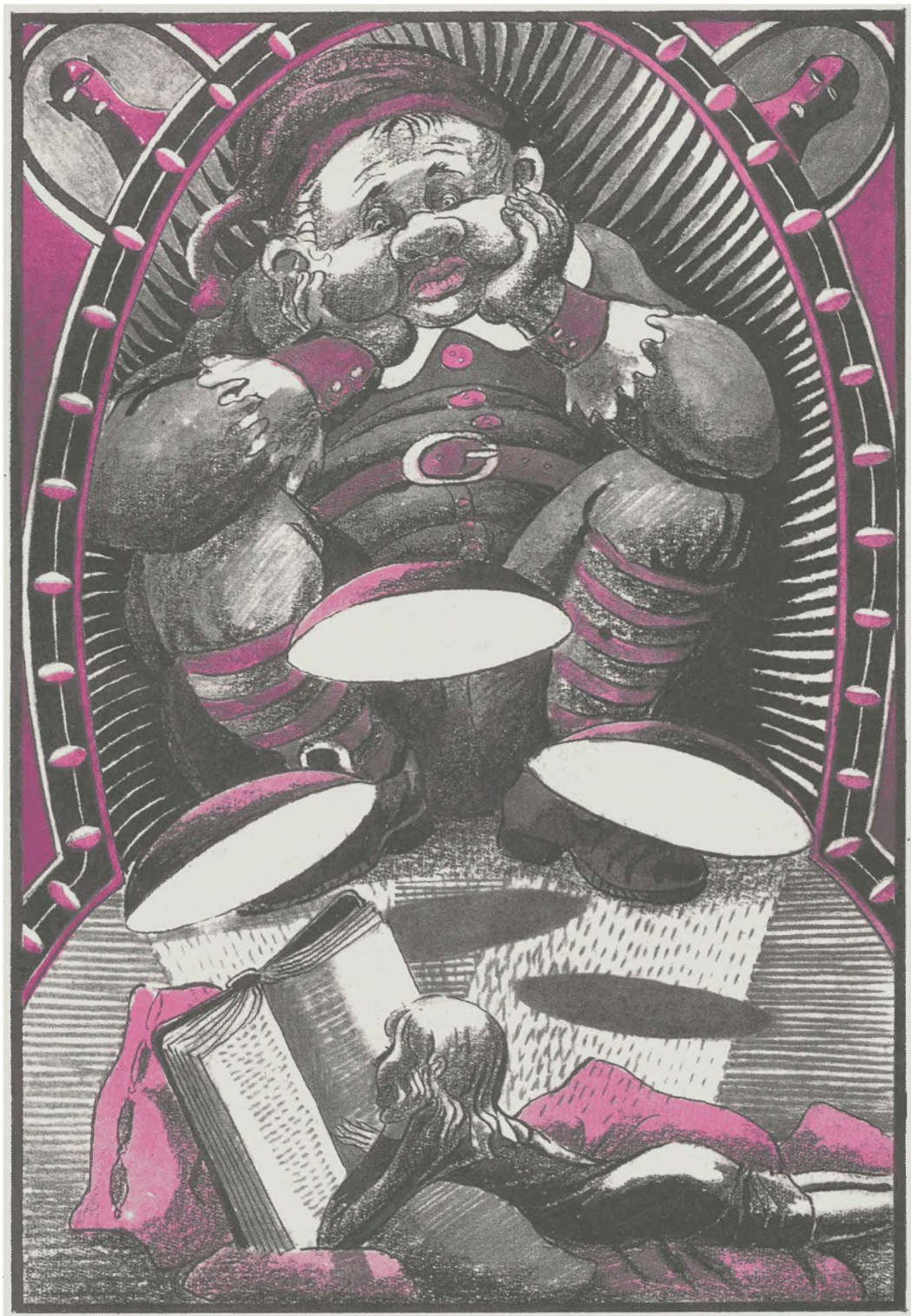
— Что здесь происходит? — растерянно спросил кто-то из группы ученых директоров.

Старый Сю-Сиу рассмеялся, и смех его был похож на звон колокольчика.

— Неужели кто-нибудь еще не понял? Да ведь она рассказывает им сказки!

— Это так! — бесстрастно подтвердил профессор Ив. — Проходите, пожалуйста, дальше.

— Тут, кажется, много народу? — поднимаясь с подушек навстречу гостям, щурясь и помаргивая, приветливо проговорила Лали. Она попробовала присесть в старинном реверансе, но ей и самой стало смешно. Плоховато он у нее получался.

— Признайтесь, вы испугались? — спросила высокая строгая дама, директор Центра «Ането» в Пиренеях.

— Нисколько! — внимательно взвешивая каждое слово, отозвался щупленький представитель «Кордильер». — Я испытал чувство страха. Возвышенное, очищенное от всего личного. Страх не за себя, а за нечто ценное, что вне меня и остается беззащитным... трудно выразить точно. Но испугаться? Нет!

— Да, да, я отчетливо ощутила, как жжется это растение... крапива, да? — вмешалась представительница «Акангауга». — Но мои руки не участвовали в этом. Не правда ли?

— Эта бедная черная девочка... — начал темнокожий директор «Килиманджаро».

— Разве она была черная? — удивился индеец, директор «Попокатепетль».

— Но ведь как будто она не была... совсем уж такой белой?

— Знаете, я тоже не уверен. По-видимому, каждый видел нечто свое. Может быть, это как прежде бывало в кино, после того, как посмотришь картину, которая тебя действительно взволновала, вдруг обнаруживаешь, что совсем не заметил, цветная она была или черно-белая.

— Вот-вот. Только после пустой картины ты никогда не спутаешь, была она раскрашена или нет.

— Лали, почему исчез твой... собеседник? — осведомился Ив.

— Не знаю... — И вдруг, точно услышав ответ, Лали договорила: — А он волнуется. Он очень чувствительный. Немножко застенчивый тоже.

— Я не совсем понял! — важно проговорил знаменитый ученый, директор «Монблана». Он сложил щепоткой два пальца и тихонько потирал, как будто поймал комара, и теперь внимательно и беспристрастно его исследовал. — Это неожиданное появление семи белых водоплавающих, в дальнейшем оказавшихся братьями?..

— Вы сказок не знаете? — сострадательно вздохнул Сью-Сиу.

— Конечно, в свое время! Изучал!..

— Да помилуйте, голубчик! — участливо вмешался профессор Финстер. — Разве это может помочь? Их надо вовремя услышать. Пока еще не затвердела корка на сердце ребенка и оно еще способно отзываться на прикосновение добрых и мудрых пальцев старинной сказки.

В это время у входа послышалось легкое, равномерное поскрипывание. На мгновение возник и исчез шустрый Робби. В зал медленно вошел Старый, поскрипывающий Робот, следом за ним неторопливо шел очень старый человек. Нельзя было заметить, что он слепой, так уверенно он двигался по неслышным сигналам своего Робота.

Лали с разбегу кинулась ему на шею. Торопливо ощупывая друг друга руками, они зашептались, радуясь и смеясь.

— А платье под мышкой ты так и не зашила! — точно узнав приятную новость, воскликнул Прат.

— Не-ет! — с плаксивым восторгом отвечала Лали.

ГЛАВА 28

ЛАЛИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЧУДИКА

Профессор Ив долго качал головой, нежно, но настойчиво время от времени постукивая Лали пальцем по затылку. Наконец она оглянулась.

— Лали, тут гости... Познакомьтесь, это Лали, а это мой... наш... родич Прат. Бывший руководитель Центра... Теперь, Лали, сядь! Сосредоточься. Приготовься все объяснить собравшимся. Ну, с кем ты тут... общалась? Все подробно!

— Хорошо, хорошо!.. Про Чудика? Он не против, я все могу объяснить, конечно, что сама поняла. Да, правда, они просят сказок, я им и рассказываю. Им почему-то нравится.

— Простите, кому «им», кто «они»? — строго спросил директор «Монблана».

— Ну, это-то всякому ясно! Им: Космосу, «кастрюлькам», планете Новая, по-нашему! — укоризненно отвечали ему со всех сторон.

— Вы только не смейтесь, я ведь сама не очень-то много понимаю. До чего ужасно получилось, ведь всего еще год-два тому назад было совсем не поздно. Он мне подробно рассказал, ведь они спокойно могли спихнуть эту суперкомуету немножко в сторону, и ничто не угрожало бы нашей Земле. Но они были такие тупые! Представить невозможно, до чего... Им в голову не приходило выручать из беды чью-то чужую планету! Им это казалось полной бессмыслицей! Зачем? Их интересовала только проверка кое-каких подробностей. Он вам может все объяснить. Сейчас-то он не хочет. Видите? Исчез! Смущается... Да вот он уже мне начинает немножко подсказывать — я попробую объяснить.

— Простите, — напряженно хмурясь, прервал ее директор «Монблана», — каким образом могло получиться, что цивилизация, насколько, как нам известно, высокоразвитая, запрашивает у вас информацию по такому азбучно-примитивному вопросу? Сказки, вы говорите? Да если на то пошло, что ж у них своих высокоразвитых сказок нет?

— Ну да, я же вам об том и толкую. Правда, они теперь раскопали кое-какие древнейшие записи, хотя прежде считали их совершенно бессмысленными, да они и были бессмысленны. Как непроявленная пленка, если ее по-

жевать и попробовать на вкус... Они пробовали анализировать древние записи, и ничего у них не получилось, у бедных. Они просто совершенно не знали азбуки, самого начала всего: как люди любят, жалеют, мечтают, страдают, жертвуют собой, везде и всегда, в избушке Бабы-Яги и в межпланетной ракете. И им ужасно интересно стало следить, как я все это расшифровываю: они стали переживать то же, что и я. Они все стали понимать. Ну, вот такие нерасшифрованные записи у них были: «Некое существо К. Ш., направляясь с целью транспортировки небольшого количества пищевых белков и углеводов другому существу Б., было на пути обнаружено существом иного разряда В. В результате чего В. удалось при помощи подмена собою Б. поглотить существо К. Ш. и т. д.». Я им раза четыре подробно рассказала и еле-еле втолковала, что это была девочка, Красная Шапочка, и как она шла через темный лес с корзиночкой к своей Бабушке, и про злобного Волка, и все прочее, пока наконец они хоть немножко заинтересовались, стали пугаться, сочувствовать и радоваться, как я сама, а потом я заметила, что они всюду за мной посылают свои полушария и оказывается, начали весь материал сразу же передавать к себе на Новую, и там они теперь просто захлебываются: дай им еще и еще... Чудик тоже был тупой, как пень, теперь все с полуслова схватывает, ведь самое трудное было — начать... Это как будто мы с ним вместе домик строили, а кирпичей-то и нету. Каждый кирпич надо было для них создавать, прежде чем начать складывать стены... Они требуют сказок. Это, они считают, азбука, а когда в руках у них будет полная азбука, они уже смогут дальше все сами развивать и до всего дойдут, до чего и мы. Хотя теперь они уже не только сказки требуют, а даже и стихи... Только, понятно, они очень спешат. Ведь Срок-то приближается!

— Если мы вас верно поняли, милая Лали, эти ваши приятели не прочь были бы теперь нам помочь?

— Не прочь? Да они стараются вовсю, из кожи лезут! Ужасно только, что так поздно спохватились... Уф-ф-ф!.. Как это объяснить? Я не очень-то поняла, но это, по-моему, вроде как бы сделать перестановку мебели в громадной комнате. Для того чтобы не разбилась круглая ваза на хрупком столике, ее нужно отставить подальше от двери, в которую все входят. Но для этого надо сперва отодвинуть тяжелый диван, на его место подтолкнуть пианино. Тогда и вазе откроется безопасное местечко в уголке... Ну, слышите, теперь он надо мной хохочет!..

Никто, кроме нее, ничего не слышал.

— ...Объясняю как умею. Ну, и нечего смеяться... Лучше бы людям показался.

— Я тут! — явственно и невозмутимо проговорил голос. — Мы кое-что перестраиваем. Мы вас все время слушаем. Ты хорошо, Лали, рассказываешь. Как в сказке.

Лали еще минуту молча, внимательно слушала, хотя никто, кроме нее, решительно ничего не слышал. Взгляд ее из-под прищуренных век как-то замер, оставался вовсе неподвижным, как бывает, когда стараются не проро-

нить ни звука, ни шороха... Потом она перевела дух, раза два медленно кивнула и обернулась к собравшимся.

— Ну-у... — в какой-то нерешительности выговорила она, заметив, что все на нее смотрят и ждут. — Ну-у, я не знаю, что сказать... Ничего такого определенного, но они считают, что Срок, вероятно, чуточку отодвинется. Они все-таки там что-то наладили для этого. Может быть, им просто интересно проверить, чего можно достичь их техникой... если это называется техника... — Она снова резко обернулась к дышащему гроту. — Нет?.. Ну, я же не про тебя говорю. Про ваших ученых с Новой!.. И они нет?.. Про тебя-то я знаю!.. — Она опять говорила безответно, как будто с пустотой, хотя то, что происходило в перламутровом гроте, вовсе не было похоже на пустоту: там все время едва слышно жужжало, ритмически вспыхивало и как будто переливалось, непрерывно меняя формы текучих цветowych пятен. — Он говорит, что нет! Они, правда, прилагают все усилия не ради испытания техники, а чтоб по-пробовать нам помочь... Про Чудика я уж и не говорю. Знаете, он ведь со всем своим экипажем решил остаться на Земле, чтоб до конца вести передачу. Правда, это очень благородно? Они погибнут вместе с нами, хотя могут улететь к себе и наблюдать сквозь свои трубки, как тут будет заканчиваться жизнь!

— Это так, — гулко прозвучал в пустоте грота бесстрастный голос. — Ведь мы тебе предлагали, но так и знали, что ты откажешься.

— «Откажешься»!.. Да ничего страшнее и представить себе нельзя: упорхнуть с Земли и преспокойно устроиться на чужой планете, когда у нас тут все рухнет!

— Лали... — нежно касаясь кончиками пальцев ее лица, тихонько позвал Прат. — Лали!.. Люди ведь ждут, что ты им расскажешь про Новую. Ну, расскажи, что ты знаешь.

— Да, простите, пожалуйста... Только пускай он подсказывает! Ну, они жили на своей Старой планете, и всякая там техника-наука преспокойно у них развивалась и развивалась, до того момента, когда они вдруг определили, что им неизбежно угрожает катастрофа — столкновение с кометой, которая шла из глубин Космоса. Тогда они снарядили громадную ракету. Это было вроде как в легенде: Ноев Ковчег. Только лететь им предстояло так долго, что их пришлось слегка законсервировать, чтоб они не испортились по дороге. Ну, в общем, они благополучно прибыли на Новую, и там они, как маленькие черепашки, закопанные в прибрежный песок, выползли и попали прямо в руки автоматов, которые принялись их обучать. И они уже давно привели все у себя в полный порядок. У них, например, уже не осталось извилистых рек. Не может произойти незапланированная гроза или вдруг хлынуть дождик!.. У них нет диких облаков — их слой регулируется автоматически... Никто не может заметить, день или ночь на улице — свет всегда ровный: слишком яркий приглушается, слабый усиливается. Ну и конечно, на их чудесной благоустроенной планете нет ни одного животного: ни коровы, ни кролика, ни бегемота, ни самого несчастного мышонка, ни льва, ни козленка.

И ни одного сорняка, цветка или муравья! Все в самом чистом виде, ничего лишнего, бесполезного... Ох, до чего они удивлялись, как все беспорядочно устроено на нашей суматошной планете!.. Что, что? — быстро вскидывая голову, воскликнула Лали и просияла: — Ну наконец-то, а то меня слушают как-то кисло, как будто я присочиняю! Да я и не умею рассказывать, чего и сама-то не очень понимаю!

Она сделала широкий, забавно-торжественный жест, приглашая всех не пропустить того, что произойдет сейчас в раковине грота, точно ведущий программу перед эстрадой.

— Они уже все тут собрались. Сейчас вы их увидите. Весь экипаж моего Чудика.

Они возникли не сразу. Пять голубовато-серебристых силуэтов неясно забрезжили в переливающемся свете грота. Очень быстро они уплотнились, приобрели четкость. На мгновение они окутались ослепительной вспышкой, заставив всех зажмуриться.

— Извините, — без всякого выражения произнес голос, который все уже слышали, и вспышка угасла.

И вот они уже стояли друг против друга. Восемнадцать взволнованных руководителей земных Центров с Пратом, державшим за руку Лали, и пятеро сине-серебристых инопланетян с Новой.

Как ни странно, бледное лицо с удивительно спокойными, очень правильными чертами одного из них все-таки позволяло угадать, как через карикатурный портрет, недавно исчезнувшую пухлую физиономию гнома-гиганта в зеленом камзоле.

Он сделал шаг вперед, обыкновенный человеческий шаг, и сказал своим ясным, невыразительным голосом:

— Вот, мы здесь. Весь экипаж. Мы все здесь остаемся с вами.

— Ой! — испуганно воскликнула Лали. — А как же ваша... эта... «кастрюля»? Вы ее бросили?

— Да, мы ее уничтожили. Ведь мы же остаемся с вами. Совсем, до конца!

— Чудик! Ты просто прекрасный принц. Все вы принцы...

ГЛАВА 29

БАНКЕТ ДВУХ ПЛАНЕТ

Робби действительно справился. Ужин был до того великолепно приготовлен, что не только инопланетяне с Новой, но и обыкновенные жители Земли совершенно не могли угадать, из чего приготовлено все это взбитое, просочившееся, хрустящее тончайшими корочками и окутанное все новыми загадочными ароматами, возникавшими каждый раз, как только приподнимали крышку с очередного блюда.

Разместившись за круглым столом, все как-то смущенно переглядывались, неопределенно, но дружелюбно улыбаясь.

— Вот вы сидите такие симпатичные, похожие и разные, и мы могли бы теперь встречаться хоть каждую неделю, и подружиться, и даже полюбить друг друга... И ничего этого не будет! Ничего не может быть! Сердце разрывается, как только об этом подумаю,— Лали всхлипнула, стараясь улыбнуться.

Командир экипажа с Новой, которого Лали продолжала называть Чудиком, вдумчиво и пристально поглядел на нее. Губы у него как-то странно чуть скривились и дрогнули. Почему-то все поняли, что это улыбка. Было заметно, что инопланетяне и Лали свободно понимают друг друга без всяких слов, но Чудик, видимо, спохватился и вслух выговорил своим бесстрастным голосом:

— А лебеди, Лали?

— К нам-то они не прилетят!

— Надо мужественно прясть крапиву до конца!

— Будем,— виновато вытирая слезинки, сказала Лали.— Ловко ты выучился меня же поддевать!

— Вы совсем ничего не едите,— чувствуя себя хозяином застолья, вежливо укорил профессор Ив.— Разве...

— Нет, нет, химический состав пищи мало чем отличается от нашего. Да ведь мы не первый год работаем на околоземных орбитах, так что привыкли. Просто мы все время отвлекаемся... или, как это выразиться, озабочены... Поступают тревожные сообщения,— ответил Чудик, не дослушав.

— Вы хотите сказать, что получили тревожные сообщения? — с чопорно-вежливой недоверчивостью осведомился директор «Монблана».

— Я получаю их непрерывно. С разных сторон.

— Прямо тут? Сейчас? За столом?

Чудик вдруг как-то совсем отключился.

Лали, чувствуя себя чем-то вроде гида-переводчика, вздохнула и терпеливо пояснила:

— Я уже поняла, как это у него. Ничего особенного. Ну, как если б у вас в комнате начинал звякать то один, то другой телефон, и вы знали, откуда звонит каждый. Он выбирает тот, который ему сейчас интересен, и выслушивает передачу. Но ему телефона не нужно, у него натренирован мозг так, чтоб принимать сразу десяток. Он и сейчас слушает... Ведь он руководитель целого экипажа.

— Это так,— скромно подтвердил инопланетянин, которому Робби подкладывал на тарелку какие-то пухлые, окутанные паром шарики.

— Прошу принять дружески,— деловито хмурясь, обратилась Анда.— Все, чему мы были свидетелями и даже участниками, крайне интересно и эффектно, но меня не покидает чувство, что мы принимаем участие в какой-то фантазмагии, или феерии, или...

— «Сон в летнюю ночь», Шекспир? — поддакнул Чудик, возвращаясь к застольному разговору.— Вы тоже?..— Он пристально всмотрелся в лицо директора «Монблан».— Вы сейчас пересчитываете варианты возможных расшифровок всего того, что увидели в демонтированном операционном зале! Очень забавно, что для вас это явление так же ново, как для нас. Но мы уже давно разобрались. Это не так уж сложно...— Он вдруг оборвал разговор и замер. Минута тянулась долго в недоуменном молчании ожидания. Потом Чудик вдруг заговорил как ни в чем не бывало, методично, бесстрастно.— У вас есть с собой телекомпьютеры связи с вашими Центрами, не правда ли? Проверьте мои данные.

— О, конечно! Мы не теряем связи ни на минуту! — Финстер не без гордости выложил на стол, отодвинув тарелку, плоский футляр. С легким щелчком открылась крышка прибора.

— Вам, вероятно, привычнее будет следить за мной по изображению на плоскости?.. Да вот хоть на этой белой скатерти, если отодвинуть в сторону посуду...— он несколько секунд, не отрываясь, смотрел на скатерть, и там, как пленка при мгновенном проявлении, линия за линией, одна строчка цифр за другой, возник, наметился и налился с идеальной четкостью сложнейший отпечаток.

Вскочив со своих мест, все столпились вокруг отпечатка и работающего компьютера связи «Финстерхорна».

— Вот видите? Динамика движения черной кометы. Она приближается к вашей Галактике. Правильно?

— Все почти совершенно точно,— с мрачной добросовестностью констатировал Финстер.— Кроме незначительного отклонения орбиты кометы по отношению к первоначальным расчетам. У нас есть расхождения...

— Нет, просто у вас данные взяты час тому назад, а мои взяты около

восьми минут тому назад... Вот ваши... — Чертеж исчез со скатерти и на его месте появился другой.

Долгая пауза.

— Вот это абсолютно точно, — с некоторым торжеством громко провозгласил Сью-Сиу.

— Нет! — смахнул движением век чертеж Чудик. — Устарел уже и мой. Пятнадцать секунд назад соотношение еще слегка изменилось. Теперь вот так.

Все не сразу осознали, что новый чертеж звездного неба был объемный, собственно, он и не был чертежом, а как бы макетным изображением.

— Это поразительно! — подталкивая друг друга и переглядываясь, как самая обыкновенная кучка прохожих, столпившаяся вокруг непонятного уличного происшествия, восклицали руководители Центров. Потом они снова разошлись, рассаживаясь по своим местам за столом.

— Едва ли нам удастся еще очень много раз вот так собираться вместе и воспользоваться возможностью получить такую уникальную информацию. Может быть, отложим все беспорядочные вопросы и выслушаем, что могут нам разъяснить наши гости? — сказал Председатель. — Не много времени в нашем распоряжении, чтоб воспользоваться плодами этой информации. Но, как прекрасно заметил наш гость: будем пряхть нашу крапиву до конца. Будем делать все, что может человек, до тех пор, пока он может!

— Хорошо. Среди нас... — Чудик переглянулся с молчаливыми членами своего экипажа, — нет специалистов по древнейшей истории. Мы рядовые астротехники, так что я ненамного точнее, чем это сделала Лали, могу дать вам простую справку... Ведь эти события — предыстория нашей планеты Новая — отстоят от нас неизмеримо дальше, чем от вас времена Ниневии, Вавилона, Урарту. По-видимому, точно это установить уже невозможно. Невозможно на нашей старой планете цивилизация достигла среднего промежуточного уровня... Может быть, на какие-нибудь две-три тысячи лет опередив ваш сегодняшний уровень... К тому времени наши древние предки, по-видимому, не только совершали полеты на другие планеты своей системы, но построили на некоторых из них постоянные станции с длительным жизнеобеспечением, добывали там редкие элементы, металлы и тому подобное, но не успели еще продвинуться дальше этого. В общем, достигли Средней стадии. Вероятно, и на самой планете жизнь была еще не совсем упорядочена, возможно, что сохранялись еще отдельные раздробленные расовые, государственные объединения... Конечно, не такие архаические, как мы порой наблюдали на вашей Земле, нет!.. Но все же наши предки тоже оказались неподготовленными к надвигавшейся на их планету космической катастрофе... Да, примерно такой же, какая сейчас ожидает вас!

— Но ведь вы же не погибли! — неожиданно прорвался напряженно слушающий директор «Попокатепетль».

— Да, они не погибли. Но спасти свою планету тоже не смогли!

— Значит, планета погибла?

— Нет, она только раскололась на две очень неравные части. Погибла

только жизнь на планете. Наши предки хоть с этим-то сумели справиться: жизнь они спасли! Действительно, они успели снарядить ракету. До последнего времени у нас предполагали, что одну, но теперь мы допускаем, может быть, их было две. Это была отлично снаряженная к многолетнему полету в Космосе ракета, и... как вы их называете, компьютеры-роботы довели ее до вполне пригодной для жизни человека планеты Новая. Роботы совершили посадку и бережно сохранили и сберегли доставленную со старой планеты жизнь. Заторможенную, замершую на десятилетия, но настоящую жизнь! Ведь в ракете не мог бы долететь ни один человек, он умер бы от старости! И отлично запрограммированные роботы тотчас стали обучать проснувшихся от долгой спячки наших первых предков с Новой. Они впервые открыли глаза, когда им было всем по настоящему счету за пятьдесят лет. Ни один из них не прошел через детство, юность, молодость. Они как будто родились взрослыми, уже немолодыми людьми. И сразу попали в интенсивное обучение. Их научили как следует правильно обживать, организовывать планету Новая. Последующие поколения воспитывались и жили по раз и навсегда установленному порядку — все было подчинено одной, главной цели, на которую запрограммировано было все: перейти со Средней на Высшую ступень цивилизации, великой цели — научиться управлять своим космическим кораблем, планетой, на которой идет наша жизнь. Управлять настолько, чтобы овладеть средствами предвидеть и предотвратить любую катастрофу, надвигающуюся из неуправляемых глубин Космоса. Мы этой цели достигли. Мы давно уже предвидели и вычислили сроки вашей катастрофы и потому уже много лет вели наблюдение за тем, как она будет у вас протекать. Никакого интереса к судьбе обитателей этой планеты у нас не было и не могло быть. Мы были заняты чисто научным исследованием и всю собранную информацию пересылали в хранилища на Новой для последующей обработки и анализа.

Конечно, мы давно определили, что на вашей планете обитают существа, очень близко напоминающие обитателей нашей. Но какие выводы мы сделали? Никаких. Нам это было «безразлично», как я могу выразиться сегодня. «Нет заинтересованности» — как мы отвечали вам раньше... Мы совершенно не могли предвидеть того, что произошло потом, с непоправимым опозданием, к сожалению. Одна из сотен передач, именно с нашего аппарата, стала со временем вызывать «недоумение», «интерес», потом «замешательство», «сумятицу»... Я употребляю слова, которых у нас вообще нет, это ваши слова... Да, в передачах, которые мы брали у девочки Лали, открывалась целая область познания, совершенно нам неизвестная! Представьте себе, с малоразвитой, молодой планеты, далеко не достигшей Среднего уровня развития, шла первоклассная, абсолютно новая, неразгаданная информация, и у нас началось впервые то состояние неуравновешенности умов, столкновения характеров... словом, то, что у вас называют, может быть, словом «бунт»! Но это не надо понимать буквально. Точнее, неразумные, беспорядочные, настойчивые требования со стороны самых молодых обитателей Новой. Они не могут примириться с тем, что прекратятся наши передачи! К сожалению, все это про-

изошло с опозданием на целые годы. Были приняты непредусмотренные меры гигантского масштаба. Но времени было уже недостаточно. Ничтожно малое отклонение орбиты кометы вы сами отмечаете... Да, вовремя мы могли бы отвести ее в сторону и спасти жизнь на вашей Земле уже не тем допотопным способом, каким некогда спаслись наши предки: бегством на ракетах! А вы даже и к этому еще не подготовлены. Я сказал, что у нас была неясная научная гипотеза, близкая скорее к туманному мифу, что ракета, ушедшая в Космос незадолго до гибели Старой планеты, не была единственной. Может быть, она не погибла: управлявшие ею компьютеры-роботы привели ее благополучно к посадке. И где-то в глубинах Космоса сейчас растут травы и цветы нашей прародины и, может быть, пасутся стада, живут звери и только нет человека, такого, как мы. И наконец... Наконец, начавшись с тонкой ниточки связи, одно за другим прояснялось такое количество общности, что, кажется, нужен был только ключ, чтоб предположить: а ведь, может быть, Земля и есть наша вторая ракета! Может быть, это и не так. Мы ведь не проникали на миллиарды лет назад и не можем точно установить, когда и как родилась и развивалась жизнь на нашей Старой! Слишком это было давно. Но нам нравится так думать. Так или иначе, как смешно и трогательно выражаются герои ваших сказок, «у нас сердце разрывается» при мысли, что вы, кто научил нас стремиться к добру и счастью, мечтать, жалеть, сочувствовать, любить, жертвовать собой, прощать, ошибаться и бороться, все должны погибнуть! И это теперь, когда у нас появилась Цель, новая и самая высшая, — всеми силами прийти на помощь далеким братьям по сердцу и разуму, когда мы узнали, до чего односторонне и бесцельно наше существование на управляемой, идеально отрегулированной планете, где нет ни радости, разделенной с другими, ни страдания, ни мечты, ни борьбы, ни сострадания, ничего того, чему с самого пробуждения сознания вашего маленького человечка учит сказка, эта азбука человеческого сердца, без которой суха и безрадостна жизнь на нашей благоустроенной планете!..

Во время своего доклада или монолога голос Чудика звучал ясно и страстно и поэтому особенно поражал слушателей в тех местах, где он как-то неуверенно и неумело теплел, точно ступал на незнакомую почву. Неожиданно он не только замолчал, но как будто опять совсем отключился от всего окружающего.

— Не успеваю... — быстро проговорил он, и все четверо членов его экипажа повернулись и придвинулись к нему, напряженно как будто прислушиваясь к тому же, что слышал он.

Ясно было, что пытаться продолжать разговор с ними сейчас бесполезно.

— Вот, вы слышали? — растроганно произнесла Лали. — Как он разговаривать-то стал? А давно ли был совершенно бездушным идиотиком. Самой простенькой сказочки понять не мог, сколько я с ним ни билась!

— Допустим!.. — внушительно проговорил директор Центра «Килиманджаро».

— Совершенно верно. Многое нам приходится допустить...

— Почему именно он все упоминал о сказках? Почему девочка Лали? Все-таки это несерьезно как-то?

— Если меня что-нибудь удивляет, то это именно ваше непробиваемое удивление,— ворчливо и насмешливо подхватил Финстер.— Разве мы все, кто присутствовал на сеансе связи «Земля—Новая», разве мы все, по-своему, не погрузились в события сказки? Так что вас удивляет? У самых изощренных роботов, даже управляющих межпланетными кораблями, не может родиться не то что сказки, а даже колыбельной песенки или «раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять». Сказка была в начале всего. Как в тридцати буквах азбуки основа культуры, в семи нотах гаммы — вся музыка.

— Пускай так, но почему людям высочайшей цивилизации... и вдруг сказки? Ведь есть глубочайшие течения в литературах, великие произведения, наконец!..

— Ну,— улыбнулся Прат, слушавший молча,— я думаю, что просто ничего нельзя начинать прямо с вершины, проскочив всю массу нижних ступенек. Для ребенка сказка, немудреная историйка, но чем он делается взрослее, тем больше открывается мудрости ему в старой сказке. Один находит одно, другой совсем другое, каждый по своему росту, свое.

— Вот, вот! — оживленно потирая руки, суетливо вмешался Сью-Сиу.— Помню, в те далекие времена, когда мне, кажется, и ста двадцати еще не стукнуло, я пытался поучать маленьких человечков, всяких там праправнуков: «Вот, поймите, как прекрасно это!» Или: «Фу, как постыдно то!» И всякий раз убеждался, что это не производит на них ни малейшего впечатления! И вот, появляется некто и начинает с того, что нажимает некую, впоследствии оказавшуюся волшебной, клавишу, две, три, пять, и ты замечаешь, что звук не повисает в воздухе, а отдается прямо в сердце маленького человечка и там складывается в простенькую мелодийку или детскую сказочку, делается все сложнее, звучит все громче, становится симфонией или целой цепочкой связанных между собой сказок, которые мы потом называем как-нибудь так: «Илиада» или «Война и мир». И после этого уже не надо больше: «Это прекрасно, а это скверно». Человек уже понял и поверил сам!.. И можно только горько пожалеть, что наши новые друзья так поздно, совсем взрослыми ступили на первые ступеньки лестницы, о которой шла речь.

Директор Центра «Акангауга» давно уже сидела в сторонке на маленьком диванчике, ласково поглаживая тоненькую руку Лали. При этом она долго с мягкой настойчивостью все вглядывалась девочке в лицо.

— Ах, да прекратите вы бесплодные рассуждения о природе сказки. Разве в этом дело? Вот сидит с нами девочка, единственное существо на Земле, которая нашла общий язык с иной планетой! Ведь совсем недавно мы, обитатели двух планет, жили общей жизнью одной и той же сказки. И пускай слишком поздно, все же поняли, что все мы братья. Благодаря удивительному таланту этой девочки, которая... гм... так любит сладкое... Голубчик, как тебя, Робби, не пичкай ее все время своими пирожными!.. Не погибнет бесследно

тысячелетний опыт духовной жизни нашей планеты. Мы передали им в руки кончик цепи, и они его уже не отпустят.

— Да,— неловко откашлявшись, признался профессор Ив,— мы ее пытались отучать. Мы боялись за нее. Страшились той интенсивности, той силы воображения, фантазии, какая у нее развивалась... Конечно, мы упустили момент, когда ей на помощь пришли эти усилители с Новой, я упустил... и только недавно разобрался и тогда вот решился пригласить всех сюда.

— Но как это началось? Ведь это... давно?..— ласково спросила Анда, наклоняясь поближе к лицу девочки.

— Как?.. Я его очень любила. Тогда все легко.

— Это так,— обернувшись на ее голос, сказал Прат.— Видите ли, я потерял зрение еще до рождения Лали. Внешний мир образов и красок перестал существовать вне меня самого. Лали это угадала, еще не научившись говорить. А научившись, все свои силы направила, устремила на одно: стать моими глазами, она описывала, объясняла, сравнивала, изображала все, что видела сама. С годами она научилась представлять себе все, что читала, и я уже понимал ее с полуфразы... Эта ее способность передавать другим то, что чувствовала и представляла себе она, все усиливалась... Вот и все. Вся ее маленькая жизнь была подвигом. В основе ее таланта была любовь. Живая, самоотверженная, бескорыстная...

ГЛАВА 30

РУКА, ПРОТЯНУТАЯ ИЗ ЧЕРНЫХ ГЛУБИН

Разом оборвались все разговоры: с инопланетянами что-то произошло странное, тревожное. Они как-то заколебались, зашелестели, как деревья под порывами ветра. Замерли. Потом один вдруг поднял руку и вскочил с места. Чудик сидел как во сне, только глаза невидяще глядели, уставясь в одну точку. Тогда и вскочивший тоже сел и снова замер.

Всем стало беспокойно и очень неуютно.

Лали сидела, точно позабыв все окружающее, с полуоткрытым ртом, не отвечая на вопросы и не отрывая испуганных глаз от Чудика. Щеки у нее побелели. Она раза два судорожно глотнула воздух и схватилась за голову обеими руками, как будто пытаясь заткнуть уши.

Экипаж аппарата с Новой, все пятеро, вместе, потихоньку раскачивались из стороны в сторону, точно их качала какая-то неслышная колыбельная, но вовсе не успокоительная, а тревожная, беспокойная.

И всех, кто был в комнате, охватило тягостное чувство глубокой тревоги, непокоя, как будто они все беззащитно стояли на высочайшей вершине Земли, обдуваемые черным ветром Космоса.

Наконец профессор Ив, не выдержав напряжения, встал, покачнувшись от волнения и нетвердыми шагами, точно ступая по качающейся палубе корабля, подошел к Лали. Мягко положил ей руку на плечи и тихонько, как осторожно будят спящих, позвал:

— Лали... девочка!.. Лали?.. Что с тобой?..

— А?.. — Она невнятно, как сквозь сон, еле откликнулась. — Что-то... не знаю... Что-то громадное... — и замолчала.

Тянулись минуты, длинные, как часы... Минута за минутой тянулись, как бесконечная резинка, короткие отрезки мгновения растягивались на целые километры и не кончались.

Ожидание становилось невыносимым, трудно делалось дышать. Вдруг Лали, как во сне, удивленно проговорила:

— Он, кажется, просит всех встать? Он просит, да...

Почему-то никто не удивился. Вероятнее всего, потому, что у всех исчерпался запас удивления. Медленно, стараясь не шуметь, чтоб не спугнуть ти-

шину ожидания, руководители Центров Связи «Земля—Космос», поднялись со своих мест, все до одного.

Мужчины и женщины. Молодые и очень старые, белые, черные и смугло-желтые, рослые и совсем щупленькие. Люди с Джомолунгмы, Эвереста, Монблана, Эльбруса, Акангауга, Килиманджаро, Финстерхорна, Попокатепетля и Ането — встали плечом к плечу.

Пятеро инопланетян тоже встали. Так целую минуту они стояли друг против друга, не двигаясь, молча, те, чьи предки изобрели каменный топор, колесо, рычаг, создали первые изображения оленей и мамонтов на стенах пещер, сложили три нотки первой колыбельной песенки и сказки; чьи предки назывались финикийцами и галлами, эллинами, иберийцами и маори, пигмеями, нукубийцами и скифами и еще тысячью имен, и прямо против них пришельцы с планеты Новой — люди, с тонкими пальцами рук, с лицами, почему-то казавшимися в эту минуту совершенно прекрасными, воодушевленными.

В тишине все услышали, как тоненько вскрикнула Лали.

Она подбежала, спотыкаясь, к Чудику:

— Не может быть?!

Он закинул голову, и все увидели, что слезы медленно скатываются по его щекам.

— Они прилетели! — выговорил он с такой силой, что все невольно глянули на потолок, пытаясь разглядеть тех, кто в эту минуту должен прилететь. Он это заметил и встряхнул головой: — Лебеди! Ведь у нас уже не было почти никакой надежды, но они прилетели!.. Наши, на Новой, справились!.. Они бросили все силы, опустошили все резервы энергии на тысячу шестьсот лет! Они рискнули ради вас и справились. Комета уже сдвинулась с орбиты. У вас будут наводнения и всякие неприятности, но об этом говорить даже не стоит!.. Да вот, ваши уже узнали и передают!

Большой, во всю стену, экран стереовизора включился сам, как и должно быть в сверхэкстренных условиях. Прозвучал сигнал: «Сверхважное, слушать всем! Сверхэкстренно! Внимание! Всем! Всем!»

На экране возникли двое на своих обычных местах: диктор и дикторша. Они оба вели себя странно. По очереди, собравшись с силами, делали явно отчаянные попытки заговорить. Но вместо этого, открывая рот, только глотали воздух. Так продолжалось с полминуты, после чего дикторы закрыли лица руками, и их выключили.

Потом, после мелькания какой-то сумятицы, включили стаю дельфинов у берега, убрали, включили балет... футбольное поле... северного оленя. Он спокойно разгребал копытом снег, а вновь появившийся диктор опять ничего не мог выговорить, так что дали поскорее обычную заставку астрономических передач.

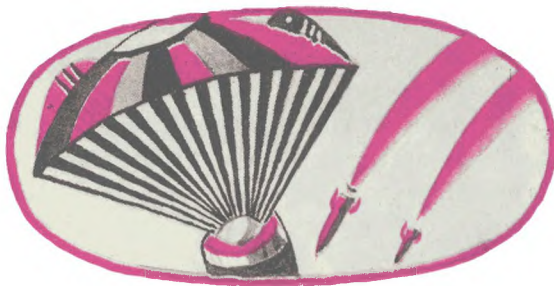
И вдруг на экране возник зал Центра в Гималаях и спина его директора, который не смог прилететь на заседание. Он вздрогнул и обернулся как ужасленный, как будто неожиданно кто-то ворвался к нему в комнату, да так оно и было, потому что его включили самовольно, не спрашивая согласия.

Вокруг него толпились сотрудники Центра — знаменитые и почтенные ученые Земли, сейчас они поразительно были похожи на растерянных школьников во время большой перемены.

— По-видимому... — тоном академической лекции начал директор. — Мне выпала... досталась обязанность... Что касается прослеживаемой нами орбиты черной кометы... То действительно, каким-то образом... Комета отклоняется... уходит. Короче: жизнь на Земле продолжается!

ГЛАВА 31

НЕБОЛЬШАЯ ШАЙКА РАЗНОЦВЕТНЫХ РАЗБОЙНИКОВ

Сумерки опускались над лугом. Из распахнувшихся люков межпланетного корабля дети с Новой прыгивали прямо в снег, вскрикивали от радостного изумления и замирали, не зная, что делать дальше. Потом, опасливо и нерешительно, они стали зачерпывать, набирая полные ладони снега, и подбрасывать вверх, так что карликовые пушистые метельки взлетали и стояли в воздухе, неожиданно обнажая у них под ногами невиданную зеленую свежую травку.

— Это называется снег! Сколько снега!

— Как он холодит!

Множество маленьких фигурок в плотно облегающих, как трико, из гибкого металла костюмчиках разбегались во все стороны по лугу, разноцветно посверкивая в медленно густеющей синей полутьме.

— Да смотрите все скорей вверх! Это же белые облака! Дикие облака плывут, куда хотят, в чистом небе, сами по себе!

— Темнеть начинает! Скоро наступит настоящая ночь!

— Мы увидим луну? Или месяц?

— Сюда! Сюда! Тут деревья! Живые деревья! Наверно, это дремучий лес!

Сбиваясь в кучки, они обступали старые деревья, внимательно и осторожно ощупывали шершавую кору, гладили толстые корни, уходящие в таинственную земную глубь.

— Тут жил-был у бабушки серенький козлик? — допытывалась совсем маленькая девочка.

— Вот это ветка!.. А это все листья, листья, их надо касаться осторожно!..

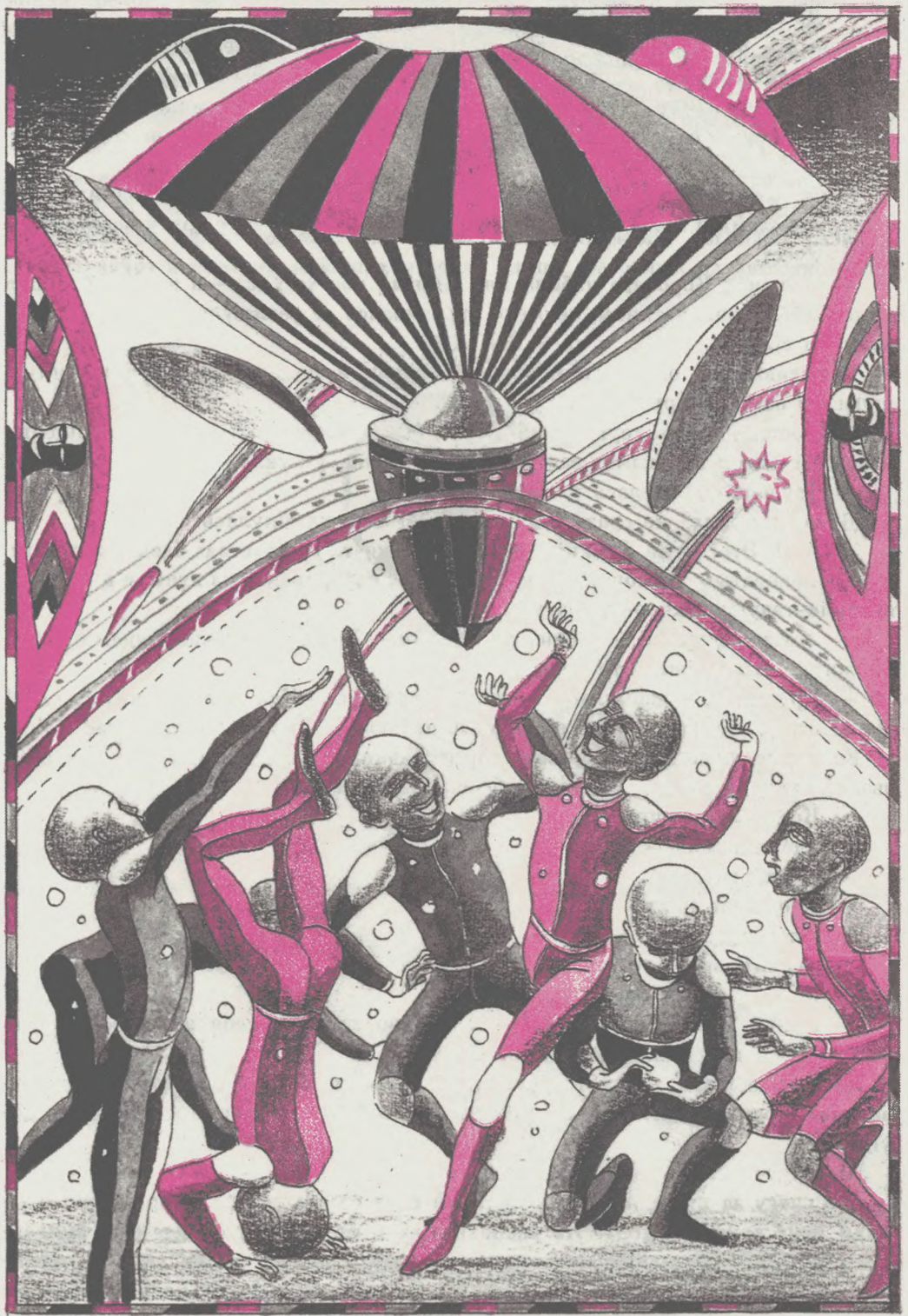
— Сюда к нам бегут!.. Это маленькие земляне. Они себя называют так: люди!

Целая орава земных ребят выкатилась на луг, нестройно загалдела и, разом смолкнув, стала на месте как вкопанная.

Потом послышался охрипший от волнения голос Фрукти:

— Значит, правда!.. Братики, ведь это «зеленые человечки» прилетели!

— Ура, «зелененькие»!

— Да они же все разноцветные!

Изнывая от любопытства, две толпы медленно перемешивались, оглядываясь, принюхиваясь, ощупывая, окликая на разные голоса друг друга.

— Вы не знаете, что делать со снегом? — вдруг изумился Фрукти. — Смотрите, как это делается! — Он смял и скатал в ладонях пригоршню снега...

Через минуту фиолетовый сумеречный воздух над лугом наполнился веселыми визгами и мельканием снежков, дугой летящих друг другу навстречу и наперекрест.

— Снежная Королева набила мне полный нос холода! — в восторге пищал маленький инопланетянин, неумело отряхиваясь от разлетевшегося пушистым взрывом снежка.

Запахавшаяся от смеха Оффи подбежала и подняла за руку шлепнувшуюся в снег изумрудно-зеленую девочку.

Они остановились друг против друга, обе с полуоткрытыми от восхищения новизной ртами и руками, растопыренными, как у куклы.

— Ты нарочно оделась в такое... зеленое?

Девочка поняла не сразу, потом обрадованно улыбнулась:

— А-а! Это? — Ее гибкий, блестящий костюмчик стал бледно-зеленым, чуть зеленоватым, серебристым и понемногу, переливаясь из цвета в цвет, стал янтарно-полупрозрачно-дымчатым.

— Вот это здорово! — прошептала Оффи. — Хочешь, девочка, будем с тобой дружить... Вы дружить-то умеете?

— Дружить?.. — запнулась янтарная девочка. — Как это дружить?.. А-а! Ну конечно, это, как в сказке «Верные друзья»?.. Давай!.. А где у вас Лали?

Ее кто-то услышал и со всех сторон маленькие новики (их уже так прозвали) закричали, всполошились, бросили игру в снежки.

— Когда будет опять Лали?

— Где она сейчас?

— Хотим к Лали!

— Кто знает Лали?

Фрукти изумился:

— Значит, вы ее знаете?

— Мы-то?.. А вы знаете?

— Лали? Мой лучший друг! — горделиво хлопнул себя кулаком в грудь Фрукти. — Я показываю дорогу! За мной!

Разнопланетная толпа растрепанных земных и гладких, слабо освещающих новиков катилась по улицам города, заглядывая по дороге во все уголки.

Навстречу им открывались все двери.

На снегу за ними оставался пестрый след от конфетти, которым они осыпали друг друга на ходу. Из распахнутых настежь дверей детского универмага выбегали отставшие, напяливая на ходу смешные маски гномов, чертиков, мартышек и поросят и устремляясь к сияющим в конце улицы витринам

кондитерской. Там, среди полок, уставленных глубокими вазами, доверху заваленными шоколадками в блестящих разноцветных обертках, новики, столпившись вокруг ребят, учились разворачивать шуршащую оболочку, надкусывать шоколадки, сосать, чмокать, делиться и угощать друг друга.

Жители города, прослушав передачу стереовидения, не предались бурному ликованию. Точно в день тихого праздника, они все выходили на улицу, обменивались приветливыми и задумчивыми кивками, словно встретясь после очень-очень далекого путешествия, из которого возвращаются умудренными, поняв многое, самое важное. Они стояли тихо, провожая взглядом развеселых чертенят и поросят, мчавшихся вдоль улицы, рассыпая из мешочков конфетти.

ГЛАВА 32

НА ПЛАНЕТЕ НОВАЯ РОЖДАЕТСЯ МЕЧТА

— Собственно, вы можете считать, что это просто небольшая шайка космических разбойников! Как могла бы выразиться Лали,— произнес Чудик, обращаясь ко всем собравшимся на террасе загородного дома Непомника.

Высоко над его головой, над домом, над верхушками деревьев, матово светились, пульсировали сотни небольших полусфер, образуя как бы купол, похожий на звездное небо.

Воздух был удивительно теплый. Молодой месяц восходил за деревьями. Станный летний снег уже растаял бесследно. В саду, на лугу, вокруг фонтана и на самой террасе, где расположились все приглашенные ученые, руководители Центров и друзья Лали, было почему-то совсем светло, хотя источников света как будто не было.

Птицы проснулись и начали посвистывать, и перекликаться, и перепархивать среди кустов.

Истекала последняя минута ожидания начала Первого Прямого Визуального Контакта «Земля—Новая».

— Почему я должна их называть разбойниками? — тихонько спросила Лали.

— Ну, безобразниками. Ведь это самовольная группа. Они вылетели на Землю, когда совсем не было надежды, что мы сумеем справиться с кометой!.. Судя по визгу и крику, они сейчас тут появятся!.. Вот они!

Действительно, они уже были тут.

Они не бежали, а передвигались короткими перебежками — от одного чуда к другому.

Маленький рыже-белый терьер Рока с лаем бросился навстречу пришельцам. Его вид, его крепкий, отрывистый голос, быстрота движений вызвали новый прилив восторга узнавания.

— Это небольшое животное и есть пес! — взволнованно объяснил своим малышам подросток-новичок. — Вот это называется шерстка, она теплая, ее можно погладить рукой, видите?

— Его зовут Рока, — пояснил Фрукти. — Он любит играть с антилопой и умеет ругаться с попугаем! Замечательная собака, верно?

— Оно меня лизнуло! — с восторгом и гордостью закричала зеленая девочка.

— Доброе чудовище! Он вылез из воды!

Чудик бросил беглый взгляд вверх на полусферы и негромко сказал:

— Прямой контакт есть! Они все видят. И слышат, конечно. Громадный интерес... — Он как будто недоверчиво прислушался и, убедившись, договорил: — Да, вся планета сейчас нас видит и действительно... они испытывают чувство волнения.

— Чудик! Нас сейчас видят на вашей славной планетке? Им хорошо все видно?

— Они слышат каждый шорох и видят все разом и все подробности... Вон там валяется в траве наш мальчик и держит перед глазами руку, по ней ползет рогатый жук-олень, в глазах у малыша застыло чудо. Да, так оно и есть, — встречаются две жизни. Впервые.

Попугай, не находя себе места от желания как-нибудь вмешаться и обратиться на себя внимание, уловил мгновение тишины и заорал скандальным голосом:

— Что тут смешного!.. Что?.. Что?.. Ша-арик ма-а-аленький!.. Давай со- врем!

Непомник брызнул на него водой из чашки и сердито шикнул. Попугай от оскорбления закатил глаза и рухнул на спину, изображая глубокий обморок. Повиснув вверх лапами на жердочке, точно некая бесчувственная груша, по обыкновению, приоткрыл щелочку хитрого глаза.

Прат вдруг вздрогнул, поднял голову, обвел своими слепыми глазами мерцающий купол работающих полусфер, всю просторную поляну, полную детей, и тихонько тронул плечо профессора Ива.

— Поразительно... — шепнул он, — я сам не могу поверить: я вижу!.. Вероятно, все это видят они оттуда: вон стоит моя милая Лали... Нет, разве я могу поверить, что увидел ее впервые в жизни? Я столько лет ее знаю, как самого себя.

— Вот вам Лали! — крикнула Оффи. Она стояла, держа за руку двух девочек-новичков. — Вот это она!

— Как будто бы мы ее и так не узнали! Лали!

— Лали! Лали!

— Подойди и стань вот тут, рядом со мной, Лали, будь добра! — неожиданно таинственно воскликнул Чудик. — Неважно, куда ты повернешься лицом. Они видят тебя со всех сторон. Они на минутку хотят тебя увидеть просто так, когда ты ничего не рассказываешь. Можешь ничего не говорить... Ну, просто подними обе руки вверх, они поймут, что ты приветствуешь нашу Новую.

Лали встряхнула головой, просияла счастливой улыбкой, чуть не вскинула руки и вдруг испуганно схватилась за левое плечо.

— Ой, Чудинька, кажется, я не могу поднять руки! — Она, густо краснея, шепнула едва слышно: — У меня, понимаешь ли, рукав... Я еще сегодня все хотела и не успела зашить...

— Они привыкли, знают, что у тебя немножко надорван по шву рукав под мышкой. Не бойся, они тебя ведь любят!

И Лали, смущенно хмыкнув, без колебаний вскинула высоко обе руки.

Несколько секунд прошло в напряженном молчании. Лали полувопросительно смотрела на Чудика, ждала. И вдруг, робко и растроганно улыбнувшись, закинула голову и, обращаясь куда-то в пространство, где за мерцающим куполом полусфер горели бесчисленные звезды ночного неба, воскликнула:

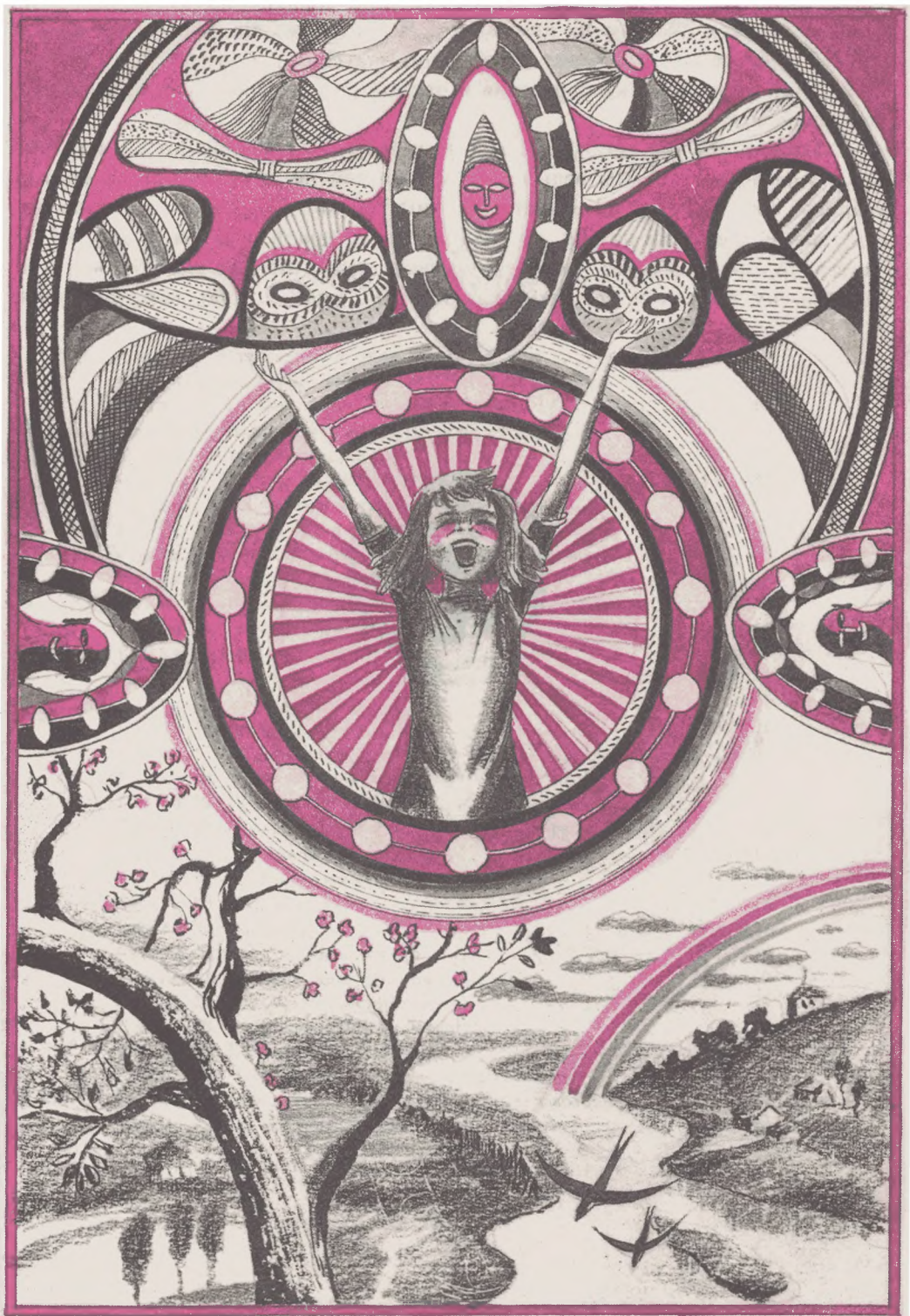
— А мы, земляне, вам отвечаем: спасибо!

Чудик удовлетворенно наклонил голову и заговорил:

— Новая приветствует собрата по Космосу!.. Конечно, мы поможем вам освоить технику, необходимую, чтоб сделать вашу планету управляемой. Ведь это вы открыли нам глаза на целый мир. Вы научили нас первым шагам сочувствия и сострадания к тем, кто жил до нас, к инопланетным людям и животным, растениям, ко всем жизням. Мы перестроим у себя все. У нас на Новой все мечтают теперь о лучшем будущем. Ваши маленькие и большие животные, звери, тоже войдут в нашу жизнь, мы сделаем их своими друзьями. Несчастные, первобытные ваши дикие предки и те сумели приручить вот этих животных, собак. Можете не сомневаться, что мы сумеем приручить, подружить с нами всех остальных! У нас будет ночь и будет день, тепло и холод, и облака, похожие только на облака, и мы заключим вечный мир с природой. Сила Разума и Сердца разумных обитателей планет — не для вечной борьбы на уничтожение, а для защиты слабых, преодоления страха и недоверия.

У нас, конечно, как и во всем Космосе, нет бессмертия, этого глупого суеверия, порожденного нелепой жадностью. Люди, как все живое, умирают по закону сохранения жизни, смены, омоложения всего живущего.

Вы нам ужасно нужны — мы многое хотим заимствовать у вас! Пускай и наши ребятишки будут подольше просто детьми, спят и играют вместе с какими-нибудь глупыми мартышками и делятся с ними поровну бананами, чтоб маленькие копытца ваших горных козочек стучали, как тут, избегая по ступенькам террасок, чтоб все звери доверчиво просовывали свои любопытные морды в незакрытые окна и белки залезали в карман за орехами, чтоб, как сегодня, у вас животные из лесу бежали прятаться от дождя и холода или от страха к людям в их жилища, чтобы дети засыпали, обняв какого-нибудь любимого кабаненка или енота. И в тот день, когда у какого-нибудь человека будет приходиться к концу естественный срок его жизни, потому что на всех планетах он все-таки обязательно приходит к концу, хоть в глубокой старости, чтоб последние его дни и минуты в нем не оставалось бы ни капли бесполезной досады, горечи, зависти, злобы, чтоб он был не одинок и, кроме молчаливо собравшихся вокруг него близких людей, он мог зарыться рукой в гриву старого приятеля льва, чтоб какой-нибудь суслик, сидя у него на одеяле, тербил от сочувствия его складки лапками, чтоб чей-нибудь шершавый братский язык лизнул на прощание ему руку в тот миг, когда он в последний раз

мирно улыбнется им всем на прощание... Что, малыш, ты хочешь что-нибудь сказать? Тебя сейчас все видят у тебя дома, на Новой. Говори!

Мальчик стащил маску поросенка и открыл разгоряченное лицо, испачканное в шоколаде.

— Скажу!.. Эй, мы тут!.. Да здравствует эта милая Земля! Вот это планета! Мы ее уже полюбили! Мы ведь никогда ни с кем не дружили, ни за кого не пугались, пока не начали слушать Лалины сказки! Мы никого в жизни никогда еще не кормили из рук, не гладили, не держали в руках, а это так замечательно, когда в ответ тебе вдруг лизнут руку, это так удивительно приятно! Ой, ну вы потом все сами увидите! В общем, да здравствует Земля!

К о н е ц

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Византийский торт	3
Глава 2. Столетний юбилей	9
Глава 3. Эта немножко странная Лали...	15
Глава 4. Лали читает свою бумажную книжку	20
Глава 5. Эпоха контакта	26
Глава 6. Крупная семейная неприятность	32
Глава 7. Лали устраивает учительнице насморк	36
Глава 8. Фрукты и его забавная карусель	41
Глава 9. Огородно-звериное убежище Непомника	44
Глава 10. Сомнительная достоверность истории...	50
Глава 11. О железном ошейнике в каменной темнице	54
Глава 12. Легенды не обманывают	61
Глава 13. Маленький заговор сразу же ломается	67
Глава 14. Спящий театр просыпается	75
Глава 15. Мачеха XXI	84
Глава 16. Золушка XXI	91
Глава 17. Заброшенная электронно-космическая башня	94
Глава 18. Срок неуклонно истекает	99
Глава 19. Бездушный голос Космоса	102
Глава 20. Познакомиться лучше всего перед расставанием	108
Глава 21. Узница башни	113
Глава 22. Первое знакомство	117
Глава 23. Лицом к лицу	123
Глава 24. Оффи	127
Глава 25. История Непомника	136
Глава 26. Нелепое приглашение принято!	140
Глава 27. Заседание по-старинному	144
Глава 28. Лали представляет Чудика	149
Глава 29. Банкет двух планет	154
Глава 30. Рука, протянутая из черных глубин	162
Глава 31. Небольшая шайка разноцветных разбойников	166
Глава 32. На планете Новая рождается мечта	170

Для среднего и старшего возраста

Федор Федорович Кнорре

БУМАЖНЫЕ КНИГИ ЛАЛИ

Повесть-сказка

ИБ № 6488

*Ответственный редактор
Н. С. Арапина*

*Художественный редактор
О. К. Кондакова*

*Технический редактор
Г. Г. Седова*

*Корректоры
Г. Ю. Жильцова и Э. Я. Сербина*

Сдано в набор 18.02.83. Подписано к печати 24.11.83. Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,95. Усл. кр.-отт. 32,5. Уч.-изд. л. 10,40+4 вкл. = 13,67. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2092. Цена 1 р. 10 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Кнорре Ф. Ф.

К53 Бумажные книги Лали: Повесть-сказка / Рис. Г. Юдина.— М.: Дет. лит., 1983.— 175 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к.

Повесть-сказка известного советского писателя, утверждающая силу и величие духовного начала в жизни человека и всего человечества.

К 4803010102—581 268—83
М101(03)83

Р2

1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

